
Сергей КУПРИЯНОВ

ГЕНЕРАЛЬША

Повесть¹

Моей матери

1. Москва

За окном замелькали постройки, городские кварталы. Поезд заметно сбавил скорость и осторожно подкрадывался к вокзалу, отсчитывал последние метры долгого пути. Иван Никитич молчал, напряженно, в раздумьях смотрел в окно. Катя тоже не хотела беспокоить супруга пустяками, водила пальцем по бежевому линкрусту, повторяя его выпуклый узор.

Не было в жизни Катерины такого трепетного и волнующего момента, как этот. Даже тогда, когда сказала «согласна», даже тогда, когда прощалась с матерью и уезжала из города, где прошло все детство. Даже та первая ночь, проведенная с незнакомым и неприятным человеком, как-то неожиданно ставшим ее мужем, вызывала скорее страх и оцепенение, чем трепет.

Иван Никитич встал.

— Ну... вот и Москва-а-а, — протянул он торжественно.

Грудь наполнилась тревогой, приятной и незнакомой. Катя вздохнула, набросила на голову платок, туго завязала и встала, словно готовясь к решительному прыжку. Поезд дернулся, остановился, выдохнул, будто издох. Она взяла чемодан и направилась к выходу.

— Да оставь ты его, — перехватил чемодан Иван Никитич, — носильщики ж есть.

— Я не барыня! Я и сама могу!

— Сама... — иронично растянул Иван Никитич. Он снял с крючка фуражку и натянул низко на глаза, покрутил головой перед зеркалом в купе, поправил стойку кителя и пригладил отворот шинели. — Привыкай, ты теперь жена моя, соответствовать должна... положению.

Катя опустила глаза.

В дверь купе слегка стукнули. Галеев открыл дверь, и на пороге показался молодеватый капитан — высокий голубоглазый красавец с ямочками на щеках. Он скользнул взглядом по Катерине, коротко приставив руку к фуражке, представился:

— Капитан Доценко, товарищ полковник, с прибытием!

Иван Никитич протянул ему руку. Катя украдкой взглянула на капитана. Охватила какая-то робость. По щекам разлился румянец, словно сам артист Столяров заглянул в купе. Она потупила взгляд, отвернулась, стараясь не показывать смущение.

Сергей Николаевич Куприянов родился в Южно-Сахалинске в 1959 году в семье военнослужащего. Прозаик, сценарист, публицист. Окончил Харьковский политехнический институт. Публиковался в журналах «Радуга» (Киев), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Нижний Новгород». Лауреат премии «Золотая роза» им. К. Паустовского в номинации «20 лучших рассказов» (2015). Живет в Кривом Роге.

¹ Журнальный вариант.

— Спасибо, капитан. Ну, хватай вот этот! — Иван Никитич выставил в проход Катин чемодан, достал с верхней полки еще один. Доценко схватил их, еще раз бросил игривый взгляд на Катерину.

— Сейчас носильщика позову!

На перроне пахло паровозным дымом, шпалами и весной. Катя осторожно, словно в неизвестность, спускалась со ступенек. Доценко протянул руку.

— Прошу... Меня Николаем зовут, если что...

Он лукаво подмигнул, неотрывно заглядывая в глаза, спустил Катю со ступенек, а затем повертел головой и громко скомандовал:

— Носильщик! Ко мне!

Появился мужичок-татарин в форме с бляхой и подбострастием. Он схватил чемоданы, поставил на тележку, суетясь, подбежал к спускающемуся Ивану Никитичу и выхватил чемодан из рук.

— Это и все вещи? — спросил Доценко.

— Больше не обзавелся. Пошли.

Катя заворожено разглядывала здание вокзала, людей. Она ослабила платок и шла следом за Иваном Никитичем. Галеев шел впереди, чеканным, уверенным шагом, цоккая подковками на сапогах, сшитыми лагерными умельцами. Чуть впереди семеня Доценко, услужливо что-то объясняя, постоянно оглядываясь на Катерину. Катя смотрела на спину и бритый затылок супруга и думала над словами Галеева: «должна соответствовать». Как соответствовать? Тоже носить фуражку и сапоги? Или с таким же пренебрежением смотреть на носильщика? Затылок Галеева молчал. Наверное, он не слышал этих глупых вопросов или не считал нужным на них отвечать. Становилось жарко. Майское солнце столицы предлагало носить легкие шляпки и расклепанный плащ из габардина, туфельки на каблучке, в каких встречались московские дамочки, а не теплый платок, тяжелое пальто на ватине и чугунные ботинки. Катерина с жадностью разглядывала «дамочек», пытаясь зафиксировать каждую складку одежды, походку, поворот головы. И туфельки. Они словно только слегка касались перрона, и казалось, дуновение ветра может их поднять, закружить над головами, как воздушный шарик в Первомай. Катя задержалась взглядом на одной такой дамочке и, получив в ответ взгляд, полный презрения и надменности, смущенно опустила голову и смотрела только перед собой, глядя на начищенные до блеска задники сапог Галеева и золотистые пуговицы на его шинельной шлице. Она скинула платок и расстегнула пальто. Становилось душно и от теплого майского солнца, и жара, внезапно нахлынувшего от взгляда незнакомки.

Доценко подбежал к передней двери «эмки» и распахнул ее.

— Прошу, товарищ полковник.

Затем открыл заднюю и попытался под руку взять Катерину, но она неохотно прижала локоть. Доценко ухмыльнулся.

— Ну, как знаете...

Погрузив весь небольшой скарб, тронулись. Доценко ехал рядом на заднем сиденье, любезно рассказывая о некоторых достопримечательностях столицы.

— Вот высотку строят, таких по Москве штук десять будет!

Катя с детской непосредственностью даже вскрикнула от увиденной громады строящегося величественного здания. Доценко сидел с видом искушенного знатока, будто принимал в строительстве самое непосредственное участие.

Мелькали здания, люди, машины. Катерина с любопытством и ребяческим азартом смотрела на этот kaleidoscope оживших картинок из журналов и альбомов, которые она специально брала в библиотеке, чтобы наперед познакомиться с Москвой. Они оказались еще более впечатляющими, чем на бумаге. И тревога разочарования, которая была в момент, когда поезд остановился, сменилась переполняющей радостью, что начи-

нается какая-то светлая страница ее жизни, в большом, наполненном теплом и жизнью городе. Она почти не слушала, что говорил Доценко, а углубилась в свои ощущения, грезы предстоящей здесь жизни. Галеев молча курил и смотрел прямо, не обращая внимания ни на Доценко, ни на столичные красоты. Казалось, он все это видел тысячи раз, и ничто не могло его удивить или взволновать.

— Какой смешной автобус! — воскликнула Катя, тыча пальцем в стекло, показывая на двухэтажный троллейбус.

— Это троллейбус, — угрюмо буркнул Галеев, не повернув в ее сторону головы.

Катя проводила глазами троллейбус и перевела взгляд на затылок мужа. Доценко хмыкнул. «Нужно соответствовать», — подумала она. Стало немного стыдно за свою провинциальность. Она почувствовала неловкость еще на вокзале, когда «дамочка» пронзила ее самолюбие презрением. Сейчас это чувство только усилилось. Она выпрямилась и изредка бросала взгляд то на затылок супруга, то на городской пейзаж за окном. Доценко молчал со снисходительной ухмылкой, что еще больше усиливало ее стыд.

Машина подъехала к невзрачному трехэтажному зданию, на котором красовалась табличка «Общежитие №3». Первым выскочил водитель, обежав машину, распахнул дверь перед Галеевым. Вышел Доценко и протянул руку Кате. Она нехотя позволила поухаживать за собой, чувствуя все ту же снисходительность на лице капитана, словно он знал о какой-то ее тайне.

— Вот и приехали. Скворцов! Вещи на второй, в двести десятую! — скомандовал Доценко шоферу, — Если проголодались, товарищ полковник, тут столовая есть, не-подалеку. На довольствие... все равно уже не успеем.

— Ты как? — Галеев посмотрел на Катю. — Перекусим?

— Не знаю... — неуверенно произнесла она не столько из-за того, что не разобралась, насколько голодна, сколько не была уверена, не увяжется ли этот хлыщ капитан за ними и не будет смотреть на нее так же снисходительно-высокомерно.

— Пошли, — прервал ее сомнения Галеев, — а ты, капитан, свободен. Машину завтра в восемь. Отдыхай.

— Вас понял, товарищ полковник, — обмяк Доценко, поняв, что его предусмотрительность и необходимость не оценены начальником. Кисло улыбнулся, приставил руку в приветствии:

— Всего доброго...

Он что-то еще хотел добавить, с ухмылкой посмотрел на Катю, словно искал повод остаться.

— Найдете сами? Тут недалеко...

— Найдем, — оборвал Галеев.

После этих слов Катя почувствовала, что голодна.

Ночь на новом месте прошла в тревоге и дурных мыслях. Катя почти не спала. Ворочалась осторожно, боясь скрипнуть и разбудить Ивана Никитича. Тихо плакала, травя себе душу сомнениями, что поступила правильно. Не было в ее короткой девичьей судьбе ни романтических ухаживаний, ни опыта отношений с парнями, ни вообще с мужчинами. Все так быстротечно и внезапно. Больше полагаясь на опыт и авторитет матери, чем на собственные чувства. Манила Москва, она грезилась о Большом театре, больших проспектах, домах, где жили какие-то особенные люди, концертах и музыкальных вечерах. Может, это и было главной причиной выйти замуж за Ивана Никитича? Она и сама не могла себе ответить. Вырваться из серости и безысходности Саранска, где она провела не очень сытую и однообразную жизнь. Ну и конечно — мать. Она словно выпихнула ее, как мать выпихивает ребенка из полыньи, чувствуя обреченность и неминуемую трагедию, а сама уходит под лед.

Душила обида, необъяснимая, безутешная, когда вспоминала ту «дамочку», ухмылки Доценко. Как в детстве, когда мальчишки устроили обструкцию, когда не хотели принимать в пионеры из-за отца. И еще Иван Никитич. В столовой он выпил, а когда ложились спать, стал помогать. Меньше всего сейчас хотелось его ласк и поцелуев. Катя расплакалась. Хотелось убежать куда глаза глядят. Любовный порыв Галеева угас, он молча, с угрюмым видом разделся и лег спать.

Под утро она уснула, успокоив себя, что все-таки она в Москве, все еще наладится, как-то устроится. Она замужем, как говорила мать, «за каменной стеной». Все будет хорошо.

Она проснулась от ощущения, что Иван Никитич залез к ней под ночную рубашку и крепко схватил за ягодицу. Катя встрепенулась, вскрикнула, хотела вскочить, но Галеев с силой откинул ее опять на подушку.

— Ну что ты, как целка, будто в первый раз!

Взгляд был суровым, не терпящим возражений. Катя прерывисто вздохнула, повернула голову к стене, выражая повиновение. Галеев навалился сверху и вошел в нее. Катя сильно зажмурилась, словно от боли. Хоть больно и не было, но память того первого раза остро засела в голове, не позволяя расслабиться. И уговаривала себя, что это необходимая часть супружеской жизни, но не могла себя превозмочь. Супруг, недолго поскрипев кроватью, свалился на бок.

— Тебе что, так противно?

— Нет... просто больно, — соврала Катя, выдохнув с облегчением, поняв, что экзекуция закончилась.

Галеев недоверчиво посмотрел на нее, встал, закурил.

— Правда, Иван Никитич, все эти переезды... так меня измучили...

Галеев пристально посмотрел на жену. Щеки Кати предательски горели.

— Ладно, давай мужа собирай.

Катя быстро встала, застелила постель, наспех заплела волосы в толстую косу и стала ждать указаний Галеева. Хотелось побыстрее остаться одной, не чувствовать на себе его взгляд, быть собой и не стараться «соответствовать».

— Сапоги начисть, — Галеев брilsя, вытянув подбородок, срезая пену опасной бритвой.

Катерина с готовностью бросилась в угол, где стояли сапоги. Они отливали лаковым блеском, словно уже кем-то начищенные. Она надела один сапог на руку и покрутила перед глазами.

— Иван Никитич! А они и так начищены...

Катя поднесла сапог и показала супругу. Галеев посмотрел на сапог, затем на Катю.

— Начищен — это когда отражение свое в нем увидишь, понимаешь? — Галеев налил в горсть «Шипр» и стал лупить себя ладонью по щекам, вбивая в лицо одеколон.

Катя отошла назад в угол. Она покрутила сапог на руке, пожалала в недоумении плечами, открыла маленький фанерный чемоданчик, в котором аккуратно были сложены три щетки, с щетиной разной длины и жесткостью, баночки с ваксой и две широких полоски: одна суконная, а другая темно-бордового бархата, похожего на знамя, которое висело у них в училище. Катя растерялась. Казалось, что это был набор профессионального чистильщика. Она оглянулась на супруга, боясь сделать что-то не так. Наличие такого набора говорило, что обладатель его относится к чистке обуви как к некоему ритуалу. Галеев уловил ее растерянность.

— Возьми вон ту крайнюю щетку, жесткую, а ваксу лучше на скипидаре, вон ту, с завинчивающейся крышкой, она больше блеска дает. В дождь лучше с воском, но он не так блестит. А потом суконкой натираешь. Ну, а в конце... бархоткой, — плавно провёл он рукой. — Это наука, Катерина. Осваивай.

Катя открыла банку, и комната наполнилась резким, неприятным запахом, вытаскивая из памяти детские воспоминания, как мать натирала ее скипидаром, когда та сильно простыла. Уже много позже он напоминал ей болезни, мрачную фельдшерскую, глаза матери с застывшими в них слезами. Катю передернуло. Она макнула щетку и с силой, старательно начала растирать ваксу. Затем надела сапог на ногу и с энтузиазмом отполировала его суконкой.

— Прежде чем брать суконку, нужно дать время ваксе впитаться и просохнуть, — заметил Галеев жене. — Понимаешь, Катерина, по сапогам-то все отношение к службе можно понять. Бывает, и блестят, а не подбиты. Сразу видно — очки втирает, карьерист. Грязные — лодырь или неряха. Тоже путнего-то не жди. Уж сколько я в этом убеждался... Я людей по сапогам сразу раскушу. Так и отец мой меня учил, а он хоть и сапожником был, а разбирался не только в сапогах, но и в человеке, который их носит. А уж сапоги-то знатные точал... ммм... Сейчас поди сыщи... Вся Самара знала, ежели нужен сапог, так к Никите Галееву. Какие прохоря шил, ух!

— А что с ним? Где он?

— Помер он... в двадцать втором... Голодно было тогда. Нас с братом в Дербент отправил, а сам с меньшими да мамкой... с голоду помер. Заготовки жрали... Они ведь кожаные. Варили и жрали. Так все и померли... И мать, и две сестры...

— А брат? Жив?

— Тимофей... Тот в сорок втором... на Ленинградском... Так что один я — Галеев, Катерина, остался. Как перст один. А вот родишь мне пацана, а то и двух и продолжится род наш...

Он с особой тщательностью намотал портянки, затем натянул сапоги, встал и постучал по полу.

— Вот так-то! Я вот что скажу... Я человек простой и про любовь говорить не привычный. Если что грубое сделаю или скажу что — ты прости. Это потому-то, что всю душу службе отдаю и для тебя все сделаю. Будешь, как королева, жить. Дай время. Я матери твоей обещал, а ежели сказал — так тому и быть. Ты в общежитии не сиди. Погуляй по Москве, посмотри что, где. Можешь в кино сходить, мороженое, там... халвы купи. Я... очень халву с чаем люблю. Вот тебе тридцать рублей, в столовую сходи... В общем, осмотрись, Катерина.

Галеев положил на край стола три десятки, натянул фуражку на самые глаза, напоследок покрутился перед зеркалом и вышел.

Катя некоторое время стояла в том же положении, в котором ее оставил супруг, пытаясь осознать сказанное Иваном Никитичем, насладиться одиночеством и составить в голове хоть какой-то незначительный план, что делать. Она села на оставленный посреди комнаты табурет, сложила руки и, не мигая, смотрела в окно. Затем вскочила, словно о чем-то вспомнив, схватила чемодан и начала в нем рыться. Она достала простую тетрадку, химический карандаш, вырвала двойной листок и, придвинув к столу табурет, начала писать.

«Дорогая мама! Пишу тебе из Москвы. Мы доехали хорошо, поселились в общежитии. Тут очень большая и светлая комната, даже есть умывальник. Иван Никитич ушел на службу, а я осталась одна. Хотя Москву я видела только из окна машины, она меня поразила, такая большая и красивая...»

Катя старательно выводила буквы, обсасывая периодически карандаш и замирая, что-то обдумывая. Мысли путались, хотелось написать о тех чувствах горести и досады, которые она ощутила, но расстраивать мать не хотела и старалась держать оптимистический тон письма. Она заклеила конверт и стала разбирать вещи, примеряя, в чем можно выйти. Гардероб был невелик. Пара ситцевых платьев, пара белых бязевых блузок, материна юбка, которую немного подрубил, жакет на все праздники и две

кофты. Из обуви — белые парусиновые туфли и черные, новые, с ремешком, которые мать купила на рынке в подарок дочери по случаю росписи. Катя поставила их на стол, борясь с соблазном сейчас же надеть их и выскочить на улицу, доказать москвичкам, что у нее не только зимние стоптанные ботинки, но есть и модельные туфли. Она вздохнула, посчитав этот порыв ребяческим, и аккуратно сложила их назад.

Район, где было расположено общежитие, ничем особенным не выделялся и чем-то напоминал Саранск. Те же убогие бараки, пристройки, сколоченные из всякого хлама, белье на веревках, подпертое длинными шестами, чугунные колонки.

Катя прошла мимо лавки, где продавали керосин, и вышла на широкую улицу. Немного постояв, раздумывая, куда пойти, свернула налево. По широкому проспекту неслись машины, гулом наполняя городской пейзаж. Большие красивые здания выстроились вдоль улицы, словно экспонаты, демонстрируя свои архитектурные достоинства. Одно здание ее поразило больше всего. Это был огромный дом в девять этажей, на треть облицованный рустовым красным гранитом, и с аркой посередине. Слева и справа от арки здание украшали два ризалита, делавшие его еще выше. Ризалиты венчали башенки в виде маленьких античных дворцов с колоннами, в которых, казалось, жили какие-то античные боги. Многочисленные колоннады, портики, пилястры, причудливые консоли и карнизы придавали зданию торжественность и величие дворца. Но Катю поразило не столько архитектурное богатство здания, сколько то, что в нем жили люди. Это был не музей, не дворец, как в Ленинграде, про который ей рассказывала мать. Это был жилой дом. Кем были эти люди? За какие заслуги поселились тут? Катя стояла, раскрыв рот, снизу вверх рассматривала здание. Затем ее взгляд заметил эмалированную табличку: «Ул. Чкалова».

«Чкалова... может, тут живут „чкаловцы“, „папанинцы“, герои Советского Союза?» — подумала она и представила, какое это счастье — жить в таком доме.

Дом, словно магнит, надолго удержал ее внимание, но, насытившись зрелищем и вздрогнув от неожиданного трамвайного звонка, она посмотрела по сторонам и заметила почтовый ящик. Бросив в него письмо, Катя пошла дальше. Хотелось посмотреть Красную площадь, Большой театр, ВХСВ, метро. Она даже не понимала, куда ее больше тянуло. Хотелось увидеть все сразу. В голове мелькали кадры из фильмов, открытки с видами Москвы, а грудь наполнялась радостью встречи, желанной и долгожданной.

— А как пройти на... — остановила она женщину и запнулась, перебирая в голове, куда больше всего ей хотелось, — на... Скажите, Большой театр далеко?

Женщина смерила ее недоверчивым взглядом.

— Вот туда, если пешком, но... сейчас время такое, там дворы глухие, шантрапы всякой шастает... Ты, девонька, лучше на метро, на «Курскую» иди, а там до «Площади Революции» доехать. Там тебе все. И Красная площадь, и театры... Вот прямо так и дойдешь.

Женщина махнула рукой вдоль улицы.

— Спасибо! — радостно ответила Катя и, ускорив шаг, пошла к метро. Предстояла еще одна долгожданная встреча. Желание поскорей увидеть метро толкало вперед и вперед, заставляя и без того скорый шаг чередовать с пробежкой.

Ну вот! Она заметила здание с тремя арочными сводами, над фронтоном которого красовалась огромная буква «М». Она остановилась перевести дыхание и дальше старалась идти степенно, без спешки. Было много народу, чувствовалась близость вокзала. Граждане с ручной кладью, чемоданами, узлами, мешками суетились воле входа. Катерина купила билет и остановилась в нерешительности, что делать дальше. Уже в вестибюле метро завораживало размахом, мрамором, причудливой лепниной. Катя

шла, разглядывая стены и своды, пока не натолкнулась на тетеньку в черной форме и красной шапке-кепке.

— Билетик, билетик! Не задерживаем, проходим! — выхватила она у Кати билет, оторвала край и всунула ей обратно в руку.

Возле эскалатора образовалась внушительная пробка. Чем ближе толпа подталкивала Катю к «движущейся лестнице», тем сильнее ее охватывал страх. Язык огромного чудища вырывался откуда-то из-под земли и «слизывал» скопившуюся толпу в свое горло, уходящее под землю. Она замешкалась, остановилась.

— Не задерживай, деревня! — кто-то сзади вытолкнул ее на «язык», и она поплыла вниз, едва удержавшись на ногах.

Казалось, это был какой-то гигантский подземный аттракцион. Навстречу также двигался поток людей, которых чудище «отрыгивало» назад, наверх. Все было диковинным и сказочным. В конце пути ее опять охватил страх. Защитная гребенка, словно зубы оскалившегося чудища, под которые уходил «язык», внушал ужас. Она попятилась, но натолкнулась на кого-то сзади, и опять тот же голос обозвал ее «деревней» и толкнул вперед.

Оказавшись на твердом полу, она перевела дух и осмотрелась. Люди буднично перешагивали с эскалатора, кто ее толкнул, она не заметила, да и не было обидно, даже была благодарна, что так вышло. Теперь страх ушел, и Катерина не спеша глазела на серые мраморные стены, арочный филенчатый свод станции, увешанный громоздкими люстрами. В ушах, заглушая гулкие звуки подземелья, звучала григовская «В пещере подземного короля». Подъехал поезд, и голос диктора произнес знакомое: «Следующая станция — „Площадь Революции“». Катя спохватилась и вскочила в вагон. Объявили станцию. Она вышла, с азартом, словно играя с «чудищем», прокатилась на эскалаторе и вскоре оказалась на залитой солнцем улице. Внутри все ликовало, и радость распирала грудь. Ноги несли неведомо куда. Она немного заблудилась, но решив, что первым все-таки должен быть Большой театр, остановилась и решила спросить.

— А... как пройти к Большому театру? — обратилась она к группке молодых людей, проходящих мимо.

Одна девушка замедлила шаг.

— Так вот же он!

Ребята засмеялись, и этот смех был таким добродушным и искренним, что Катя сама рассмеялась над своим вопросом.

Это был Большой театр. Не просто большой — огромный! Никакие открытки или фотографии из альбомов, которые Катя видела в Саранске, не могли передать этого величия и грандиозности. Теперь звучала увертюра из «Щелкунчика», а пальцы подрагивали, нажимая невидимые клавиши в такт музыки. Хотелось танцевать. Какое это было счастье!

2. Дом на Чкаловской

Так продолжалось до конца мая. Иван Никитич уходил на службу, Катя покорно выслушивала замечания и наставления супруга, стараясь не задерживать возражениями и недовольством, стремясь поскорее остаться одной и снова и снова знакомиться с Москвой. На деньги он не скупился, хотя она и не тратила почти ничего — только на проезд, мороженое и пирожки. Обедали они отдельно, а ужинали иногда вместе в столовой или пили чай в комнате, когда Иван Никитич приходил раньше обычного.

Чем был занят Галеев, он не говорил, только загадочно намекал про сюрприз, который ее ждет, и про то, что скоро все изменится так, что Катерина забудет про все на

свете. Что это был за сюрприз, она не спрашивала. Общение с супругом становилось все более скупым и ввиду не слишком большой разговорчивости самого Ивана Никитича и нежелания самой Катерины поддерживать разговор. Присутствие мужа ее тяготило. Она ощущала постоянное оценивание, была скованна и напряжена. Хотя и убеждала себя, что таков закон жизни: люди живут парами, и нужно терпение, чтобы этот союз держался. Какой должна быть семейная жизнь, Катя не знала. Были только воспоминания о ее семье, где отец был гораздо старше матери — абсолютным и непревзойденным авторитетом, а мать выполняла функцию прислуги, возможно, любимой и уважаемой, но прислуги. Она не помнила, какие были между ними отношения, была ли любовь, интимная жизнь. Отец был строг. Когда Катя была еще маленькой и совершала какой-либо проступок, отец никогда сам не наказывал, не повышал голоса, молча и строго наблюдал, пока мать отчитывает ее, и возвращался к своим делам. Мать всегда разговаривала с ним почтительно, на «вы», что привила и ей. Он умер в сорок шестом, немного не дожив до шестидесяти пяти, и воспоминания тринадцатилетней девочки не давали никаких представлений о семейных отношениях отца и матери. О любви она тоже ничего не знала. Только из книжек, в которых любовь казалась сказкой, несбыточной и далекой, бесполой и романтической, Катя узнавала об отношениях мужчины и женщины. Премудростей интимной жизни, которыми обычно матери наставляют дочерей, она была тоже лишена. То ли мать стеснялась этой темы, то ли груз проблем и тяжесть бытовых условий, свалившиеся на нее, скоропостижно потерявшей опору, отбили всякий опыт и память об этом.

Когда Катя оставалась одна, тяжесть напряжения отпускала. Она увлеченно читала. А когда покидала стены общежития, чтобы погрузиться опять в Москву, так увлеклась, что забывала о существовании Ивана Никитича.

О чем она скучала — была музыка. Она была всегда в ее жизни, сколько она себя помнит. Еще пятилетним ребенком отец сажал ее к себе на колени и ее пальчиком наигрывал мелодию на пианино. Старенький «Бехштейн», который отец чудом перевез из Ленинграда, где они жили до высылки в 1935 году, был ее первой и самой любимой игрушкой. Сначала это была забава, но постепенно музыка превратилась в муштру, каждодневную многочасовую пытку, а отец — в последовательного и методичного палача, которого не трогали ни слезы, ни мольбы, ни боль. После его смерти каждодневные упражнения стали уже бессознательной необходимостью, рефлекторными, как у дрессированной собачки на окрик «Але!» вырабатывается уловный инстинкт выполнить заученную команду. Потом было музыкальное училище, где она была лучшей ученицей. Пианино осталось ее самым главным увлечением, заменяя прогулки, подруг и общение со сверстниками, заполняя почти все ее свободное время.

31 мая, утром в субботу Иван Никитич был в приподнятом настроении и на службу не спешил. Спрашивать причину такого сбоя в распорядке Катя не хотела, боялась выдать свое желание поскорей остаться одной. Супруг встал позже обычного, не стал бриться и, игриво насмываясь, начал укладывать вещи в чемоданы.

— Ну вот, Катерина, переезжаем, — сказал он, немного подождя, когда Катя заинтересованно начала следить за его сборами, — давай собирайся.

— Куда? — она растерянно посмотрела на мужа.

Иван Никитич сделал важное и загадочное лицо и с нескрываемым удовольствием ответил:

— Все сама увидишь, собирайся.

Он подошел к Кате, обнял за талию, сомкнув пальцы рук за ее спиной и посмотрел в глаза. Она избегала встречаться взглядами с Иваном Никитичем. Тяжелый и пронизывающий взгляд бледных, почти бесцветных глаз вызывал у нее неприятное чувство вины непонятно за что, будто он догадывается или точно знает, но молчит и всматри-

вается, чтобы увидеть, распознать, насколько ты врешь, что ты скрываешь, насколько ты готова к признанию. Катя отвернулась и напряглась.

— Что ты все дичишься? Как звереныш прячешься. Я же для тебя стараюсь... Люби-ви-то я не прошу, просто ласковой будь. Я для тебя, Катерина, да что захочешь... А ты как от чумного от меня шарахаешься.

Катя густо покраснела. Бросила короткий взгляд на супруга.

— Не привыкла я еще, Иван Никитич, дайте время. Тяжело мне... Простите меня... Я больше не буду...

В глазах блеснули слезы и Катя прикрылась ладонью.

— Ну вот еще, — с досадой произнес Галеев, заметив слезы, — «больше не буду»... Пряма как маленькая... Ну что ты, Кать...

Иван Никитич обнял ее и прижал голову к плечу.

— Ты меня не бойся... я тебя не обижу... Ну все, все хватит сырости, скоро машина приедет, а мы не собраны. Давай, давай, — Галеев похлопал жену по попе.

Катя вздрогнула, опять вспыхнули щеки.

— Да-да... я быстро...

Через пятнадцать минут Катя сидела на краю кровати и смотрела в окно. Нахлынула внезапная тревога. Куда они переезжают? Что за сюрприз? Будет ли она ему рада? Иван Никитич тоже молчал, напряженно думал. Тишина и озабоченный вид супруга только усиливали тревогу. Катя чувствовала, что наступает какой-то новый период ее жизни, но какой — ответить не могла. Галеев посмотрел на часы.

— Ладно, пошли...

В ту же секунду в дверь постучали.

— Входи! — скомандовал Галеев.

В комнату вошли водитель Скворцов и незнакомый сержант, вытянулись и отдали честь.

— Разрешите, товарищ полковник!

— Давай, Скворцов, давай! Жаждались уже.

— Товарищ полковник... так и десяти еще нет, — попытался оправдаться Скворцов.

Они схватили вещи и вышли. Галеев с Катей пошли следом.

Ехали недолго. Машина выехала на большую широкую улицу, немного проехала и остановилась перед большой аркой того самого дома с маленькими античными дворцами на крыше. Сердце бешено забилося, и бросило в жар.

— Ну вот, Катерина, теперь это твой дом.

Галеев вышел из машины и, сощурившись, посмотрел вверх. Катю сковал неведомый страх. Ни в каких снах, самых дерзких фантазиях не могла она себе представить, что она, простая девчонка из Саранска, будет здесь жить.

«Что это? Сон? Что ждет меня за ней? Чем я заслужила, а может, провинилась? Может это не дворец, а, наоборот, моя тюрьма?» — думала Катя. Она заметила в окне на третьем этаже девочку лет шести, та махала ей рукой, улыбалась и вовсе не казалась несчастной. Дурные мысли улетучились, страх отпустил. Она даже выругала себя за это глупое суеверие.

— Ну, давай, Катерина, — подтолкнул Галеев, — как хозяйка первой и заходи.

Катя робко переступила порог подъезда, поднялась по ступенькам широкой лестницы, устланной ковровой дорожкой, и остановилась. Слева стоял стол, за которым сидела строгая вахтерша и пристально глядела поверх очков. Гораздо строже, чем в общепитии, с которой потом даже подружилась, будто она была самой главной вахтершей во всем СССР.

— Ты к кому?! — важно спросила женщина и поднялась.

Катя оробела и повернулась к Галееву.

— Прямо! — Галеев показался в проеме двери, взял за локоть Катю и легонько подтолкнул.

— Здравствуйте, товарищ полковник! — увидела вахтерша Ивана Никитича, и строгость сменилась угодливостью. — Ваша доченька? Взрослая какая...

Скворцов, идущий сзади, слегка хмыкнул. Галеев обернулся. Скворцов сделал вид, что вытирает нос, поставил чемодан и, пряча взгляд, стал отчаянно его тереть.

— Это — моя жена! Галеева Катерина Дмитриевна, запомните!

— Извините, товарищ полковник, обязательно запомню! Проходите, проходите, вам на седьмой? Где Сомовы жили?

Галеев взглянул на вахтершу, всем видом давая понять, что еще одно слово, и он что-нибудь с ней сделает. Вахтерша потупила взгляд, опустила на стул и замолчала.

Галеев подошел к металлической решетчатой двери и нервно позвонил.

— Ведьма, — тихо произнес Иван Никитич, разозлившись на вахтершу. За дверью что-то щелкнуло, дверь открылась, и из нее вышла женщина.

— Здравствуйте, — она приветливо поздоровалась, — Проходите.

Катя заглянула в кабину лифта и растерялась, полагая, что за дверью должна быть уже ее новая квартира. Она даже не сразу поняла, что это за помещение. Когда все погрузились, женщина захлопнула дверь и нажала на кнопку. Лифт дернулся и поехал вверх. Катя почувствовала какой-то приятный спазм внизу живота, вздрогнула и закрыла глаза. Женщина взглянула на Катерину. По щекам разлился румянец, предательски выдавая необычное чувство. Лифт вскоре остановился. Катя открыла глаза и смутилась. Она набрала воздуха и вышла вслед за Галеевым. На площадке было две квартиры. Они подошли к двери. Иван Никитич звякнул ключами и распахнул перед Катей дверь.

— Ну, давай, Катерина, — торжественно сказал Галеев, — принимай владения.

Квартира встретила запахом паркетной мастики, полной тишиной и полумраком. Катя осторожно прошла по коридору вглубь.

— А где наша комната? — спросила она Галеева шепотом, словно боялась кого-то потревожить.

— Какая комната?! Вся квартира твоя! Ты понимаешь?! — громко и радостно рассеял тишину Галеев.

Он прошел в зал и распахнул шторы. Свет мгновенно заполнил все пространство огромного зала. У Кати перехватило дыхание.

— Скворцов! Оставляйте вещи и свободны!

Сержанты внесли в зал чемоданы, козырнули и вышли, вертя по сторонам головами. Катя, не понимая, что все это может принадлежать ей, пусть не ей одной, ее мужу и ей, что она тут единственная хозяйка, опустила на чемодан и зачарованно оглядывала зал. Галеев распахнул шторы на других окнах. Площадь громадной, почти квадратной комнаты дополнялась большим, во всю ширину комнаты, эркером с огромным сводчатым окном и двумя узкими по бокам. В эркере стоял рояль, накрытый льняной тканью. Посреди комнаты располагался большой овальный стол с шестью зачехленными стульями. Зал венчала большая бронзовая люстра, свисающая из лепной круглой розетки. Высокий потолок обрамлял, словно массивная рама картины, лепной бордюры. Из мебели, кроме стола и рояля, были большой буфет, диван и два кресла, также в светлых льняных чехлах. Между креслами у стены возвышалась радиолка, походившая на большую громоздкую тумбу.

— Ну как? — после некоторой паузы спросил Иван Никитич, видимо еще сам не привыкший к тому, что он здесь не гость, внимательно и с тревогой рассматривал комнату. Катя молчала, потрясенная и оглушенная простором и великолепием. Она продолжала сидеть на краешке чемодана, боясь шевельнуться, встать и осмотреть всю квар-

тиру. Любопытство сковал необъяснимый страх, будто она воришка, случайно попавшая в эту квартиру, и вот-вот должен прийти хозяин, страшный и жестокий.

Галеев, видя растерянность жены, подошел и присел на корточки перед ней.

— Ну что ты?— взял он ее за руку. — Это теперь твой дом... наш дом! Нарожаете мне деток, места вона сколько! Заживем, Катерина!

Иван Никитич вскинул руки и окинул комнату.

— Ладно... давай посмотрим, что у нас там?

Галеев взял Катю за руку и потянул за собой. Ноги не слушались. Катя продолжала сидеть и пыталась собрать мысли. Ее рука выскользнула. Иван Никитич не стал силой поднимать ее и вышел. Катя осторожно встала и медленно, еле касаясь рукой стола, прошла к роялю. Она бережно отвернула ткань и открыла крышку. Как долго она не касалась клавиш. Как соскучилась по ним. Они отливали ровным матовым блеском. Она нежно дотронулась до них и взяла аккорд. Еле слышно, робко, словно боясь нарушить покой невидимого хозяина квартиры. «Блютнер», словно понимая таинство момента, отозвался мягким тихим до-минором. Катя дождалась, когда растает последний звук, набралась смелости, села за рояль и тихо, осторожно заиграла ноктюрн до-минор № 13 любимого Шопена. Постепенно музыка становилась громче, отпускала робость, но накатила такая необъяснимая грусть и горечь, что, когда Иван Никитич вошел на звуки музыки и обнял Катю за плечи, она упала головой на руки и рыдалась. Она вскочила, попыталась убежать, чтобы не показывать своих слез, но Галеев схватил ее и прижал к себе.

— Ну что ты, дуреха... ну разве можно быть такой? Люди кругом... злые, с ногами в душу влезут и вытрут их об нее. Ты за меня держись, я тебя никому, слышишь, никому в обиду не дам! Ну, родная, ну что ты... Ты разве могла мечтать... Ну... — Галеев крепко прижал ее к себе и сам растрогался. Пожалуй, впервые Катя почувствовала искренность и нежность в словах Ивана Никитича. Она обняла его и еще сильнее расплакалась.

Все выходные они провели вместе. Иван Никитич хоть и был, как обычно, не многословен, деловит, но была пробита стена отчуждения, и Катя уже не чувствовала нависающего гнета от его присутствия, напротив, старалась чем-то угодить, увлеченно бралась за уборку, любую работу по дому. Наступило такое вдохновение и желание что-либо сделать, что Иван Никитич даже ее останавливал.

— Ну, Катерина, тебя не останови, ты так весь дом будешь драить. Отдохни, посиди, поиграй что-нибудь.

Но ее это еще больше раззадоривало. Квартира была огромной: четыре комнаты, необъятная кухня, кладовая по размерам с их в Саранске спальню. Все было в диковинку: унитаз, душ, горячая вода, газовая плита, чудные выключатели и краны. И телефон. Катя с трепетом снимала трубку, слышала потрескивающее «ля» и тут же с игривой улыбкой вешала назад. Все вызывало восторг.

Когда Катя с искренним энтузиазмом начала делиться своими планами с Иваном Никитичем о благоустройстве, бытовых мелочах, питании, что обязательно будет что-нибудь печь или готовить какие-нибудь вкусности, Галеев снисходительно улыбнулся, посадил ее на колени, положил ее руку на свою ладонь и накрыл другой.

— Я в жены, Кать, не кухарку брал. Ты тут марафет можешь наводить, как тебе хочется, цветочки, там, вазочки, но вот прислугой быть не надо.

— А кто же все это будет убирать, готовить? — удивилась Катерина.

— Ты как-то не до конца понимаешь. Жена Галеева — это статус, Кать. Его нести надо. Ты девчонкой уже набегалась, хватит.

Катя посерьезнела, выпрямилась и встала.

— Я... не пойму, Иван Никитич, как это нести?

— А ты присматривайся, наблюдай, больше серьезности. А то чуть что — в слезы. Гардеробчик обнови. Я в этом деле-то не большой знаток. Если что достать, отрез, там, туфли, скажи. Посолидной будь. А то вон, как девчонка... косички, — Иван Никитич подбил висящие бубликами косы.

— Это я дома, чтобы не мешали, — смутилась Катя.

— Может, прическу какую сделаешь... В общем, Катерина, подумай. А за дом не переживай... Будет кому следить, — Иван Никитич чиркнул спичкой, закурил, загадочно прищурился.

Катя не придавала значения последним словам, потрогала себя за косы и задумалась над своей «солидностью». Как это? Что ей, одеваться, как сорокалетней? Сделать завивку, как у артистки Серовой? В голову лезла Мачеха из фильма «Золушка».

«Соответствовать... Как?»

Единственным препятствием, которое мешало ей полностью окунуться в радость новоселья и которое не давало ей покоя, была тайна. Чья была это квартира? Кто в ней жил? Что случилось с этими людьми? Кто такой Сомов, про которого упомянула вахтерша? Тут жила семья, были дети. Катя находила детские рисунки, тетради, игрушки. Их было немного, словно их не успели спрятать или забыли впопыхах. Куда они делись? Что произошло? Она видела инвентарные номера на мебели и на некоторых вещах, которые никак не могли быть казенными. Одна догадка сменялась другой, более страшной.

— Иван Никитич, — решила спросить она супруга, — а чья это была квартира, кто тут жил раньше? Кто такой Сомов?

Галеев резко встал и подошел к ней, посмотрел тяжелым чужим взглядом, словно не было той трогательной минуты у рояля. Катя поняла, что спросила что-то неприятное для мужа, и потупила взгляд.

— Наша это квартира, понимаешь?! Наша! Твоя и моя. Государство нам ее дало, понимаешь? Это не чужое... наше. Кто-то жил — уехал... Нет больше никого. Только мы с тобой. Я ее заслужил! — Галеев запнулся, сморщился, будто нахлынули тяжелые воспоминания, от которых стало неприятно.

Катя не стала расспрашивать. Она вообще никогда ничего не спрашивала у него. Была ли семья, дети, где он был в войну? Ей казалось, что расспросами она может вызвать гнев или грубость Ивана Никитича. Катя чувствовала, что жизнь Галеева была полна драм и трагедий и обращать свои воспоминания к ним он не желает. Для себя она объясняла этим суровость и грубость супруга. Словно прячет за ней свою боль и тяжесть пережитого. Да и сам Иван Никитич никогда не спрашивал о ее прошлом. Будто не было ничего в прошлом ни у него, ни у нее и жизнь началась с чистого листа.

Ей вспомнились рассказы матери о квартире в Ленинграде, где она родилась и откуда их выслали в Саранск. Там ведь тоже, наверное, живут сейчас люди и считают их квартиру своей. Но ведь там жил ее отец. И его отец. Катя отошла от супруга.захотелось сыграть что-то грустное. Она села за рояль, и комната стала наполняться «Грезами любви» Листа. Дойдя до модуляции, Катя остановилась, задумалась. Лист будто специально сочинил свой ноктюрн для человека, которому стало грустно. Он сопереживает, грустит с тобой, а потом словно кладет на плечо руку: «Ерунда, все будет хорошо!» И появляется надежда, солнце, радость. Катя громко и игриво взяла мажорный аккорд, задорно улыбнулась и подняла голову. У рояля стоял Иван Никитич и внимательно смотрел на нее. Ей показалось — он понял ее настроение. Еле заметная улыбка осветила его лицо.

Постепенно жизнь в новой квартире становилось повседневной. Ушло навязчивое чувство присутствия «старого хозяина», бытовые «излишества»: газ, горячая вода,

туалет — становились привычными и необходимыми. Катя на многие вещи смотрела уже без трепета и робости, какие были вначале, а с практической хваткой и хозяйским взглядом. Выходы в город становились все более редкими. Она много читала, слушала музыку по радио, играла сама. Появилось новое увлечение — радиола. От прежних хозяев остались три-четыре пластинки легкой музыки: с Изабеллой Юрьевой, Козиным. Катя купила еще несколько пластинок классической музыки, в основном фортепьянной, и часами слушала, внимая мастерству исполнителей, вникая в каждый пассаж.

Изредка ходила на Покровку, в специальный магазин для работников МВД, и отоваривала спецкарточки. С соседями знакомства не искала, считала их недоступными для общения. Вахтерша смотрела все так же с пренебрежением, хотя и старалась вежливо отвечать на приветствие. Катя же прожогом проскакивала мимо, чтобы не нарываться на расспросы или замечания.

И с Иваном Никитичем отчуждения становилось все меньше. Она часто вспоминала, как разговаривала мать с отцом — почтительно, тактично и всегда уважительно. Катя старалась так же общаться и с Галеевым. И ему это нравилось. Что убеждало ее в том, что делает она все правильно. Семейная жизнь — это прежде всего терпение. В чем она никак не могла себя убедить, так это быть не такой скованной в постели. Она по-прежнему в близости корчила гримасу боли и страдания, чем ужасно расстраивала Ивана Никитича. И не работало тут ни терпение, ни старание как-то расслабиться, отвлечься. Каждый раз, ложась в постель, она боялась, что Галееву захочется близости. Она старалась ускользнуть от этой «обязанности», ссылаясь то на усталость, то на неотложные дела, которые еще необходимо доделать, либо вставала раньше Ивана Никитича, что-то стряпала, притворяясь занятой, и всевозможными хитростями избегала близости. Когда же деваться было некуда, она, как всегда, отворачивалась к стенке, сжимала кулаки и сильно зажмуривалась, даже старалась не дышать, будто погружалась в некую жидкую грязь с головой, уговаривая себя, что это на несколько секунд, только несколько секунд. Когда эта «безысходность» настигала ночью, было проще, было темно, и Иван Никитич не видел ее мученического лица, но потом она долго не могла уснуть из-за видений, словно в нее проникло жуткое чудовище. Утром же разгорался стыд, заливая щеки багровым румянцем, и страх, что Иван Никитич обидится.

— Что ты, Катерина, кривишься, будто я насильничаю? — заметил как-то утром Галеев. — Будто я фашист какой, а ты партизанка. На тебя глянешь, все желание пропадает.

Катя густо покраснела, но объяснить ничего не смогла. И прежде всего себе. Накапывал страх, опускался холодный туман — и все, она была бессильна что-либо сделать. Она виновато смотрела вниз. Галеев выжидал и смотрел на нее. Катя боялась поднять глаза, и затянувшаяся пауза еще сильнее заливала щеки румянцем. Она закрылась руками.

— Может, я что не так делаю? Или у тебя какой изъян? Может, доктору показаться?

— Нет, — вздрогнула Катя, — у меня... у меня все нормально, просто я...

Касаться этой темы она вообще не хотела катастрофически и злилась на себя, что не смогла придумать какую-нибудь достоверную историю и дотянула до этого разговора. Галеев внимательно посмотрел, так и не удостоившись объяснения. Катя подняла глаза и постаралась задержать взгляд на супруге, не отводить, как обычно, хотя бы взглядом передать, что ей эта тема неприятна. Понял ли Галеев, но отвел взгляд, опустил задумчиво голову и встал.

— Ну, ничего, родишь, глядишь, и разохотишься. Тебе по-бабьи-то поговорить с кем-то надо. Подружку бы завела, что ли, с опытом...

— А который час? — решила перевести разговор Катя, сделала вид, будто она куда-то сильно опаздывает. Разговор о беременности пугал ее еще сильнее, чем сам процесс

зачатия. Она вскочила, заметалась по комнате, быстро накинула халат и, не дождавшись ответа от Ивана Никитича, выскочила из спальни.

К завтраку Иван Никитич вышел в парадном кителе с орденой планкой и в тапочках. Катя замерла.

— Сегодня какой-то праздник? — удивленно спросила она Галеева.

— Вызывают, — Иван Никитич поднял вверх палец и поднял к потолку глаза. По торжественному виду она поняла, что мероприятие крайне важное для супруга, и даже немного расстроилась, что утром так вышло.

— Я сейчас сапоги начищу, до блеска, — кинулась она в коридор, — а вы завтракайте, Иван Никитич...

— Посиди со мной, — остановил ее Галеев, — я в ботинках пойду, посиди.

Катя остановилась, настороженно и медленно опустилась на табурет. Ей ужасно не хотелось, чтобы Иван Никитич продолжил тот разговор, и она с тревогой ждала, что он ей скажет.

— К Лаврентию Палычу иду, — Галеев глубоко вздохнул и отхлебнул чай, — лично...

Катя впервые заметила такую напряженность у супруга. Он никогда не говорил о работе, не делился своими сомнениями, а тут заметно нервничал. Эта нервозность передалась и ей. Почему-то вспомнился Сомов. Что если его вот так же вызывали, лично, а потом... только инвентарные номера да какие-то мелкие предметы, напоминавшие об их существовании. Она обвела взглядом столовую, словно прощалась, с тревогой посмотрела на Галеева. Тот сосредоточенно, уставившись перед собой, машинально мял пальцами хлеб.

— Ладно, пора...

Иван Никитич встал, поправил китель и вышел. Катя на несколько секунд осталась одна, терзаемая дурными догадками, затем вскочила и кинулась за Галеевым. Она обняла его сзади, прижалась к спине щекой.

— Ты чего, дуреха, испугалась чего?

Галеев развернулся, взял ее под мышки, приподнял и заглянул в глаза.

— Все хорошо будет! Вот увидишь! Ну чего ты?

— Не знаю, тревожно...

— Брось...

Галеев опустил Катю, натянул на глаза фуражку и глянул в зеркало.

— Скоро генеральшей будешь...

Катя удивленно захлопала ресницами, отпрянула.

— Ну, давай...

Он обнял ее за талию и чмокнул в щеку.

3. Рита

Звонок в дверь озадачил. Катя внимательно, прислушиваясь к каждому звуку, слушала пластинку Святослава Рихтера. Звонили уверенно, зная, что дома кто-то есть. Иван Никитич открывал всегда сам, и Катя мысленно начала перебирать, кто это мог быть. Она осторожно подняла иглу на проигрывателе и выключила радиолу.

На пороге стояла немолодая женщина, на вид сорок-сорок пять. Кряжистая, со скуластым обветренным лицом и неприятным, тяжелым взглядом, в поношенном сером жакете, цветастом платке на плечах и слегка тронутыми проседью волосами, завязанными в тугую «гульку». Коренастая незнакомка, не дожидаясь приглашения, переступила порог и поставила на паркет небольшой дерматиновый чемоданчик.

— Вы к кому?! — отступила Катя, удивленно разглядывая женщину.

— Так ты-то, значит, Катерина? — спросила женщина знакомым саранским говором, внимательно разглядывая молодую хозяйку.

— Кто вы?! — с некоторым испугом переспросила Катя. — Что вам нужно?!

Женщина обвела взглядом прихожую, не собираясь отвечать на вопрос хозяйки.

— Хоромы... — растянула и цокнула в конце женщины, затем тяжело взглянула на Катю, — Иван Никитич-то не наказывал ничё?

— Нет... — начала перебирать в уме Катерина возможные варианты появления странной незнакомки. Была ли она родственницей Ивану Никитичу, знакомой? Катя безуспешно гадала и взглядом провожала знакомящуюся с квартирой странную гостью. Она решительно преградила ей путь и требовательно-строго спросила:

— Немедленно отвечайте, кто вы!

Гостья, не смутившись, не торопясь, провела взглядом по Катиной фигуре снизу вверх, закивала, с чем-то внутри соглашаясь, отчего та инстинктивно поправила волосы и нервно расправила воротничок на платье.

— Акулиной меня кличут. Акулина Трофимовна. По хозяйству помогать буду. Стало быть, не наказывал ничё Иван Никитич? Стало быть, замотался, сердешный... Хоромы... — тетка продолжала восхищаться квартирой.

Только теперь Катя вспомнила разговор «про кухарку». Забыла совсем, не придавала никакого значения. Внутри вспыхнул протест. Почему ничего не сказал? Зачем так, волевым решением? Мог хотя бы предупредить. Катя растерянно смотрела на гостью, не понимая, как себя вести.

— Шторы-то... закрыть нужно-ть, мебель выгоряет, — уже по-хозяйски заметила Акулина, — ну, пойдём, кухню покажешь, что да как.

Акулина, не дожидаясь «проводницы», которая, опешив от такой самоуверенности и наглости незнакомки, продолжала стоять, широко тараща глаза, самостоятельно прошла на кухню.

— Да... — восхищенно донеслось из кухни, — семьи нá три кухонька-то!

Катя очнулась. Первым желанием было вытащить эту тетку за порог и, да простит Иван Никитич, выставить ее чемодан. Чтобы и духу ее не было. Но сковала необъяснимая робость. Она понимала, что вряд ли сможет это сделать. Драться с коренастой, раза в два тяжелее, соперницей бесперспективно. Но Катя все же собралась с духом и решила, что нужно, во-первых, поставить ее на место, во-вторых, определить субординацию в дальнейшем. Хозяйка она или нет?! Она решительно пошла на кухню.

— Акулина Трофимовна!

Тетка обернулась. Катя приподняла подбородок и постаралась выглядеть строго и грозно, но щеки предательски покраснели.

— Я ничего о вас не знаю, и Иван Никитич о вас меня не предупреждал, поэтому будьте любезны... — голос стал немного дрожать, Катя остановилась и сглотнула, — будьте любезны... покинуть мою квартиру...

Последнее слово прозвучало совсем еле слышно, и к горлу подступил ком.

— Девонька... я такая любезная, что у меня цельный отряд по струнке ходил, когда я скажу. А уж народец там не тебе чета. Ты лучше скажи, куды мне вещи отнесть? В каку комнату-то? Да и помыться с дороги надобно-ть. Иван Никитич жуть как не любит женского духа.

— Вы... Вы что... будете здесь жить? — совсем упал голос Кати. Последнее откровение Акулины совершенно повергло ее в ужас. Мало того, что пахнуло каким-то простонародным натурализмом, так еще и открылись познания пристрастий Ивана Никитича. Катю передернуло.

— Пока да. А там как Бог дасть.

Катерина обреченно опустила голову, решив, что выяснять у Акулины бесполезно, а лучше дождаться Галеева и с ним все обсудить.

— Пойдемте, я покажу, где ванная, — отрешенным голосом позвала Катя.

Акулина мылась, напевая что-то неразборчивое, а Катя птицей металась по комнате, останавливалась, думала, что делать, как избавиться от новой жилищки. Хотелось просто убежать. И понимала, что тем самым еще больше даст повод с собой не считаться, но оставаться наедине с этой «Кабанихой» не было сил. Катя быстро переделась и выскочила из квартиры. Она не стала дожидаться лифта, стремглав сбегала вниз по ступенькам и наскочила прямо на вахтершу.

— Здравсьте, — испуганно и коротко бросила Катя и постаралась скорее выскочить на улицу.

— Здравствуйте Катерина Дмитриевна, — неторопливо и основательно пропела вахтерша грудным контральто. — А что, Акулина Трофимовна с вами жить теперь будет?

Катя задержалась.

— Спросите об этом Ивана Никитича, — парировала она и выскочила на улицу.

Солнце ударило в глаза, Катя сощурилась и понеслась по улице. Внутри все клокотало. Она задыхалась от обиды. Мысли путались, и единственным желанием было — убежать и разрыдаться.

«Кто такая эта Акулина, откуда она взялась?! Вахтерша уже зовет ее по имени-отчеству. Уже спелись, наверное. Теперь будет жить со мной в одной квартире. Нет, не в коммунальной. В моей квартире! Почему?! Почему Иван Никитич взял ее?! Боже, что же делать?!» — сыпались вопросы один за одним, ответов Катя не находила.

Немного успокоившись, она бесцельно бродила по улицам, заглядывала в магазины, наблюдала за девушками, отмечая про себя интересные фасоны платьев, модели причесок, постоянно возвращаясь в мыслях к Акулине. Девушки казались веселыми и жизнерадостными, словно не было у них никаких забот, словно никакие акулины не могли омрачить их счастья — беззаботно порхать по московским улицам. От этого становилось себя еще жалче.

Внимание Кати привлекла стройная девушка, очевидно кого-то ожидавшая, в темно-синем жаккардовом платье, с переливающимися на солнце узорами в виде маленьких якорьков, с «матросским» воротничком, обшитым двойной белой шелковой лентой, с белыми маленькими пуговками и белым широким ремешком, опоясывающим тонкую, хрупкую талию. Такая же лента обрамляла и подол платья. Руки, облаченные в белые гипюровые перчатки, держали маленький изящный ридикюль, а ножки в чулках со швом отливали бронзой и слегка искрились на солнце. Темные волосы безукоризненно уложены в сложную прическу а-ля «сестра его дворецкого» с несравненной Диной Дурбин, с красивой перламутровой заколкой сбоку. Восхищали и одновременно пугали смелостью нарочито, с вызовом крашенные ярко-красной помадой красивые губы. И «стрелки»! Стрелки на веках, тонко прорисованные, делали взгляд несколько лукавым и озорным. Она была красива, как богиня. Как сама Дина Дурбин, фотографией которой она любовалась дома в Саранске.

Катя впиалась взглядом в девушку и жадно разглядывала каждую деталь одежды, макияжа, линию бровей. На вид она была значительно старше, но что покоряло в ней и что больше всего притягивало Катю, так это взгляд и осанка. В них было столько уверенности, даже вызова и при этом напрочь отсутствовали надменность, превосходство, как у той «дамочки» на вокзале, что Катя безоговорочно решила для себя — вот какой она хочет быть, чтобы «соответствовать». Она хочет так же смотреть на мир.

Ее интерес был так откровенен, что девушка с любопытством взглянула на Катю.

— Девочка, я не манекен из универмага, я живая.

Катя смутилась и зарделась, резко отвернулась и уже хотела кинуться прочь.

— Занятия прогуливаешь?

— Ничего я не прогуливаю, — буркнула Катерина, — я просто гуляю.

Хотелось сдерзить, но «Дина Дурбин» улыбнулась и смотрела снисходительно, с умилением, как на ребенка, и Катя улыбнулась в ответ, поняв курьезность своего разглядывания.

— Извините... я засмотрелась... — смущенно сказала Катя.

Девушка засмеялась и подошла ближе.

— Рита, — протянула она руку.

— Катя, — радостно воскликнула Катерина, словно ей вручали долгожданную награду. Рита рассмеялась еще громче и заразила смехом Катю.

— Так ты не учишься? Работает?

— Я закончила... не работаю... пока. Дома сижу. Мы недавно переехали в Москву.

— А откуда?

— Из Саранска... — добродушно ответила Катя.

— У тебя говор-то не саранский, — попыталась спародировать Рита, сделав ударение на последнем слоге, слегка поддернув его вверх.

— Ха-ха-ха! — еще больше рассмеялась Катя. — Вообще-то, мои родители и я из Ленинграда, потому как-то и не пристало.

— В эвакуации были?

— Нет... — посерьезнела Катя, — папу выслали в тридцать пятом, а вы откуда говор так хорошо знаете?

— Ты! Ты знаешь. Тут же не десять Рит, я одна, давай на «ты».

Игривое и веселое выражение лица Риты внезапно сменилось, стало пасмурным, словно вспомнилось что-то неприятное, болезненное.

— Пришлось побывать в ваших краях, в Явасе. Ну и в Саранске тоже...

Катя задумалась.

— Ну, а чем заниматься думаешь, — снова улыбнулась Рита, — или как родители скажут?

— У меня папа умер, а мама в Саранске осталась.

— Извини... Так а с кем ты переехала, с сестрой, с братом?

— С мужем...

Рита недоверчиво посмотрела.

— С мужем?!

— Да, ему тут дали новую должность, и мы переехали.

— Ты замужем?! — переспросила Рита, сомневаясь в правдивости Кати. — А кто он, военный?

— Полковник... — тихо, нехотя произнесла Катерина. Она хотела сказать «генерал», но и «полковник» достаточно озадачил новую знакомую. Рита с еще большим недоверием провела взглядом по скромному наряду девушки.

— А Рита — это от Маргариты? — спросила Катя, пытаясь уйти от вопросов о муже. — А вы... ты кого-то ждешь?

Рита некоторое время молчала, пытаясь связать молодость и детскую непосредственность собеседницы с услышанным.

— Сколько же тебе лет?

— Девятнадцать... будет.

— Хм... Не скажешь, из-за косичек, наверно, — хмыкнула новая подружка.

Катя опустила голову, вспомнив, что выскочила из дому по-домашнему и даже не посмотрелась в зеркало. Стало немного неловко. Она машинально коснулась волос.

— Привет, Марго! Извини, опять Содомский никак не мог определиться с композицией, мучитель! Я пыталась вырваться, а он... Каюсь, что связалась с этим ненормальным! То стоишь не так, то голову не туда... Ужас! Фух... Еле спаслась...

К девушкам подлетела блондинка с перманентом, не обращая внимания, что встряла в разговор, защебетала, оправдываясь за опоздание. На ней было жемчужного цвета атласное платье с огромными бирюзовыми лилиями, с юбкой «солнце-клев». Катя отступила, почувствовала себя лишней, посмотрела в сторону, собираясь уходить. Рита и блондинка коснулись друг друга щеками.

— Катя, — окликнула Рита, — познакомься, это Люба, мы ее зовем Лова, как «любовь», по-английски.

— Здравствуйте... Катя, — скромно кивнула Катерина.

— Очень приятно! Ой, девочки! Какую я видела блузку! — Лова закатила глаза. — Тут вот так... кокетка, вот тут — фонариком...

Лова так артистично показывала все прелести увиденной блузки, что Катя, внимательно слушающая новую знакомую, даже представила ее, как наяву. Блузка казалась волшебной.

— В магазине? — простодушно спросила Катерина. Лова замерла и непонимающе хлопала ресницами, глядя на Катю. Рита брызнула от смеха.

— Ага, в сельмаге, в Тушино! Ха-ха-ха!

Катя искоса взглянула на Риту и надула губы.

— Хм, извини... — заметила обиду Рита. — Это у Бобы? — обратилась она к Лове.

— Да... — оживилась блондинка.

— Боба — это наш змей-искуситель. И чего же ты до сих пор не в ней?

— Двести пятьдесят, Маргоша!

— Подумаешь, шестая часть зарплаты Арутюнова. Лова, он жмот. Такую женщину лишать удовольствия может только бездушный скряга.

— Марго! Не трави душу. Он и так закатил мне истерику из-за тужель. Если я еще ему и про блузку скажу... — блондинка обреченно закатила глаза.

— Придется экономить на метро и «Коке»...

— Ты что?! Марго, ты меня убиваешь! Я не могу без «Кока»!

Катя наблюдала за диалогом Риты и Ловы с широко открытыми глазами. Они сыпали новыми словами, которых она прежде не слышала и смысл которых был ей непонятен. При слове «Кок» Катя испуганно взглянула на Риту.

— Это не то, что ты думаешь, — заметила она реакцию Кати. — «Кок» — это ресторан, «Коктейль-холл». Мы его называем коротко — «Кок». Мы, кстати, туда собирались, пойдешь?

Катя испуганно вздрогнула.

— Ой! Да я... и не одета... Не знаю...

Ей ужасно хотелось как можно дольше оставаться рядом с Ритой. И если Лова казалась ей дурочкой, напоминавшей хозяйку из «Веселых ребят», то Рита притягивала магнетической силой, ослабить которую не могли ни насмешки над ее провинциальностью, ни мелькнувшая зависть относительно замужества. Даже грубость она бы сейчас стерпела и все равно пошла бы за ней. Катя жадно впитывала все, что она делает, как говорит, смотрит, смеется, ее манеру делать интонацию последнего слова фразы томной и манящей.

— Катюша, детка, с таким румянцем и такими глазами в ресторан можно ходить хоть в отрепьях. Всегда найдется сотня желающих угостить.

— Я не хочу, чтобы меня угощали! — встрепенулась Катя.

— Ах, как это по-комсомольски благородно! — заметила Лова.

— Ловочка, не язви, тебе это не идет, — парировала Рита. — Катюша у нас девушка обеспеченная.

Лова с интересом посмотрела на Риту, а затем на Катю.

— Ну что, идем? — искушающим тоном спросила Рита, словно приглашала в некое таинственное место, путь в которое лежит через приключения и опасность.

— Да! — Катя не смогла выдержать паузу после вопроса, с готовностью выпалила еще раньше, чем Рита закончила вопрос.

Рита шла посредине, справа Лова, а Катя слева, на полшага отставая, постоянно косясь на Риту, лоя каждое движение, походку, стараясь не пропустить ни единой мелочи. Идущие навстречу робко расступались, провожали взглядами. Мужчины — с нескрываемым интересом, женщины — с подозрением и завистью. Катя ловила их удивленные или восхищенные взгляды и наполнялась гордостью. Шли недолго, по крайней мере, так показалось Кате. Лова беспрестанно что-то говорила, помогая себе правой ручкой. Рита благосклонно слушала, изредка вставляя реплики. Иногда она оглядывалась на Катю, снисходительно улыбаясь, чем вызывала у Катерины смущение.

— Ну вот, пришли, — Рита приостановилась, переглянувшись с Ловой, — Катюша, я иду первой, ты за мной, — понизив голос, с таинственной интонацией проинструктировала Рита, — Лова замыкает. Не останавливаемся, понятно?

Катя кивнула с полной комсомольской готовностью, словно получила задание проикнуть во вражеский штаб. Сердце тревожно забилося.

У дверей «Коктейль-холла», несмотря на раннее время, уже толпилась кучка страждущих вдохнуть атмосферы заграницы в отдельно взятом баре Москвы, приобщиться к культурной и начальствующей элите, возможно, увидеть живого идола советского кино, отведать божественных напитков с еще более божественными названиями: ликеров «Мараскин», «Бенедиктин», коктейлей «Ковбой», «Шампань-коблер». Да и название самого заведения манило заграничностью — «Коктейль-холл». И сразу в глазах мелькала реклама, потоки блестящих лимузинов, текущих по ярко освещенным улицам, мужчины в цилиндрах, с сигарами, ведь невозможно представить буржуа без них. Ну и музыка. Гленн Миллер, Эллингтон, джаз, свинг...

Рита решительно направилась к дверям. По толпе пробежал легкий ропот. Катя почувствовала, как десяток пар глаз со злорадным и недоброжелательным блеском вперились в нее в ожидании позорного отступления. Катя старалась не оборачиваться и смотреть только в затылок Риты. Лицо горело.

— Тут, между прочим, люди стоят! — попытался обратить на себя внимание кто-то из толпы. Но Рита, не повернув головы, дернула за ручку, а затем требовательно постучала в стекло. Показался швейцар с складистой бородой и в фуражке с золотыми лентами на околыше.

— Заказ на Селиванова из министерства! — громко и твердо отчеканила Рита. Толпа притихла. Швейцар распахнул дверь, Рита решительно перешагнула порог и грудью оттеснила швейцара.

— А ты куда?! — попытался он закрыть дверь перед Катей.

— Это со мной, дядя Коля!

Рита подхватила под руку Катю, а Лова просочилась, пользуясь замешательством.

— Что за детский сад? — пробурчал «дядя Коля», кивая на Катерину.

— Сестренка, оставь не с кем...

— Все тебе шутки, — «дядя Коля» махнул рукой и скомкал в кулаке мятую купюру.

Девушки прошли в зал. Катя шла нерешительно и робко, замороженно разглядывая интерьер. Высокие дворцовые потолки с огромными яркими люстрами, причудливую лестницу, серпантинном струящуюся со второго этажа, в который упирались ажур-

ные колонны. Зал был полупустым. Кое-где за столиками сидели люди по двое, изредка по трое. Преимущественно мужчины, немолодые и солидные, хорошо одетые, с достоинством и даже с некоторым снобизмом беседовали. Когда в проходе появилась Рита, уверенно идущая к барной стойке, голоса притихли. Посетители разглядывали девушек. Катя заметила внимание присутствующих и на себе, от чего шаг ее замедлился еще больше. Ноги сделались ватными.

— Не будь Фросей, шевелись! — прошептала сзади Лова, обогнала Катю и, игриво подпрыгнув, уселась на высокий стул у стойки, закинув ногу на ногу. — Привет, девочки, привет, Нинок! — обратилась Лова к барменшам.

Рита тоже кивнула им и степенно, оглянув зал, села на стул. Взобраться на стул с первой попытки у Кати не вышло. Она не рассчитала высоту, подпрыгнула, пытаясь подражать Лове, но соскочила, издав и без того нежелательный лишний шум. Лова хмыкнула.

— Там есть подножка, — тихо посоветовала Рита, — не торопись и не волнуйся.

Взгляд Риты был доброжелательным и спокойным. Катя кивнула, и вторая попытка удалась.

— Ниночка, мне шоколадный с двойным ликером! — зашептала Лова.

— Вишневый, как обычно, — спокойно сказала Рита, — а что ты будешь? — обратилась она к Кате.

— Не знаю... — растерялась Катерина, — тоже вишневый...

Через несколько минут перед девушками стояли широкие бокалы с соломинками. Катя подглядывала за Ловой и Ритой и пыталась повторять все их движения. Лова вредничала и кидала насмешливые взгляды. Постепенно тревожность уступила место любопытству, и Катя окинула зал, разглядывая посетителей. Внутри приятно растекалась теплота.

«Какое необычное и интересное место, — подумала она, — какая музыка больше всего ему бы подошла? Оффенбах? Штраус? Кальман? Конечно, Штраус!» В ушах зазвучал «чардаш Розалинды»:

...В край волшебный,
Где вечный светлый май,
Где любят верней и нежней,
Где нет вероломных мужей...

Катя глубоко вдохнула и улыбнулась собственной находке. Она почувствовала на себе заинтересованные взгляды мужчин, и ей было приятно. Впервые она благосклонно принимала мужское внимание, а не как раньше — с опаской и настороженностью, словно скрывала узелок с деньгами на рынке от хитрых воришек. Появилось незнакомое чувство приятного волнения от ожидания таинственной интриги, будто уже намечался флирт с кем-то из этих мужчин, и одновременно страх искушения и неминуемого разоблачения. Кто все эти люди? Чем они занимаются? Кто такие Рита и Лова? Она ничего не знает о них, кроме того, что очень хочет быть похожей на Риту. А вдруг они очень порочны? Лова, по-видимому, замужем. Они упоминали какого-то Арутюнова. А Рита? Марго? Королева... Она действительно держалась как королева. Кто она? Задать прямой вопрос и простодушно расспрашивать с провинциальной бесхитростью? Выглядит смешно и нелепо.

Катя поймала на себе взгляд одного не очень молодого импозантного мужчины и, вдохнув смелости, ответила «взглядом Риты» — покровительственно-холодным, приподняв левую бровь, сообщая незнакомцу, что любование несколько затянулось и выглядит уже неприличным. Удержать взгляд удалось на несколько секунд, затем пре-

дательски загорелись щеки, и Катя отвернулась, пытаясь отвлечься и успокоиться. И тут она заметила знакомое лицо. Она даже вздрогнула, настолько оно было знакомо, и схватила за локоть Риту.

— Смотри! Это же Евгений Самойлов! — рванулась Катя к Марго поделиться открытием.

— Да, Евгений Самойлов, только не оторви мне руку, — спокойноотреагировала Рита. — Ну и что? Он женат и верный супруг. В интрижках с юными девушками замечен не был.

— Я не в этом смысле! — вспыхнула Катя.

— А в каком? Это твой кумир? Не староват?

Кате не понравился намек, она потупила взгляд и нервно мешала соломинкой в фужере, как это делала Лова.

— Я, пожалуй, пойду, — пряча взгляд, произнесла Катя. — сколько с меня? — спросила она Ниночку-бармена.

— Семьдесят два рубля, — бесстрастно ответила работница советского общепита.

Только сейчас Катя вспомнила, что выскочила из квартиры налегке, схватив ключи и какую-то мелочь. Она вздрогнула, словно ее окатили холодной водой. В глазах потемнело, руки похолодели, а от головы отхлынула кровь. Она испуганно взглянула на Риту. Та, напротив, смотрела внимательно, изучающе.

— Я забыла деньги, — призналась Катя упавшим голосом. — Все из-за этой Акулины.

— Это опасно, но не смертельно. Посидим немного, что-то придумаем.

Голос Риты был ровный и уверенный, и Катя быстро успокоилась.

— А у тебя есть кумир? — неожиданно спросила Катя.

Рита взмахнула ресницами и слегка скривила губы.

— Нет, — чуть погодя, ответила Рита. — Поиск кумира — удел подростков либо пустых и несамодостаточных людей, которые хотят наполнить свою пустоту чьей-то копией.

Катя задумалась. Она очень хотела быть похожей на Риту. Выходит, что она подросток либо пуста? Она очень хотела играть, как Святослав Рихтер. Выходит, и ему подражать — заполнять свою пустоту? Нет. Она была не согласна, но зачем-то соврала, не захотела спорить, не стала противоречить.

— У меня тоже нет кумира, — решила ответить Катя, полагая, что это взросло и независимо. Рита в ответ иронично улыбнулась, — Нет! —немного подумав, Катя решительно посмотрела на Риту. — У меня есть кумир, и я хочу быть похожей на него. Не внешне...

— Да? И кто это?

— Святослав Рихтер...

— Неожиданно... — уважительно покачала головой Рита, — ну это не совсем то, о чем я говорю. У меня тоже есть... скажем, маяки, на которых я ориентируюсь. Это профессиональное. Ты имеешь отношение к музыке?

Катя облегченно вздохнула. Ее поняли, и было лестно, что Рита оценила, что она говорит не о пустых девичьих грезах.

— Да, я закончила училище по классу фортепьяно.

— Ух ты! Да мы почти коллеги!

— Правда?! — обрадовалась Катя.

— Ну... в некотором смысле. Я пою — ты играешь... Ха-ха-ха!

Катя напряглась и выжидающе смотрела на Риту, пытаясь угадать, о каком «смысле» идет речь.

— Маргоша у нас артистка, поет в оперетте, — вклинилась Лова.

Катя усталилась на Риту, удивленно тараща глаза.

— Да ладно, ладно... Это производит впечатление за сто первым километром. Здесь вон в кого ни ткни — какой-нибудь артист, музыкант или министерская шишка. Я же не Нежданова. А кто такая Акулина, от которой ты сбежала?

Катя посерьезнела, пытаясь самой себе ответить, кто такая Акулина и почему она так легко сдалась.

— Это... — Катя мысленно подбирала слова, и каждое было неподходящим, оскорбительным, прежде всего для нее самой. Кухарка? Домработница? «У тебя есть кухарка?», «Домработница?! У тебя?!» — уже предвосхищала неприятные вопросы новых подруг и их округлившиеся взгляды.

— Так, одна глупая баба! — отмахнулась Катя.

— Добрый день! Вас давно не било видно, — раздалось сзади.

Катя обернулась. За спиной стоял тот импозантный мужчина, около сорока, с аккуратно причесанными темными волосами и идеальным пробором, с которым она пыталась бороться взглядами. Он обращался вроде бы к Рите, а взглядом скользил по Катерине. Что насторожило больше всего — был акцент, как в «Цирке»: «Руайка, Руайка, чутэса...» Теперь Катя сделала лицо, как на плакате «Не болтай!», и гневно разглядывала знакомого Риты.

— А, Эндрю, — без энтузиазма ответила Рита, — здравствуйте.

— Оу! Эндрю! — радостно, со щенячьим восторгом,отреагировала Лова. — А я вас не заметила!

Мужчина почтительно поклонился Лове, улыбнулся, но было заметно, что он не настолько рад болтливой блондинке, как она ему.

— Да, я сижу вон за тем столиком, — махнул он в зал, — может, составите компанию?

— С удовольствием! — соскочила Лова со стула и ринулась к столику.

Мужчина растерянно проводил глазами рванувшую в зал Лову.

— Это что, настоящий иностранец? — испуганно прошептала Катя.

— Настоящий...

Эндрю в ожидающей позе смотрел на Риту и Катю.

— О, нам нужно еще немного поболтать о своем, женском, — Рита обворожительно улыбнулась. Мужчина кивнул.

— Понимаю... Эта милая девушка — ваша подруга? — он улыбнулся Кате.

«Никакая я вам не милая!» — хотелось ответить, но Катя только выпрямила спину и приподняла бровь.

— Да... Девушке немного не хватает рассчитаться за коктейль. Вы не выручите? — неожиданно сказала Рита.

Катя не сразу поняла, что речь идет о ней, и растерянно посмотрела на Риту.

— С удовольствием, — Эндрю потянулся за бумажником с видом искушенного по-весы, откровенно разглядывая Катерину, вытащил купюру и положил перед Ниночкой.

— Не надо... — встрепенулась было Катя, но Рита решительно схватила ее за руку.

— Спасибо, Эндрю... — томно поблагодарила Рита.

— Я всегда рад помочь очаровательным дьешушкам.

— Я обязательно отдам, — еле слышно пролепетала Катя, но Рита еще сильнее стиснула ее руку, продолжая улыбаться.

— Я буду ждать... — иностранец расплылся в похотливой улыбке и отошел.

— Это твой друг? — спросила Катя.

— Ага... Таких друзей за хрен да в музей, — скабречно отшутилась Рита.

Катю накрыло разрывающее чувство стыда и позора. Она была готова провалиться сквозь землю. Как она могла позволить?! Даже мелькнула мысль схватить купюру, догнать его и кинуть ему ее в холеное лицо, но Ниночка оперативно «слизала» ее и засу-

нула в кармашек передника. Жгла обида на Риту. Если бы не она, можно было бы как-то по-другому выйти из положения. Как, она не знала, но, может быть, решение бы пришло, а теперь — стыд, срам, позор! Еще эти блудливые ухмылки и намеки! Она выглядела как продажная женщина! Ее просто купили и за деньги похабно разглядывали! Как Женьку из «Ямы». И кто? Иностранец! Наверное, американец. Теперь он будет думать, что советские девушки дешевы и доступны. Катя сползла со стула и, не глядя в глаза Рите, прошептала:

— До свидания...

— В смысле? — удивилась она, — Ты хочешь уйти?

— Зачем ты так?

Рита, не понимая вопроса, наклонила голову набок.

— Что «так»?

— Это... проституция... — продолжала смотреть в пол Катя, опасаясь поднять взгляд и показать наполненные слезами глаза.

Рита посмотрела с сожалением.

— Боже, как трогательно... Такое впечатление, будто тебя держали не в музыкальной школе, а в монастыре. Что ты знаешь о проституции, Катюша? Ты считаешь, когда девушку угощают выпивкой, это проституция, а когда выходишь замуж за нелюбимого человека, только чтобы не сдохнуть с голоду, — просто брак?

Кате показалось это намеком на нее. Она еще сильнее обиделась и уже хотела убежать, но Рита взяла ее за руку.

— Жизнь — сложная штука, Катюша, а жизнь женщины еще сложнее, и нам приходится пользоваться своими преимуществами, чтобы выжить в ней. Даже глупо этим не воспользоваться, пока ты молода и красива. Так устроено природой.

Голос Риты звучал тихо, низко. Катя не столько слушала, сколько ощущала его приятную вибрацию. Слова были не важны. То ли от разлившегося по телу алкоголя, то ли от какой-то магии голоса Риты Катя постепенно успокоилась. Инцидент показался ничтожным, и чем дольше Рита говорила, тем дальше и дальше он уносился из памяти.

Рита рассказала, кто такой Эндрю. Он был сотрудником какого-то торгового представительства и действительно американцем, предлагал ей даже замужество, которое она отвергла, а он не терял надежды. Она говорила, что ей нравится дурачить здешнюю публику, таких, как Эндрю, готовых сорить деньгами, а в самый горячий момент выскользнуть из рук. В этом она видела свою определенную миссию и забаву: водить мужчин за нос, сводить их с ума, заставлять совершать подвиги в ее честь и оставлять их ни с чем. Она испытывала от этого наслаждение. Было ли это мстостью за что-то, Катя не знала. Она слушала Риту, и перед ней возникал образ Настасьи Филипповны, дерзостью и решительностью которой Катя восхищалась раньше, в юности. А теперь перед ней было ее живое воплощение.

Обида рассеялась, Катя с интересом и восхищением слушала Риту и думала, как здорово, что она ее встретила. Они посидели еще немного. Рита окинула зал, заглянула в глаза Кате.

— Ну что? На первый раз хватит нравоучений?

— Ну, что ты! Так интересно!

— Пойдем?

Катя хотела по-ребячески соскочить со стула, но заметив, как Рита грациозно сошла с него, повторила в точности все движения за ней. Они направились к выходу. Рита шла впереди, гордо держа подбородок и грудь. Катя тоже прогнулась и шла следом. Затем оглянулась и посмотрела на искрящуюся от радости Лову за столиком американца. Эндрю провожал ее внимательным взглядом и на прощание салютовал, при-

ставив два пальца ко лбу. Катя вложила во взгляд как можно больше презрения, иронично улыбнулась и отвернулась.

— Любо мне на вольной воле! — пропел щеголеватый мужчина около сорока, в ослепительно-белом костюме в тонкую бирюзовую полоску и бабочке, расставив руки и преграждая девушкам путь.

— По утрам встречать зарю... — продолжила нараспев Рита. — Здравствуйте, Никита Владимирович, — радушно подставила она щеку.

Щеголь неторопливо, с наслаждением чмокнул, затем взял ее за кончики пальчиков, поцеловал руки и вожаденно и нагло стал разглядывать.

— Ах, Рита, Рио-Рита, зачем я третий раз женился... Ты уже уходишь? Глядя на тебя, я забываю обо всем.

Катя подозрительно взглянула на щеголя, затем на Риту. Ей показалось, что его любезности ей так же неприятны, как и любезности Эндрю, и она стремится быстрее от них избавиться.

— Гражданин! Мы очень торопимся! — Катя решительно прервала визуальные наслаждения щеголя.

— Ох, какой цветочек! Риточка, кто это юная прелестница? — перевел он внимание на Катю, от чего та насупилась и сердито хмыкнула.

— Генеральша Галеева! — неожиданно вырвалось у Катерины, вдруг почувствовавшей кураж женской мстительности. Катя гордо вскинула голову, взяла под руку Риту и направилась к выходу. Щеголь, не ожидая такого ответа, впал в некоторое замешательство.

— Привет Вавочке! — проходя мимо, бросила Рита.

Щеголь нашелся, когда девушки уже отошли на три шага.

— Я... к тебе завтра загляну! — кинул он на прощание.

Рита пожала плечами. Выходили они под внимательные и завистливые взгляды неуменившей толпы у входа.

— Ха-ха-ха! — резко сменила холодный и независимый вид Рита. Рассмеялась искренне и задорно, на что Катя тоже хихикнула, не понимая, что ее так развеселило. — «Генеральша Галеева!» Ха-ха-ха-ха! Ты же еще недавно была женой полковника? Уже повысили?! А как он остолбенел! Ха-ха-ха!

Девушки смеялись до слез, сгибаясь и держась за животы, не обращая внимания на прохожих, недоуменно смотревших на них.

— Ну ладно.... — отдышалась Рита, широко раскрыв глаза и размахивая ладонями, пытаясь высушить выступившие слезы, — сейчас еще тушь потечет... Вот же выдумщица... генеральша...

— Почему? — надула по-детски припухлые губы Катя. — Я правду говорю...

Рита не придавала значения словам Кати, отдышалась.

— А знаешь, кто это был?

— Нет...

— Богословский...

Лицо вытянулось, Катя открыла рот и удивленно уставилась на Риту.

— Богословский? — почтительным шепотом вымолвила она.

— Ты представляла его сидящим на облачке с нимбом? Нет, Катюша, он живой, обычный человек, так же похотлив, как и все эти жеребцы, которым от тебя только и нужно откусить кусочек твоей красоты и молодости. Поэтому я тебе и говорю — пользуйся. А откуда ты придумала про генеральшу? Зачем ты все это выдумываешь? Ты хочешь показаться в моих глазах солидной? Меня это не возбуждает. Терпеть не могу зависти и стараюсь давить в себе этот порок.

- Я не знаю, чем тебе доказать... Хочешь, поедем ко мне, я тебе покажу, где я живу.
- Что доказать, Катюша? — не поняла Рита.
- Мой муж — генерал, — улыбалась Катя. Подруга снисходительно взглянула на девчонку с косичками и натуральным румянцем и криво улыбнулась.
- Уж сколько я за свою жизнь генеральш повидала... У-у-у... — Рита прочертила пальцем выше головы.
- Ну что же мне сделать?! — расстроилась Катя. — Что сделать, чтобы ты поверила?! Рита внимательно посмотрела в глаза, немного отпрянула.
- Да брось, — не веря, покачала головой Рита.
- Угу, — улыбнулась Катя, убедившись, что все-таки ей поверили. — Я недавно вышла замуж. Вот и Иван Никитич говорит: солиднее нужно, соответствовать... А мне кажется, зачем мне старить себя раньше времени? Ты же видел, кого в жены берешь?
- Так вот оно что, — задумалась Рита, проматывая какие-то воспоминания, — и сколько ему?
- Сорок шесть, — Катя обреченно опустила голову, словно ее поймали на чем-то непристойном.
- Повезло же...
- Мне? — наивно спросила Катя, помня слова Риты о зависти.
- Генералу... — Рита улыбнулась, засмеялась. — Как его?
- Галеев...
- Повезло генералу Галееву... Ха-ха-ха! Нашел цветочек аленькой! — по-сарански проговорила Рита, затем задумалась. — Фамилия... где-то слышала...

Они долго бродили по улицам. Катя рассказывала о своей скромной жизни в Саранске, о том, как ее поразила Москва, как тут все красиво, празднично. Говорила восторженно, искренне. Рита ни разу не показала ухмылку искушенной москвички, ни разу не укорила ее в провинциальности, не посмеялась, не съязвила. С ней было легко, как ни с кем. Даже с матерью были определенные запретные темы. Рита же была откровенна до беззащитности. Казавшаяся вначале холодной и циничной красоткой, сейчас с Катей она была душа нараспашку. И Катя отвечала взаимностью. Но только когда Рита затрагивала интимные темы, Катя тушевалась, старалась уйти. Рита не настаивала, не требовала непременных подробностей, напротив, сама охотно рассказывала довольно похабные вещи, чем эпатировала юную подругу. Но Катя не перебивала, слушала и мотала на свой коротенький ус все, что она говорила.

Что Катю вначале немного напрягало и смущало — был мат. Материлась Рита виртуозно, мастерски. Холеная, шикарно одетая барышня с изысканными манерами произвела его в ранг искусства и была в нем виртуозом, Паганини.

Она курила. Немного, но очень элегантно, как артистка в заграничном кино, через мундштук, так соблазнительно, что Кате тоже захотелось попробовать затянуться.

Рита пела в Московской оперетте, самым большим достижением была роль Ксении в «Девичьем переполохе», а затем скандалы, завистницы, театральные серпентарий отодвинул ее на более скромные роли. Лова тоже работала раньше в театре костюмершей, но вышла замуж за какого-то торгового работника и уволилась. Рита смешно рассказывала забавные театральные истории и часто вставляла пошлые прибаутки, чем вгоняла Катю в краску.

Рите было под тридцать. Жила она на Солянке в коммунальной квартире. Про личную жизнь Катя спрашивать стеснялась, полагая, что придется откровенничать в ответ, чего ей не хотелось. Она считала, что достаточно и того, что она рассказала, да и смущалась она распространяться, как ей живется с мужем, старше более чем вдвое. Единственное, что Катя рассказала, как познакомилась с Иваном Никитичем.

— Мы концерт давали у них в управлении. Нас, лучших учеников, отправили. Он подошел, серьезный такой, поблагодарил за игру. Мы стояли с преподавателем. Я и думать забыла, даже в мыслях не могло быть. Пришла домой, уже неделя прошла после того. А он в комнате сидит с мамой, разговаривают, чай пьют. Я подумала, к ней. Вначале разозлилась, а потом подумала, молодая ведь она еще, сорок с небольшим, а он мужчина серьезный, даже как-то радостно стало за нее. А потом оказалось, он ко мне... свататься. Я, конечно, не хотела. Мы с мамой долго говорили. Это я от нее узнала, что искал он меня, справки наводил, что поклялся матери беречь, уговаривал. Я и согласилась.

— Так он не военный?

— Нет.

Рита задумалась, посерьезнела.

— У тебя отец тоже намного старше матери?

— Да...

— Ну что же... Может, мать и права. Что бы ты сейчас в Саранске делала?

Так долго Катя ни с кем не разговаривала. Был уже седьмой час. Рита взглянула на маленькие часики.

— О... Заболтались мы...

Катя вдруг вспомнила про Акулину, переменялась в лице. Рита сразу заметила это.

— Что ты так... изменилась-то?

Пришлось рассказать про все, что произошло утром, и почему у нее не оказалось денег, и что она не знает, что делать, что Акулина баба тертая, да и побаивается она ее.

— И откуда она только взялась?! — сетовала Катя.

— Ты не торопись. Поставить ее на место нужно, но не напрямик. Знаю я таких — зубы сломаешь. Через генерала своего действуй. Он ее привел, он ей и место укажет. Ты, главное, не дрейфь, генеральша. У нас еще и маршалы на поводке ходить будут, что там генералы.

Девушки рассмеялись. Расставаться не хотелось. Становилось тягостно.

— Ну... как найти меня — знаешь... Рано не приходи — не открою, да еще и обматерю. Или в театре... И не кисни! Выше нос, генеральша, мы еще им покажем!

— А где находится театр?

— На Маяковке, в центре. Спроси любого — покажут. Ну, пока, хм... генеральша...

4. Запах карамели

В квартире пахло свежей выпечкой и свеженатертой паркетной мастикой, от которой немного пощипывало глаза. Заряд храбрости, который дала Рита, растаял уже в подъезде, когда вахтерша взглянула поверх очков. Катя неслышно прошла в зал. Решила, что есть не будет, хоть запахи из кухни нагоняли голодную слюну.

— Катерина! Катерина! Ты куда пошла?! — раздался требовательный голос Галеева из кухни. Катя вздрогнула, но отвечать не стала. Вскоре Иван Никитич пришел сам. — Катерина! Это что за бунт? Ты мне еще тут голодовку объяви! Как ты себя ведешь?!

— Я нормально себя веду, Иван Никитич, — Катя решила попробовать стать Ритой. Она подняла подбородок и как можно пронзительней взглянула на Галеева. В комнате был полумрак, и предательский румянец, заливший щеки, был не виден. — Вы меня даже не спросили, согласна ли я, чтобы со мной в доме жила посторонняя женщина. Я не знаю, кто она такая и что она тут делает!

— Она... она помогать будет... по хозяйству. Я же тебе говорил... — Галеев неуклюже пытался оправдаться, и Катерина почувствовала, что ей удалось, пусть ненадолго, из виновника стать обвинителем. Она решила продолжить, закрепить успех.

— Меня нужно было хотя бы предупредить и спросить мое мнение, или я собачка комнатная?! Если я ваша жена, то имею право на свое мнение?! Кто она такая, откуда она взялась?! И почему она со мной так разговаривает?!

— Тихо! Тихо, — Иван Никитич заметался, засуетился, что на него было не похоже. — Она... работала... со мной работала... там...

— Так она кто, надзирательница?! Теперь и за мной будет следить?!

— А ну-ка прекрати! Белены объелась?! — Галеев подскочил, и Кате показалось, что он сейчас ударит ее. Она сжалась и зажмурилась. «Рита» улетучилась. Ее снова сковал страх.

— Она поживет у нас, пока я квартиру ей не выбью, — Галеев перешел на спокойный тон. — Мы же говорили с тобой. Ну не потянешь ты, Кать, что с тобой сегодня? Как бес вселился. По выслуге она ушла. Хороший она человек, преданный и хозяйка отменная.

— Откуда она знает, что вам приятно, что нет? Она что, бывшая любовница ваша?

Галеев смутился. Даже взгляд спрятал.

— Дура ты, Катерина, придумала же... Говорю, работали вместе, почитай, лет семь. Начальничал я у нее. Вот она и присматривалась, что люблю, что не люблю. А ты уже... любовница... Прекращай мне. Что с тобой сегодня? Пойдем, Акулина пирожков напекла, ты таких не ела, не оторвешься.

Катя безвольно, в обиде на саму себя, что не смогла одержать верх, побрела на кухню вслед за Иваном Никитичем. Есть хотелось смертельно, до тошноты, но взять пирожок не поднималась рука. Затем вспомнился позор в баре с американцем. Катя потянулась за пирожком. Акулина вздохнула, и ее напряженная поза сменилась на обычную суету на кухне.

Так и стали жить. Катя с Акулиной почти не разговаривала, словно та была глухонемой. А Акулина и не лезла с разговорами. И Катю это устраивало. Присутствие женщины постепенно становилось будничным, обычным, ушла первая острота неприязни, хотя долго находиться с ней в одном помещении Катя избегала. Вставала Акулина рано, шла на Тетеренский рынок за хозяйскими творогом и сметаной. Затем пекла аппетитные сырники, маленькие, пухлые, на серединку клала кусочек масла и сверху присыпала сахарным песком. Сахар и масло плавилась, образуя сладкую корочку.

И вроде все шло, как прежде. Иван Никитич отправлялся на службу, Катя продолжала заниматься тем, что она делала и раньше: слушала музыку, читала, играла, а потом отправлялась гулять с Ритой. Встречи с новой подругой были непредсказуемыми, интересными, и каждая особенная. Катя с азартом и вдохновением спешила на встречу, предвкушая прожить какую-то новую историю, увидеть интересных людей, возможно, знаменитых, известных. В «Коктейль-холл» они наведались еще дважды, и оба раза находились желающие заплатить за них. Катю это уже не шокировало, наоборот, было интересно наблюдать, что предпримет Рита и как она это сделает. Сама Катя была только наблюдателем, хотя и в некотором роде приманкой. Она не осознавала, насколько привлекательны были ее молодость и непорочный взгляд с естественным румянцем на щеках для здешних обитателей. Ей казалось это игрой, немного необычной, рискованной, но приятно щекотавшей нервы и потакавшей естественной женской природе — нравится.

Однажды Катя зашла к Рите домой, на Солянку. По пути заглянула в кондитерскую и купила с полкило карамелек. Рита любила карамельки, особенно «Раковые шейки». Общая дверь в квартиру была не заперта: бегали соседские дети, и Катя прошла по темному коридору к комнате Риты. Стучать не стала, распахнула дверь, и первое, что сразу бросилось в глаза, присевший на корточки мужчина с фотоаппаратом посреди комнаты. У стены на фоне светлой ткани стояла Рита. Она была абсолютно голой. Одна

рука была закинута за голову, вторая вытянута в сторону, спинка прогнута, а ножка отставлена, как будто она потягивается ото сна, в истоме и сладострастии.

— Ой! — вздрогнула Катя и попятилась назад. Кулек с карамельками перевернулся, и конфеты с дробным грохотом посыпались на пол. — Ах!

Катя закрыла руками лицо, отвернулась, хотела было выскочить, но ударилась о дверной косяк.

— Ну дверь-то хоть закрой, — спокойно сказала Рита, будто занималась чем-то будничным.

— Марго! Я же говорил — закрыть дверь! — истерично закричал мужчина. Засуетился, начал нервно собираться. — Я говорил, что твоя беспечность когда-нибудь выйдет боком!

— Я уйду... извините! — бросилась из комнаты Катя.

— Катерина! Ты хочешь, чтобы я бежала так за тобой по улице?! Я могу! — донеслось из комнаты.

Катя остановилась. По коридору носились дети. Она знала — Рита могла. Она вернулась и спиной вошла в комнату, стараясь не глядеть на Риту. Лицо горело, а во рту пересохло.

Рита, нисколько не смущаясь, подошла к Кате и, взяв за плечи, развернула ее.

— Содомский! Вот Катя, про которую я тебе говорила. Как ты находишь?

— Я так не могу! Сколько раз я тебе говорил?! Полная конфиденциальность! Мне еще за растление малолетних не хватало срок получить!

Мужчина схватил саквояж и опрометью вылетел из комнаты.

— Содомский! Не истери! Она совершеннолетняя! Ну и черт с тобой! — крикнула Рита уже в закрытую дверь.

Она махнула рукой, накинула халат и стала смотреть на пол, где рассыпалась карамель.

— Это что — «Гусиные лапки» или «Раковые шейки»?

— «Лапки»... то есть... «Шейки», — сбивчиво ответила Катя.

— Мои любимые! Ну что ты, давай собирать, растяпа! Ты что, в женской бане не была никогда? Голых женщин не видела?

Рита присела и начала собирать в тарелку карамель.

— Видела, — робко ответила Катя и тоже присела, — это твой любовник?

— Кто?! Ха-ха-ха! Содомский?! Ха-ха-ха!!!

— Как же ты... перед посторонним мужчиной...

— Он не мужчина... — пренебрежительно замотала головой Рита. — Он с мужиками спит.

— Как это... — наивно хлопала ресницами Катя.

— Такое бывает, Катюша, — заметила растерянность подруги Рита. — А ты... не хочешь?

Катя подняла брови.

— Содомский великолепно чувствует женскую эстетику. Он даже может цветное фото сделать. Попробуй, а? — голос Риты понизился, стал вкрадчивым и искушающим.

— Ты с ума сошла! — вспыхнула Катя, вскочила и кинулась к двери.

— Ха-ха! И чаю не попьешь?!

Катя остановилась, с гневом посмотрела на Риту.

— Как ты можешь мне такое предлагать?! Это гадко и непристойно!

Впервые она была на грани ненависти к подруге, которую недавно почти боготворила, поклонялась ей, как божеству, принимала все ее эпатажные выходки, более того, восхищалась ими и хотела быть на нее похожей во всем.

— Дурочка ты, малахольная... Пользуйся моментом! Потом, когда в квашню превратишься, вспомнишь, а ведь когда-то молода была... А была, да сплыла! И захочется, да кому ты нужна?! Коротко цветение бабье... Ну и сиди, как... брюква...

— Это мерзко!

— Да вы посмотрите... Ты думаешь, генерал твой тебя за игру полюбил, за чистоту твою душевную? Ему старая баба надоела! Молоденькой захотелось!

Рита больно схватила Катю за грудь. Та опешила, ахнула, прижалась к стене и хотела отвесить пощечину, но в последний момент сжала кулаки, прижала их к груди и закрыла глаза.

— Отойди, я тебя ударю, — процедила сквозь зубы, задыхаясь от злости.

Когда Катя открыла глаза, Рита с какой-то жалостью и обреченностью смотрела на нее. Блеснули слезы. Не было ни агрессии, ни ненависти в этом взгляде. Только тоска, далекая и глубокая. Кате показалось, что все ее шокирующие каверзы, ее бесшабашная отвага — какая-то месть за что-то кому-то. Все ее поступки нарочиты и демонстративны. Словно дали ей немного времени, и делай что хочешь, все равно один ответ — неминуемая смерть. На самом деле она другая, и Катя увидела ее. Ей стало жаль Риту. Grimаса гнева растаяла, насупленные брови распрямились, поднялись вверх, и в Катиных глазах появились сочувствие и сострадание.

Рита резко отвернулась, словно испугалась показать слабость, чтобы ее жалели.

— Иди, — подняла она руку.

— Не уйду! — твердо ответила Катя

— Иди, говорю. Уходи! Зря ты со мной связалась. От меня одна беда. У тебя своя жизнь, иди...

Рита опустила голову. Катя подошла и обняла ее за плечи. Та вздрогнула и сжалась, затем повернулась, и они обнялись крепко, будто давно не виделись. У Кати выступили слезы. Рита казалась такой беззащитной и одинокой. Она глубоко вздохнула. Рита коснулась своей щекой горячей щеки Кати. Катерина почувствовала приятную прохладу, и по телу пробежал легкий озноб. Все последующее происходило словно в бреду, тумане. Девушки встретились глазами, затем Рита опустила взгляд на губы Кати, припухлые, полуоткрытые, а Катя закрыла глаза. Когда она почувствовала поцелуй, все тело содрогнулось и наполнилось приятной негой, земля стала уходить из-под ног. От Риты пахло карамелью, и Кате казалось, что она целуется с конфетой. Она почувствовала, что задыхается, громко втянула воздух, и в этот момент ее словно что-то пронзило внизу живота. Катя отскочила, закрыла лицо руками, на несколько секунд замерла, а затем, стараясь не поднимать глаз, боясь встретиться с Ритой взглядом, стремглав выскочила из комнаты.

Она бежала по улице, задыхалась, боясь остановиться, перевести дух, словно старалась убежать от нового, неизвестного ощущения, от стыда и страха.

«Дура! Идиотка! Зачем я пришла?! — корила себя Катя. — Неужели не видела раньше, как она порочна?! Боже, зачем я с ней связалась?!»

Иван Никитич уехал куда-то в командировку. Это было кстати. Катя не выходила из дому дня два. Слушала музыку, все что угодно, только бы ничто не напоминало о том инциденте. Даже за рояль ни разу не присела. Акулина забеспокоилась, наблюдая за Катей:

— Ты... это... Не тошнит тебя?

— Нет, — коротко ответила Катерина, не понимая, из-за чего ее должно тошнить.

— Ты ежели чего, сказывай...

— Что сказывать?

— Ну это... Не тяжелая ты?

Катя задумалась и только сейчас поняла, что имела в виду Акулина. Стало неприятно. Меньше всего хотелось делиться своими ощущениями с ней, тем более обсуждать беременность.

— Нет! Нет! — замотала головой Катя, стараясь показать, что об этом она не намерена извещать Акулину.

— Ну... Мое дело маленькое... Поди похлебай чего-нить. Цельный день не емши-то...

— Не хочется...

— Ну, как знаешь..., — удалилась Акулина.

Чем дольше Катя оставалась дома, тем сильнее глодали ее мысли о Рите. Что с ней? Чем она сейчас занимается? Вспоминает ли о ней? Они больше никогда не увидятся? Ей не хотелось так думать, но и встретиться с Ритой она считала сейчас тоже невозможным. И сколько она ни старалась отогнать мысль — хорошо ли ей было, память то и дело выхватывала тот сладкий момент, и опять возникало чувство стыда, но уже не такого острого, обжигающего, как в первый раз.

Акулина куда-то ушла. Катя зашла в ванную, разделась, но мыться не стала. Стояла и разглядывала себя в зеркало. Оно было небольшим, и видно было только лицо и немного грудь. Внезапно в голову влетела шальная мысль, от которой все тело наполнилось приятным волнением. Дыхание стало прерывистым. Катя подняла глаза и лукаво посмотрела на свое отражение, спрашивая саму себя: «А что если...» Она украдкой вышла из ванной и прошла в спальню. В спальне было большое зеркало, висящее посередине широкого желтого трехстворчатого шкафа. Хотя во всей квартире она была одна, ею овладело чувство смятения и смущения, словно на нее смотрели сотни невидимых глаз. Внезапно волнение сменилось дерзостью, она остановилась, вздохнула, выпрямилась, озорно улыбнулась и пошла уверенно, нарочито демонстрируя свое тело несуществующим зрителям.

В квартире стоял полумрак. Акулина с болезненным постоянством зашторивала все окна, чтобы «не выгорела мебель», и сколько Катя ни пыталась бороться с этим, Акулина молча задерживала шторы, будто солнечный свет был для нее смертелен. Катя в полумраке прошла в зал, отдернула шторы с большого окна. Комната наполнилась светом и Шопеном, веселым, игривым. Она стала бегать по квартире из комнаты в комнату и раскрывать окна, смеясь, отдергивала тяжелые темные шторы, пока вся квартира не наполнилась светом. Последней комнатой была спальня. Она остановилась перед зеркалом и украдкой взглянула на себя. Вспомнила позу, в которой стояла Рита, когда ее снимал Содомский, прогнулась и встала так же. Она с интересом и волнением разглядывала себя, будто в зеркале отражалась не она сама, а какая-то другая девушка. Катя водила по телу руками, ощупывала грудь, бедра, живот... Накатила приятная истома. Она закрыла глаза. Вспомнился тот поцелуй. Будто ее тогда расколдовали. Снова зазвучал Шопен и... запах карамели...

Внезапно щелкнул замок, и хлопнула входная дверь. Кровь ударила в голову, Катя заметалась, словно пойманная с любовником. Кинулась из спальни, одумалась, что так ее неминуемо заметит Акулина. Вернулась, судорожно ища выход.

— Говоришь, говоришь... Мебель выгорает... Как об стенку... Купила бы за свои, пошачила бы, так берегла б... — бурчала Акулина, зашторивая все назад.

Когда Акулина вошла в спальню, Катя, затаив дыхание, лежала на кровати, укрытая одеялом и делала вид, что спит. Тетка посмотрела, удивленно дернула плечами, молча зашторила окна и вышла, закрыв за собою дверь. Катя выдохнула. Появились слабость и чувство неги. Она уснула.

Проспала недолго. Когда проснулась, вспомнила про Риту. Обиды почти не осталось, появилось желание увидеть ее, разобраться в произошедшем либо доказать се-

бе, что все так и было ею задумано, и тогда уже окончательно порвать с ней, хоть этого она страшилась больше всего. Катя оделась и вышла.

Чем ближе она подходила к дому, где жила Рита, тем сильнее стало закрадываться сомнение, что поступает она правильно. А вдруг Рита специально разыграла эту сцену, чтобы отвадить ее? Что если она не хотела втягивать ее в какое-то постыдное дело, а просто прогнать — она бы могла не уйти. Что если она продает любовь за деньги? Что если она проститутка? Шаг замедлился, и Катя продолжила рассуждать. Она всегда хорошо одета, а стоит это немало. На зарплату актрисы так одеваться трудно. Может, она хочет вырваться, но не может и поэтому не хочет, чтобы в этот омут попала и она, Катя. Она вспомнила слова из последней встречи: «От меня одна беда». О какой беде говорила Рита? Вдруг ее заставляют?

«Нет, — решила она, — я должна увидеться с ней. Может, ей угрожает опасность, а я, подруга, буду отсиживаться в обидях».

И так сделалось ей стыдно, что злилась на себя. Ну конечно же! Как она раньше не могла это понять?! Она специально ее целовала, чтобы вызвать у нее ненависть. Бедная Рита! Она ускорила шаг. До дома оставалось каких-то метров сорок, и Катя перешла на бег. Она взлетела на второй этаж. Трижды позвонила, затем стала стучать в дверь. Открыла перепуганная соседка.

— Рита дома?!

Катя, не дождавшись ответа, ринулась к комнате Риты, дернула дверь, но она была закрыта.

— Что за пожар? Ритка, я видела, расфуфырилась и ушла куда-то.

Катя вспомнила, сегодня был четверг, и Рита должна быть в театре. Она помчалась в театр. Оперетта тогда размещалась в бывшем здании Цирка братьев Никитиных, фасадом выходившем на Большую Садовую. К театру она попала, сделав большой крюк, заблудилась и потеряла более получаса. Здание спряталось за громадиной Концертного зала имени Чайковского. Оно оказалось скромным и неброским, не таким, каким Катя его рисовала в фантазии. Небольшое, в три этажа, здание было больше похоже на какое-то скучное учреждение, которые в Москве были на каждом шагу. О театре, тем более такого веселого и жизнерадостного жанра, напоминали только афиши и скромная вывеска. Огромный, несоразмерный купол возвышался беременным животом и напоминал о бывшем цирке.

Еще около пятнадцати минут Катерина пыталась добиться от тетеньки на входе, чтобы та ответила, в театре ли Рита. Но никакую Риту она знать не желала и твердила, чтобы Катя назвала фамилию. А вот фамилии Риты она не знала. Ей было стыдно, что они столько знакомы, а она даже не знает ее фамилии.

Входящая девушка, услышавшая отчаянные просьбы Кати непременно пропустить ее к Рите, подошла и спросила:

— Вам, наверное, Панова нужна? Маргарита?

Катя посмотрела с надеждой.

— Да, Панова, да! — обрадовалась Катя. Почему-то эта фамилия ей подходила лучше всего.

— Все одно, не пушу, — проскрипела тетенька, — не велено!

— Послушайте! Речь о жизни и смерти! Мне ее срочно нужно увидеть!

— А я говорю, не велено! — постановила вахтерша и встала в позу артистки Ермоловой на картине Серова.

— Хорошо, я ее позову. По-моему, она уже освободилась, — девушка улыбнулась. Катя с укоризной посмотрела на вахтершу, та сделала отстраненное выражение лица.

Минуты ползли, словно улитки. Хотелось поскорее увидеть Риту. А вдруг она не захочет ее видеть? Катя прерывисто вздохнула.

— Кто меня тут разыскивает?! — послышался бодрый голос Риты.

— Рита! — Катя бросилась к подруге, затем остановилась, испугавшись наткнуться на холодный или недружелюбный взгляд.

— Ты?! — удивилась Рита. — Что случилось? Татьяна сказала, что какая-то девушка говорила о жизни и смерти. Что произошло?!

Катя медленно подошла. В глазах стояли слезы.

— Ну что ты, глупенькая, что случилось?

Рита обняла Катю и по-матерински поцеловала в висок. Затем взяла под руку и увлекла за собой.

Они сели в буфете. Рита взяла бутылку «Абрау-Дюрсо». Разговор долго не клеился. Обе сидели и крутили на столе фужеры. Катя напрасно думала, что Рита встретит ее, как раньше, веселой прибауткой, словно ничего не было. Чем дольше они сидели, тем труднее становилось произнести первое слово. Когда немного вино ударило в голову, Катя отважилась:

— Я..

— Ты считаешь меня распутной и порочной девкой? — неожиданно перебила Рита.

— Нет, я...

— Правильно делаешь... Я... распутна и порочна... Только... с тобой это было впервые, — Рита говорила волнуясь, отрывисто, не поднимая глаз. — Сама не знаю, как произошло... Как волной... подхватило, понесло... А ты испугалась?

— Чего? А... — Катя смутилась, — вначале да, а потом... Я никогда не испытывала ничего подобного. У тебя много было мужчин?

— Как сказать, — вздохнула Рита, — подсчетов не веду. Хватало...

— А любила кого-нибудь?

Рита помрачнела.

— И сейчас люблю...

— Кто он?! — вскрикнула Катя и уставилась во все глаза на Риту.

— Его здесь нет. Он далеко... Мы не виделись уже пять лет.

— И у тебя никого не было?

— Почему? Были.

— Как? Ведь ты говоришь, что любишь этого человека? А кто он?

— Люблю... Вот здесь и здесь, — Рита показала на грудь и голову, — а там, — она махнула вниз, — только инстинкты. Я не собираюсь быть монашкой и отказывать себе в удовольствии, но туда и туда я никого не пускаю, — Рита снова показала на грудь и голову, — Глеб был художником у нас в театре. Я уже семь лет тут. А он еще до меня работал. Ну и познакомились. Он старше на восемь лет. Я сразу поняла — это мой мужчина. Я по-настоящему научилась любить только с ним. Все прошлое — выкинуть и забыть.

Катерина, подставив под щеки обе руки, внимательно слушала.

— Два года мы с ним прожили, как во сне... А в сорок седьмом... Он большой плакат нарисовал ко Дню Победы, для театра. Не знаю, специально тогда Глеб нарисовал Жукова или нет. В общем, рядом с товарищем Сталиным... Ну тут и началось. А Жукова к тому времени со всех постов поперли. А тут такое. Да и все бы ничего, так Глеб завелся с парторгом по поводу роли Жукова в Победе. Глеб же воевал, по ранению демобилизовался. Почти всю войну прошел, а в Венгрии вот... Ну и задело его. Чуть пятьдесят восьмую статью не пришили. Еще хорошо отделался — на семь лет в Мордовские лагеря... Вот и вся история.

Рита налила полный фужер и залпом выпила. Катя напряженно следила за всеми движениями подруги и с жалостью смотрела на Риту, пытаясь разглядеть в глазах боль или гнев. Но она бесстрастно подмигнула и продолжила:

— А второго не имею чести знать, как величают. Просто подполковник.

— Военный? — испуганно произнесла Катя.

Рита хмыкнула, криво улыбнулась.

— В конце сорок седьмого я поехала к Глебу, в Явас. Глупая затея... Он мне написал, что товарища его перевели в мастерские, там поделки всякие, росписи, сувениры... Ну, полегче, в тепле, да и режим не тот. Что, мол, жена приехала и уговорила начальника, поскольку он тоже художником был, правда, сидел уже долго. Вот я и поехала в ваши края...

Рита остановилась, и только теперь ее лицо исказила гримаса боли. Катя почувствовала неладное.

— Слушай, не надо, не рассказывай ты ничего, ну их к черту!

— Я не тебе рассказываю — себе, а ты хочешь — слушай, хочешь — иди. Я никому и никогда это не рассказывала. Все в себе держала. Не хочу больше, тяжело одной с этим.

Она опять налила фужер и залпом выпила. Остановилась, словно пред отчаянным прыжком.

— До поселка я добралась. Там поспрашивала, как начальника найти. Говорят, уехал начальник, будет через неделю, ну я к заму, подполковник, фамилии не помню.

— А зовут?

— Говорю же тебе, не знакомилась я. В общем, вхожу я в кабинет, а там дым коромыслом. Товарищи офицеры что-то отмечают. Двое их было. Лейтенантик старший и он. Важный... Он ничего вначале, присанислся, выслушал... Я про Глеба рассказала... Что и как... Он ходил, ходил вокруг, слушал... Потом встал сзади... разглядывает...

— Не надо! — взмолилась Катя и заткнула уши.

— А у лейтенантика глазки сальные, улыбается так гаденько. Потом... подполковник меня как толкнет в спину, я на стол упала, а лейтенантик за руки схватил и в глаза смотрит. Думаю, заору... Да и хмырь этот не сильно держал, вырвусь... А потом, думаю... Что с меня? Убудет? Да и Глебу же легче... В общем... Там бюстик был, на столе... товарища Сталина... бронзовый такой. Я на него все смотрела, когда этот меня... А потом меня смех разобрал... Ха! Думаю, вот, товарищ Сталин, как встречают работников культуры... И смеюсь, остановиться не могу... Истерика, что ли. Старый кобель испугался, видно, хмель прошел. Ведьма, говорит, уйди отсюда. И лейтенантик сник. То ли, что не досталось, то ли... не знаю... Дура я... Нет смолчать. Могла бы вообще оттуда не уехать. Кто бы там искал... Испортила все... И Глебу не помогла, и себя только в помойку окунула. Вот такие у меня, хм... воспоминания... Извини...

Катя закрыла лицо руками и рыдала, сотрясаясь всем телом.

— Ну что ты, Катюша, — пыталась успокоить подруга.

Катя шмыгнула носом и показала зареванное лицо.

— Теперь я на мужчин... смотреть не смогу, не то что... гы-гы-гы...

— Ну... Ты брось это. На войне как на войне...

— Какой еще войне? — Катя удивленно посмотрела на подругу.

— Вечной войне. Между мужчиной и женщиной. Это вечная война, Катюша. С пленными, перебежчиками, убитыми и ранеными, перемириями и ожесточенными схватками. Но... мы без них не можем, а они без нас.

— Можем! Еще как можем!

— Ну-ну-ну... Ты вообще зачем меня искала, дуреха?

Катя растеряно посмотрела на Риту.

— Не знаю... мне показалось, что с тобой беда...

— Пойдем ко мне.

Дома у Риты пили чай с теми «Раковыми шейками», которые принесла Катя. Та связь, между запахом конфет и случаем с Ритой, была разорвана. Отчасти рассказ Риты сделал ту историю совсем невинной, мелкой, отчасти Катя сама теперь совсем по-другому смотрела на ту историю. С ней действительно произошла сильная перемена. Она поняла, что эротическая сторона жизни, как огромный материк, terra incognita, был скрыт от нее туманом романтических грез, наивностью представлений, детскими заблуждениями. То, что рассказала Рита, вдребезги разбивало желание осваивать этот «материк». Он оказался суровым, жестоким, безжалостным.

Катя сидела тихо, оглушенная услышанным, смотрела в одну точку и почти ничего не говорила.

— Я тоже дура... Нашла кому рассказывать... Кать, брось... Насочиняла я...

— Я бы не смогла жить... Я бы удавилась или из окна выпрыгнула, но с этим жить не смогла... Ты сильная.

— Ох... — вздохнула Рита, — теперь я изведу себя, что рассказала тебе...

— Какой жестокий мир...

— Все! Хватит! Жизнь продолжается, и плевать на уродов, чтобы из-за них киснуть! Поехали в «Националь»?! Ну все-е-е...

Рита встала и тряхнула подругу за плечи. Катя посмотрела на Риту, словно ее озаарила догадка.

— Я поняла... Ты им и сейчас мстишь... Да? Мстишь? По-прежнему?

— Кому? — удивилась Рита.

— Мужчинам?

— Ха... Ха-ха-ха! — Рита залилась смехом. — Много чести! Я ими пользуюсь. Природа-мать... так устроена. Инстинкты, Катюша, инстинкты! Ими нужно пользоваться! Ну так что?! Гуляем?!

— Нет, я домой пойду, нехорошо мне...

— Нет, я такую тебя отпустить не могу...

— Да, все нормально, просто... Рит...

Катя запнулась, хотела что-то сказать.

— Ну что? Ну, говори! Замахнулась — бей! Не тяни!

— Я не знаю, удобно или нет, Иван Никитич гостей позвал... в субботу, а мне надеть нечего. Может, у тебя старое что-нибудь завалилось, что ты не носишь...

— Вот еще, старое! Не носи ношеное, не спи с брошенным!

Рита подошла к шифоньеру, раскрыла его, провела рукой по висящим на плечиках платьям.

— Выбирай любое, только... — Рита смерила взглядом фигуру Кати и скривила набок рот, — влезешь?

— Не знаю...

Катя испуганно потрогала себя по животу, бедрам. Она была заметно крупнее подруги.

— Ладно, выбирай какое хочешь!

Катя подошла к платьям и с восхищением разглядывала сокровища подруги. Поразило одно темное длинное платье из бордового шелка с красивым кружевом. Она сняла его вместе с плечиками.

— Какое красивое...

— Это не платье, Катюша, это пеньюар.

— Что?

— Как ночная рубашка. В нем к гостям что в лифчике — не совсем удобно, — улыбнулась Рита, — это для любви... Романтика... Это не подходит.

- А можно то, синее, в котором мы первый раз встретились.
- Какое? — пожала плечами Рита, — А! «Рыбачка Соня»?! Ха-ха! Конечно!
- Она вытащила жаккардовое платье с белыми лентами и приложила к Кате.
- Вот только влезешь ли в него? — с сомнением спросила Рита.
- Влезу! — решительно ответила Катерина.
- Она взяла платье и посмотрела по сторонам, где его примерить. Раздеваться при Рите она смущалась.
- Я... дома примерю...
- Да не съем я тебя, — улыбнулась Рита.
- Она достала сложенную ширму, раскрыла и поставила у шифоньера.
- Платье оказалось довольно тесно в груди и талии, но Катя ощутила в нем себя необыкновенно счастливой. Не огорчало и то, что дышать в нем полной грудью было немного затруднительно. Все это было ерундой! Теперь она еще больше стала похожа на свой идеал. Катя вышла из-за ширмы с абсолютным счастьем на лице.
- Ну как? — крутилась перед подругой Катя.
- Шик! Покажись ты в нем в «Коке», половина публики захлебнулась бы слюной. У тебя в нем такая грудь... прямо «высокая волна»...
- Катя смутилась, но озорно улыбнулась.
- А можно еще ту заколку перламутровую?
- Запросто...
- Рита достала из шкатулки заколку и протянула подруге. Катя воткнула заколку в волосы и покрутила головой перед зеркалом. С поволокой взглянула на Риту.
- Ох, девка... — заметила томный взгляд Рита, — боюсь я за тебя.
- Почему?
- Голову потеряешь, если дашь инстинктам волю. Ты поводья-то натяни, не то понесут кони к обрыву, в омут к чертям. Хватит ли сил выбраться?
- А скажи... — Катя запнулась и опустила глаза, — было страшно первый раз... перед Содомским раздеваться? Ты что, совсем его не стеснялась?
- Когда жрать захочешь, не только разденешься...
- Ты что, и... спала за деньги? — изумилась Катя.
- Только не надо изображать возмущенное целомудрие! Ты же с Галеевым спишь? В охотку?
- Катя отрицательно покачала головой.
- Ну и?
- Он муж! — попыталась возразить Катя.
- И что? Святая простота! Суть одна. Если это не по любви, то это одно и то же. Он платит — ты спишь. Правда, все узаконено... Меня с Содомским Глеб познакомил. Они давно друг друга знали.
- Глеб... тебе... предложил?!
- Катя вытаращилась и смотрела, как на невиданное чудо.
- Да не смотри ты так! Глеб не знает ничего. Он меня рисовал...
- Кто?
- Глеб, обнаженной. Правда, не знаю, куда делись его рисунки. Может, Содомскому отдал... Скорее всего... Надо спросить.
- Ну, там же ты была голая!.. Как он мог другому мужчине отдать?
- Катюша, это искусство. Голая женщина оделась и ушла, а холст, рисунок — это предмет обсуждения таланта художника. Никто не возбуждается от твоих прелестей. Говорят не о грудях, а о манере, свете, художественном приеме. Когда Глеба посадили, у меня с деньгами совсем швах был. Я у Содомского хотела занять... Вообще-то, его

фамилия Садовский. Это Глеб ему фамилию исковеркал, но он и сам уже к ней привык. Я потом только поняла, почему «Содомский». Так вот он и предложил мне. А что? Тридцать рублей за снимок. Попролам — по пятнадцать. А ты думаешь, это все, — Рита показала на шифоньер, — мне поклонники подарили или на зарплату артистки купила? А что ты все Содомским интересуешься? Денег тебе вроде хватает, а?

Катя пожала плечами.

— Не знаю...

Она посмотрела на Риту, будто ища подсказки.

— Ну, если хочешь... я спрошу его. Он тоже еще тот фрукт, кого попало не снимает. Все натуре подбирает. Лова вон жаловалась, что больше не хочет ее снимать. Говорит, грудь ему не та уже.

— Нет, не надо, не говори, я...

— Ну а чулки-то у тебя есть?

Катя отрицательно помотала головой.

— Только смотри... зацепку не сделай!

* * *

Однажды Катерина собралась на встречу с Ритой. Она спустилась на лифте, внизу поздоровалась с вахтершей, как обычно, и, не дожидаясь ответа, уже сбегала по ступенькам на улицу, когда та неожиданно окликнула ее каким-то необычным, просящим голосом:

— Катерина Дмитриевна! Катерина Дмитриевна, голубушка!

«Голубушка»? В этом было что-то необычное и тревожное. Катя остановилась и посмотрела на вахтершу. Та снялась со своего «наместа», прижала руку к груди и с мольбой смотрела на Катерину.

— Катерина Дмитриевна... Вы извините, что по пустякам отвлекаю...

Катя поднялась на несколько ступенек назад. Она впервые видела не истукана, сидящего за столом и подозрительно рассматривающего входящих и выходящих жильцов, а живого человека. Ей стала неловко, что даже не знала, как ее зовут. До этого момента у нее было одно имя — Вахтерша.

— Слушаю вас, — напряглась Катя.

— Акулина Трофимовна говорит, что вы на пианинах играть умеете... А не могли бы вы моего Валерку подтянуть? Внук мой, Валерка... Он мальчик способный, музыку любит, а пианины дома нет. А сейчас каникулы. Вот я и подумала, может, дадите ему несколько уроков, чтобы не забывал. Раньше-то он к Сомовым... — вахтерша запнулась, виновато посмотрела на Катю, — к Наталье Ивановне ходил. Если что, мы и заплатить можем... Да и не балованный он...

— Не знаю... — растерялась Катерина от неожиданного вопроса, потом подумала: — Пусть придет... завтра к... утром пусть приходит, я всегда дома.

— Вот спасибо! — обрадовалась вахтерша. — Завтра и приведу... Вот спасибо...

Катя кивнула, развернулась, спустилась на несколько ступенек вниз. Остановилась, снова посмотрела на вахтершу. Она вдруг вспомнила про мучившую ее раньше загадку: что произошло с Сомовыми?

— А скажите... Вы сказали, он ходил к Сомовым... Они жили раньше в нашей квартире...

— Да, конечно! С ним Наташенька, Наталья Ивановна, супруга Петра Николаевича, занималась... Такая была женщина, — вахтерша покачала головой.

— А что с ними стало?

Вахтерша опасливо посмотрела по сторонам и заговорщицки поманила к себе Катерину.

- Погорел Петр Николаич...
- Как это — погорел?
- А вот почти буквально.

Вахтерша увидела заинтересованность на лице Кати и почувствовала свою необходимость. Многозначительно молчала и смотрела в сторону. Когда необходимая пауза, для пущей важности, была исчерпана, вахтерша продолжила:

- От любви сторел...

Катя подняла брови.

— А какая семья была! И жена — красавица... Двое деток. Дашеньке — девять, Сереженьке — пять. И он... Такой порядочный мужчина... А связался с актрисой, певичкой...

- Какой? Кто она?

— Я сама не видела, но говорят, красивая... Как Тамара Макарова... в этом... в «Каменном цветке». Так же нашего Петра Николаича и околдовала и сгубила... А Наташеньку как жалко... Такая женщина... И деток...

- Так а что с ними стало?

— Говорят, посадили его, — перешла на еле слышный шепот вахтерша, — а может, и расстреляли. Я сама видела, как его увозили. Ой... — вахтерша прикрыла рукой рот.

- Так за что? — пыталась добиться Катя большей ясности.

— За что, нам не сказывали. Знаю, что выселили их. Ушли, бедные, с двумя узлами да чемоданом...

- А актриса? Что с ней стало?

— Говорят, видели ее после того. Как ни в чем не бывало! Что с ней станет? Опять небось жертву себе ищет.

Катя задумалась. Кивнула и медленно спустилась вниз.

- Так мы придем завтра, Катерина Дмитриевна?! — спросила вдогонку вахтерша.

- Приходите, — рассеянно ответила Катя.

Весь день прошел под впечатлением истории о Сомове. Катю поразили две вещи: юношеская безрассудность, с которой Сомов, по рассказам вахтерши, степенный, ответственный мужчина, бросился в океан любовной страсти. И вторая — какой притягательной силой и, наверное, красотой обладала та актриса, что смогла в себя влюбить до беспамятства, поставив на кон и свою, и жизнь Сомова, и жизнь его семьи. Любила ли она Сомова? Катя уже вынесла свой приговор — нет. Она пользовалась им. Инстинкты... инстинкты... Она вспомнила недавний разговор с Ритой об отношении к мужчинам.

Чем больше Катя общалась с Ритой, тем сильнее образ той актрисы она связывала с образом Риты. И думать уже по-другому не могла. Эта была Рита, только она.

5. 14 июня

Время к четырнадцатому июня ползло медленно, как в детстве перед праздником, которого ждешь. В детстве всегда время течет медленно. В детстве и в старости. В начале жизни ты торопишь его — хочется скорее стать взрослым, в конце — скорее прекратить мучения. А в промежутке, когда у тебя есть силы и желания, оно летит, как пущенное с горы колесо, наматывая дни на недели, недели на месяцы, месяцы на годы... Глядь — уже десять лет прошло.

Иван Никитич в честь присвоения генеральского звания позвал своих сослуживцев. Основное мероприятие прошло в управлении, а домой пригласил самых близких товарищей, закрепить, так сказать, служебные отношения неформальными, семейны-

ми. Пригласил с женами. Рассказывал, что женщины они порядочные, с опытом и могли бы многое подсказать, многому научить.

— Ты присмотришь, Катерина, может, подружиться, — назидательно наставлял Иван Никитич, — а то мне твоя актриска не внушает доверия. Незамужняя баба хорошему не научит.

Катя задумалась, в ответ только кивнула. Отчасти прав был Галеев. Знал бы он о ней все, что знает она, скорее всего, устроил бы скандал, запретил бы видаться, а то и еще хуже — против нее, Риты, что лихое бы задумал.

Акулина стряпала с самого утра, а за полчаса до прихода гостей попрощалась и ушла к себе. Как и обещал, Галеев выбил для нее комнату недалеко от Чкаловской, в Теренском переулке, рядом с баней и рынком. Комната была маленькая, но Акулину это не смущало.

Катя сделала прическу, как у Дины Дурбин, то есть как у Риты. А когда надела платье и встала закрывать, из зеркала на нее смотрела почти Рита, конечно, не таким самоуверенным взглядом. Она ярко накрасила губы и подвела стрелки на веках. Образ был завершен.

— Ну что? Все перед зеркалом фиксируешь? Гости скоро придут.

— Я уже, — Катя повернулась к Ивану Никитичу.

Галеев провел взглядом сверху вниз, одобрительно кивнул.

— Ну вот, что-то уже выходит. Только губы вытри. Так только лярвы вокзальные мажутся.

Катя опустила голову и проскользнула в ванную.

Гости начали сходиться к шести вечера. Стол накрыли в зале. Акулина где-то раздобыла поросенка, пожарила, и он был водружен в центр стола, румяный, украшенный зеленью, молодым луком и дольками лимона. Рядом теснились всевозможные холодные закуски: заливной язык, селедочка с колечками лука, буженина с Центрального рынка, квашеная капуста с клюквой, хрустящие огурчики, маринованные лисички, сало с красноватыми прожилками, выложенное веером, небольшие кубики паюсной икры и масла, выложенные шахматкой, сыровяленая колбаса из Покровского спецмага. Из напитков: бутылка армянского коньяка, большой штоф с водкой и пара бутылок вина «Улыбка» и «Южная ночь», так сказать, для дам.

Первыми пришли Кайдановичи. Владимир Иванович, невысокий, широкоплечий, коренастый, толстозадый полковник с пшеничными усами и походкой кавалериста, и его жена Тамара, дамочка под сорок, полногрудая, крутобедрая, очень улыбчивая хохотушка. За ними явились Барсуковы. Павел Алексеевич, подполковник, шуплый, долговязый, с редкими пегими волосенками и водянистыми глазами, не выдающими никакой эмоции. И ему под стать жена Надежда, женщина с кислой физиономией, тонкими, словно лезвием прорезанными, губами, нелепо дорисованными помадой, выщипанными и нарисованными бровями, бесконечно зыркающая по квартире и расстроено вздыхающая.

Когда Катя подумала, что гостей больше не будет, пригласила всех к столу. В этот момент раздался звонок. Она озадаченно посмотрела на Галеева.

— Кто-то еще?

Галеев пожал плечами. Катя пошла открывать. На пороге стоял Доценко с букетом цветов и бутылкой шампанского.

— Не опоздал? — улыбался капитан, нахально ощупывая глазами Катину грудь и губы.

— Нет... проходите, — произнесла она, смутившись от наглого изучения.

— Это вам... — протянул он букет.

— Спасибо, — без особой охоты ответила Катя.

Когда Доценко появился в зале, больше всех оживилась Тамара.

— Николай! А я думаю, кто со мной будет танцевать?! Ха-ха-ха! Ну, слава богу! Катенька, а музыка-то у вас есть?

— Да, что-то есть... — неуверенно ответила она.

— Ну что? — громко спросил Галеев. — Все в сборе, прошу за стол.

Старшие офицеры сели рядом. Доценко примостился между Тамарой и Надеждой. Катя оказалась рядом с женой Барсукова. Катерина все не могла взять в толк, зачем приглашен Доценко? Он был и моложе всех, да и по званию не ровня. Но потом, когда церемониальный протокол, в виде речей за здоровье хозяина и новоиспеченного генерала, был окончен, стало понятно: Доценко позвали поднимать настроение. И он старался. Сыпал остротами, отчасти скабрёзными, льстил Галееву, пил немного, больше подливал Ивану Никитичу и Кайдановичу, ну и Тамару щедро одаривал полным бокалом. Кайданович смеялся громче всех, раскатистым гортанным смехом, которым заражались и остальные, кроме Кати и Барсуковой.

Катя сидела молча, равнодушно выслушивала шутки Доценко и явно скучала. Неожиданно спросила Надежда, сидевшая до этого с похоронным видом и только для вида натягивавшая улыбку в нужное время, когда попадала в поле зрения Галеева:

— А вы поросеночка замачивали?

Катя растерялась.

— Я не знаю... Это Акулина готовила.

— Понятно... — поджала губки Надежда. — А платье вы... на заказ шили?

И как-то искоса оглядела Катерину. Катя опять растерянно ответила:

— Нет, я у подруги взяла...

— Не малó?

— Нет... как раз впору...

— Понятно, — Надежда окинула взглядом зал, люстру, вздохнула. — Богато живете.

Катя чувствовала себя как на экзамене у неприятного и предвзятого экзаменатора. Но односложные и нарочито простые ответы не останавливали Надежду. И у нее оставалось, видимо, еще достаточно вопросов. Катю спасало то, что она хозяйка. Когда уже хотелось ответить грубо, она извинялась и удалялась на кухню за какой-нибудь мелочью. Вопросы были самыми неожиданными, пустячными и меркантильными.

— А вы давно замужем? А деток нет еще или не получается? — не унималась Надежда, и в глазах блеснул какой-то огонек ожидания.

— Нет... совсем недавно, — напряженно ответила Катя.

— Понятно, — огонек ожидания, что, возможно, хотя бы тут не все благополучно, заметно угас. Она сильнее сжала и без того тонкие губы, затем, словно игрок, вспомнивший, что у него еще есть козырная карта, выпалила: — А у нас двое, мальчик и девочка!

Надежда с упоением посмотрела на Катерину, наклонилась к ней, будто собралась сообщить некую тайну: — А живем в коммунальной квартире... А Пал Алексеич в органах почти двадцать лет... И себя не жалеет... А Доценко вон без году неделя, а скоро майора получит...

Катя с заметным раздражением вздохнула.

— Может, вам положить чего-нибудь?

— Нет, спасибо... — расстроилась Барсукова. — Так у вас, значит, и кухарка имеется...

— Да... — протянула Катя почти сквозь зубы.

— Понятно...

Внезапно комнату наполнил громкий и несколько пошловатый смех Тамары. Доценко рассказывал ей на ухо анекдот или какую-то смешную историю. Сначала она

хихикала, блудливо водила глазками, а затем, когда стало особенно смешно, залилась пошлым смехом.

— Ха-ха-ха!!! Ах ты ж, наглец! — она манерно стала бить капитана салфеткой. — Вы слышали этот анекдот?! Ха-ха-ха!

Доценко хитро улыбался, поглядывая на Галеева и Кайдановича. Мужчины сначала не обратили внимания, были увлечены своим разговором. Часто прикладывались к бутылке, и Кайданович чаще всех. Барсуков пил мало, поглядывал на жену, словно получал команду, когда и сколько выпить.

Галеев посмотрел на Тамару.

— Коля, он такой! Ловкий малый! Ты, Тамара, с ним ухо остро держи! Ха-ха! А анекдоты он мастер рассказывать.

Доценко с прищуром взглянул на Галеева, затем перевел взгляд на Катю. Та отвела взгляд, почувствовала себя словно пойманной на подглядывании. Взгляд был неприятный, с умыслом.

— Так что за анекдот-то? — очнулся Кайданович. — Ну-ка, Коля...

— Да вы знаете, товарищ полковник.

— Рассказывай, — Кайданович вяло махнул.

Доценко ухмыльнулся и снова лукаво взглянул на Катерину.

— Муж жену спрашивает: «Дорогая, у нас есть выпить?» — «Нет» — отвечает. «Так я же видел, в чулане бутылка стоит». А она: «Стоит...»

Тамара перебила и вновь закатилась заразительным смехом.

— Ну? — не вытерпел Кайданович.

— А она, значит: «Стоит — пускай стоит, может, я в гости пойду или ко мне придут». Тут ночь настала, жена говорит... — Доценко специально взял паузу, посмотрел на Катю. Она почувствовала его взгляд, но не стала смотреть в его сторону, раздумывая, встать и выйти сейчас, чтобы не дать Доценко совершить задуманное — закончить скабрезный анекдот, или дослушать. А то, что он был таковым, она не сомневалась, судя по смеху Тамары. И повторяет он его не для Кайдановича или Ивана Никитича — для нее и ждет ее реакции...

Тамара беззвучно сотрясалась всем телом, а Надежда натянула дежурную улыбку. Катя подняла серьезный, даже гневный взгляд и увидела в глазах Доценко удовлетворение.

— А он: «Стоит — пускай стоит, может, я в гости пойду или ко мне кто».

Капитан пристально следил за Катиной реакцией, пока она не отвела взгляд.

— Га-га-га!!! — раскатисто загоготал Кайданович.

Галеев ухмыльнулся, взглянул на Катю. Та немного зарделась. Затем перевел взгляд на Доценко. Скривил рот, задумался. Барсуков за компанию хихикнул, но глаза остались такими же пустыми и бесстрастными.

Когда припадок смеха отпустил Тамару, она вдруг пожелала танцевать.

— Катенька, вы говорили, у вас музыка есть?

— Да, сейчас.

Катя встала и подошла к радиоле. Она вытащила пару пластинок — сборников еще довоенных фокстротов и вальсов — и поставила одну из них под иглу.

— Ах! — с ностальгией воскликнула Тамара. — Кайданович! Куда ты дел мою молодость... Николай!

Доценко попытался пригласить на танец Катю.

— Извините, мне нужно убрать, вас Тамара зовет.

— Хотя бы один танец! — попытался взять за руку капитан, но Катя выскользнула и, схватив тарелки, умчалась на кухню. Мужчины ушли курить на балкон. Кайдановича заметно развезло, и он уже говорил растянуто и не слишком разборчиво. Барсукова

продолжала водить глазами по залу и время от времени вздыхала. Доценко кружил Тамару, та томно и кокетливо вскрикивала и заставляла Надежду чаще хлопать глазами. После нескольких танцев капитан смог получить «увольнительную» от Тамары и пришел на кухню.

— Может, вам помощь нужна, я и посуду могу помыть, — вкрадчиво начал Николай.

— Нет, спасибо, я справляюсь.

— Вы как будто на меня обижены. За что, Катерина Дмитриевна?

— Как я могу быть на вас обижена, если я вас не знаю совсем?

Доценко пожал плечами и подошел к Кате вплотную, откровенно разглядывая ее.

— Так узнайте меня ближе...

Красивые голубые глаза смотрели нахально и бесстыдно, а улыбку дополняли две ямочки на щеках. Он взял из ее рук тарелку и поставил на стол, а сам попытался схватить ее за руки. Катя освобождала одну руку, но он опутывал своими руками другую. Губы приближались, и она уже чувствовала его горячее дыхание. В очередной раз Катя освободила руку и уперлась ему в грудь.

— Прекратите! Я скажу мужу!

Эта угроза еще больше раззадорила капитана.

— Не скажешь... генеральша... не скажешь...

Он навис над ней. Удерживать его становилось все труднее, рука слабела, еще мгновение — и он прикоснется к ней своими губами. Она растерялась. Звать на помощь казалось глупо, но и бороться сил уже не было.

— Никола-ай! Ты где?! — послышался голос Тамары. Он отпрянул, повернулся к столу, взял тарелку и как ни в чем не бывало стал ее мыть под краном.

— А! Вот вы где! Николай, «Брызги шампанского»!

— Тамара Петровна! Последняя тарелка...

— Я жду... — Тамара посмотрела на испуганное и раскрасневшееся лицо Кати с подозрением и тревогой самки, которую ожидает неминуемая отставка, и неохотно вышла.

Доценко ухмыльнулся, провел взглядом по Катиной фигуре.

— Я не прощаюсь... генеральша...

Когда Доценко ушел, Катя почувствовала слабость, ноги дрожали, и появилась тошнота. Она несколько раз глубоко вздохнула и села на табурет. В кухню вошел Галеев, посмотрел на Катерину.

— Случилось что?

— Нет... — Катя вскочила, виновато посмотрела на Ивана Никитича.

Галеев недоверчиво разглядывал супругу.

— Что ты, как кошка нашкодившая, глаза прячешь? Спугнул, что ли?

— Нет, — Катя постаралась ответить твердо и, как могла долго, смотрела в глаза Галееву. Иван Никитич не нашел больше никаких признаков обмана или подозрений, улыбнулся, решив перевести свои подозрения в шутку.

— Смотри, Катерина, капитан еще тот котяра, прознаю чего — задущу.

— Не нужно меня, Иван Никитич, подозрениями глупыми оскорблять.

И хотела Катя вначале рассказать все, как есть, назло Доценко, даже и присочинить еще, чтоб поплатился за свою наглость и самоуверенность. А потом глянула на Галеева — не увидела она защитника, скажешь — сама же и виноватой окажешься. Доценко, поди, выкрутится, а тебя потом попрекать будет. Смолчала.

— Ох как! — не ожидал он, что Катерина шутку поймет буквально. — Подозрения глупые... Ладно, пойдем к гостям, сыграешь чего...

Галеев обнял за плечи Катерину и попытался увлечь ее с собой в зал. Она уклонилась, выскользнула и отошла в сторону.

— Не в духе я, Иван Никитич, там пластинки есть, не по себе мне, слабость...

— Ты что? Брезгуешь?! Пошли!

Галеев был уже достаточно пьян, но держался на ногах крепко. Да и пьяным она его никогда раньше не видела, думала, поймет — отстанет. Но Галеева отказ зацепил. Он больно схватил Катю за руку и потащил в зал.

— Отпустите! Иван Никитич! — испуганно вскрикнула Катя, не ожидая такой агрессии.

— Ты, дрянь, думаешь, я не вижу?! Гости мои тебе не нравятся?! Я сказал, будешь играть — значит, будешь!

Он резко толкнул ее в коридор. Катя пробежала, остановилась, кинулась обратно. Галеев опять ее поймал, схватил за подбородок и сдавил челюсть. Она зажмурилась от боли и невыносимой обиды. Никогда ей не было так страшно и больно.

— Сейчас пойдешь и будешь играть... — зловеще прошипел Галеев.

Он разжал пальцы, криво ухмыльнулся, взял ее за руку и повел в зал. В ее глазах застыли слезы. Она опустила голову, чтобы гости не заметили, и прошла к роялю.

— Сейчас Катерина Дмитриевна нам что-нибудь сыграет.

— Ура! — захлопала в ладоши Тамара. — Катенька, а вот эту знаете?

Сияла ночь, в окно врывались гроздьи белые,
Цвела черемуха... о, как цвела она!
Тебя любил, тебе шептал слова несмелые,
Ты в полночь лунную мне сердце отдала...

Тамара пропела грудным томным голосом. Катю трясло, и она ничего не могла ответить. Сильно сжав руки между ног, пыталась унять дрожь. Потом вспомнилась Рита, весь тот ужас, который она рассказала. Постепенно дрожь прошла. Захотелось сделать что-нибудь дерзкое, назло. Первое, что пришло в голову, была фришка — вторая часть Второй венгерской рапсодии Листа. Катя озарилась догадкой, заговорщицки окинула присутствующих, ожидавших с вниманием ее игру. Она выпрямилась и с силой ударила по клавишам. Надежда подпрыгнула от неожиданности. Катя разогнала темп. Все сильнее и сильнее. Хотя дрожь ушла, но скованность осталась. Аккорды получались смазанными, но ее не заботила точность воспроизведения, а только ритм и громкость. Постепенно Лист превратился в какофонию. Галеев решительно подошел и громко захлопнул крышку рояля. Катя вздрогнула, успев отдернуть руки от клавиш.

— Я тебе, дряни, пальцы переломаю, — прошипел на ухо Галеев.

В зале повисла тишина.

— А другую музыку вы не умеете играть? — съехидничала Барсукова.

Дал знать о себе Кайданович. Порычал медведем что-то нечленораздельное. Катя встала из-за рояля и направилась из зала.

— Извините... голова разболелась...

— Понятно... — постановила Надежда.

— Да и нам уже пора, Кайданович совсем осовел. Николай! Вся надежда на тебя!

— Конечно, Тамара Петровна!

Тамара стрельнула глазками и удовлетворенно вздохнула.

— Ну и нам пора, — поднялась Надежда.

Галеев уперся руками в стол, напряженно смотрел перед собой.

— Палсеич, Николай... — он посмотрел на Кайдановича, махнул рукой, налил себе в большой фужер коньяка и залпом выпил.

— Мы пойдем уже, Иван Никитич? — выпрашивая, спросила Барсукова.

Галеев никак не отреагировал, уставился в стол.

— Товарищ генерал, мне полковника Кайдановича доставить нужно, пойдём мы... — Николай подхватил Кайдановича и поволок к выходу.

Гости разошлись. Иван Никитич выпил еще и решил, что оставлять безнаказанно выходку супруги не стоит.

— Катерина! — заорал он на всю квартиру. — Иди сюда! Демонстрацию она устроила... Я тебе сейчас покажу демонстрацию... Катерина! Дрянь...

Он нашел ее в дальней комнате. Она спряталась за шкаф. Галеев еще больше разозлился, выволок ее в коридор.

— Если я тебя, дрянь, зову, раком должна ползти! Ты что демонстрацию мне тут устроила, опозорить меня хочешь?! Генерала Галеева опозорить?!

Он схватил левой рукой за вырез платья и сжал кулак правой руки. Платье слегка треснуло. Катерину сковал ужас.

— Иван Никитич, — дрожащим голосом пролепетала Катя, пытаясь закрыться руками, — давайте завтра... завтра поговорим... Иван Никитич...

— Я... для тебя... Все это для тебя, а ты брезгуешь?! Квартира — вон какая! Живи, радуйся! Платье вон купила. А от тебя ласки не дождешься, зверенышем смотришь!

— Это чужое платье, я у подруги... — всхлипывала Катя и тут же пожалела о своем уточнении. Галеев взбеленился.

— Подруги?! Актриски?! Шлюхи этой?! И ты такой стать хочешь?!

Он с силой рванул за вырез и разорвал платье до пояса, затем развернул Катерину и рванул воротник. Крепкий жаккард разорвался, как тончайший маркетиз.

— А-а-а!!! — закричала Катя и попыталась вырваться, но Галеев с завидной методичностью для пьяного в клочья рвал на ней платье. Она не удержалась на ногах, упала на колени, Галеев схватил за подол и рванул что было силы. Подол не треснул и не оторвался. Катя не успела вскочить, убежать, как Иван Никитич поймал ее за комбинацию и разорвал ее. Когда на ней остались лифчик, трусы и пояс с чулками, остановился, впервые увидев жену в белье. Галеев хотел ее схватить, но она смогла вырваться и закрыться в ванной. Он кинулся за ней, стал орать, колотить в дверь, но та оказалась надежной, и он вскоре охладел.

Только ночью, проплакав в ванной, Катя осмелилась выйти. Осторожно ступая, она заглянула в спальню — кровать была пуста. Затем в кабинет. Галеев лежал на диване, укрытый шинелью, и спокойно храпел.

Она сидела в дальней комнате и плакала, решив, что дождется утра, когда начнут ходить трамваи, и уйдет из дому. Потом немного успокоилась и решила прилечь подождать. Проснулась она внезапно, от внутреннего толчка. Катю обуял страх. Она вскочила. Было около семи утра. Первое желание было собрать вещи и бежать куда глаза глядят. Она услышала какой-то шум на кухне и испугалась, что Галеев проснулся раньше и замысел не удастся.

Пахло сырниками. Это пришла Акулина. Катя пробралась на кухню, с опаской заглянула. Действительно, Акулина стряпала одна. Она обернулась и с какой-то жалостью посмотрела на перепуганное лицо девушки.

— Сильно буянил?

Катерина кивнула.

— Хоть не бил? — она внимательно посмотрела на лицо. — Ну и то хорошо. Ну, что делать... Проспится, ты поласковой будь, я морсу клюквенного сделаю, глядишь, и помягшеет. Он, вообще, отходчивай...

— Поласковой?! — возмутилась Катя.

— А ты как же хотела? Бабье дело мужа слушать да годить во всем. Иван Никитич строг, но справедлив, ежели в чем виноват, так сторицей свою вину загладит, помяни.

Буйный он, когда выпьет-то. Видно, вся боль, какая за жизнь его нелегкую накопилась, выходит. А уж досталось ему...

— А кому не досталось? Всем досталось! Кто воевал, кто голодал! Это не дает никому права так себя безобразно вести!

— Э-э-э, как запела... Права подавай! Вам права-то только дай, вы все обязанности и забудете. Али ты как сыр в масле не живешь? На всем готовом-то!

— Я его на себе не женила. Я могу обойтись и без этого.

— Ты лучше роди быстрее, он и успокоится, а то я смотрю, ты как-то и не стараешься совсем. Ножки сжала, мужику совсем ласки не даешь, может, он от этого и бесится. Смотри, девка, довыкобениваешься, пока он не заведет кого... без ласки-то мужик долго не может.

— Какая я вам девка?! Какое ваше дело?! Что вы все об одном только и думаете?! Жарьте вон себе знайте! И не лезьте в мою жизнь! Своих детей заведите и им указывайте!

Акулина осеклась, поменялась в лице. И Катерина заметила, как дрогнуло что-то в ней, глаза блеснули. Она отвернулась, передником глаз вытерла. Вздохнула.

— А я ребеночка-то завела... хоть и не по своей воле...

Катя смутилась, пожалела, что сказала что-то очень обидное.

— Как это?

— Тятянька мой, царствие ему... обрюхатил. Мне семнадцать было. Мать вожжами отходила да из дому выгнала. А дите... мертвое родилось... — Акулина всхлипнула, — мальчик...

Она подняла голову вверх, замолчала, пытаясь проглотить слезы.

— А потом... не то послед до конца не вышел, не то какую заразу занесли... Какие в деревни условия-то... Ах... В общем, и хотела бы деток, да Бог...

Акулина снова запнулась, будто слезы глотает. А потом неожиданно преобразилась, в глазах блеснул задор. Катя с тревогой заметила перемену.

— А тятяньку-то я встретила... Я уже на службе состояла и гляжу, лицо знакомое. А это — Ерофеева Дуня... из нашей деревни. Она у нас счетоводом была. Не знаю чё и как, посадили за что-то. Так она говорит, тятянька-то мой не унялся... и Глашку, соседскую, и подкараулил... когда та со школы шла. А она — дите, тринадцать годков-то... хорошо, что жива осталась. А потом, сказывала, дело на него завели и отправили в наши края. Оказалось, он в соседнем лагере сидит и срок ему дали, — Акулина скрутила фигу, — с гулькин... нос. Не, думаю, выйдет, паскудник, за старое возьмет. А тут на усиление нас командировали, как раз в тот лагерь. А тятянька там уже с расконвоированными работал. Их на заготовку привезут, а вечером забирают, курорт, да и только. Он-то меня не признал в форме, да и раздалась я.

Акулина замолчала, глаза сузились, словно вдаль всматривалась.

— Отвела я его на дальний участок. Он все еще спрашивал, почему одного-то? А я ему — особое задание. А вечером... Не забрала я его, — она посмотрела на Катерину с таким радостным видом, что Катя отвела взгляд и скривилась, предчувствуя ужасный конец этой истории, — сказала, что все на месте. Мороз тогда под сорок был. Вечером искать не стали... Утром поехали, а он на путях... верст пять до лагеря не добрел... Волки... самое вкусное выели, а остальное уже мы... закопали...

Катерину всю передернуло. Холодом обдало. Поначалу жалко Акулину было, натерпелась она, а как про «тятяньку» рассказала — жутью повеяло. Ведь родного отца... И видно, торжествует она, наслаждается мезтью. Глаза слезами наполнились. И не потому, что жалко стало этого «тятяньку». Себя жалко. Сколько вокруг жестокости, и сил нет выдержать все это.

Акулина посмотрела на Катерину, помрачнела, словно заново пережила. Всплакнула.

— Ну, будя воду лить, — вздохнула Акулина, — нас, баб, не останови, так мы потоп устроим. Ты зла не держи. Иван Никитич-то мужик правильный. Просто ты под горячую руку попала. Ты терпи, и воздастся тебе. Любит он тебя...

Акулина запнулась, потупила взгляд, затем снова медленно подняла, провела по Катерине и утвердительно заключила:

— Любит.

Из кабинета донесся молящий голос Галеева:

— Катерина! Акулина! Есть кто?!

— Ну вот, проснулся, — захопотала кухарка. — Ты морсу, морсу ему понеси...

Катя с ненавистью взглянула на Акулину, стиснула зубы:

— Сама и неси!

Она метнулась в зал, открыла ящик буфета, вытащила какие-то бумаги и нервно стала их перебирать, отыскивая нужные документы. Опять дал знать о себе Иван Никитич.

— Акулина! Катя!

— Ну что ты?! — пришла Акулина в зал.

— Уйду я от него! — решительно заявила Катя, сгребя лишние бумаги обратно в ящик, проскользнула мимо Акулины в коридор и выскочила из квартиры, оставив Акулину в раздумьях и расстройстве.

— Эх, девка, девка... гордая больно... Ну-ну...

Идти к Рите, а кроме нее некуда, было слишком рано. Катя боялась разочароваться еще и здесь. Резкость и непредсказуемость настроения подруги могли разрушить последний бастион надежды. И Катя решила не торопиться. Она бесцельно бродила по улицам, наблюдая за прохожими и размышляя над своей бедой. Так прошло около двух часов.

Рита была дома. Катя с порога расплакалась навзрыд и безутешно, будто только и ждала этого момента, накопив влаги, щедро отдавала ее на плечо Риты.

— Ну, теперь по порядку, — внимательно смотрела на подругу Рита, когда та истратила все слезы и только всхлипывала, растирая их по щекам.

Катя прерывисто вздохнула, намереваясь начать рассказ, но лицо опять искажилось горечью, и она с рыданием опять упала на плечо.

— Он платье... порвал.... Га-га-га...

— Вот гад, — раздосадовано произнесла Рита, — и починить нельзя?

— Не-е-е-ет... в клочья... и... чулки.... — Катя опять залилась слезами.

— Ну и черт с ним. Оно мне не очень нравилось.

Катя оторвалась от плеча и посмотрела на Риту.

— Оно ведь такое красивое...

— Да надоело оно мне, я его продать хотела... Чулки вот жалко, а платье... Ну, а чего случилось-то? Из-за чего все?

Катерина, немного упокоившись от безразличной реакции к судьбе платья, рассказала всю историю про Барсукову и Тамару, про Доценко, Акулину, а когда рассказывала о выходе Галеева, голос внезапно стал металлическим. Слезы уже все были выплаканы. Осталась только звенящая злость, стучавшая в виски, словно молотом по наковальне. Катя вспомнила выражение лица Акулины, когда та рассказывала о своей мести. Вдруг ей показалось, что и она бы могла так. Нет, не отца — Галеева оставить замерзать там, если бы вдруг Галеев оказался ее отцом. Она замолчала и уставилась в одну точку, представляя его в шинели и фуражке, надвинутой на глаза, удаляющимся и скрывающимся за плотной пеленой снежной вьюги.

— Я домой не вернусь, — заявила Катерина, когда мнимая фигура Галеева скрылась в заснеженной пустыне и в памяти остался только взгляд его растерянных и непонимающих глаз.

— Это ты брось. Это взрослая жизнь, девочка, привыкай. От всех не убежишь и себя угробишь, если так на все смотреть. За жизнь бороться нужно. Зубами хватать, если рук нет.

— Я так не хочу...

— Тяжело тебе будет... Ты знаешь что, — подумав, сказала Рита, — ты не думай, что он такой кремень. Видала я таких... С виду суров, а сейчас небось не знает, как заглядывать вину. Самое время его на место поставить.

— Как?!

— Так и скажи, уйду, мол, а угрожать будет, скажи, я тебе спицу в ухо вставлю, как уснешь. Главное — чтоб в глазах решительность была, поняла?!

— Нет, я так не могу, — обреченно вздохнула Катя, — у меня сразу ком к горлу и слезы. А если ударит?

— Не ударит, пусть только попробует!

— Да и спицы у меня нет...

— Это не важно! Он откуда знает? Вот смотри! На меня смотри! Смотреть нужно, чтобы ему горячо было, чтоб ожог был! Чтоб вину свою чувствовал. А ты что? Вот смотри!

Рита изобразила такой ненавистный взгляд, что у Кати пробежал мороз по коже. Катя опустила голову, попыталась представить себе Галеева и взглянула на Риту. Та внимательно разглядывала подругу, следя за выражением лица, блеском глаз. Катя смотрела на красивое лицо Риты, и никак не получалось разглядеть в нем Ивана Никитича. Брови поползли вверх, нижняя губа выпятилась и начала подрагивать.

— Ну кто так смотрит?! — с досадой крикнула Рита. — Глаза овечьи, губищи расквасила... Так только подавание на паперти просить. Зубы сцепи до хруста и всю ненависть глазами передай, всю злость. Понимаешь?!

Катя обмякла, всплеснула руками и шмыгнула носом.

— Нет, ты не Галеев... У меня не получится... Ты хорошая... Ты смелая... Вот мне бы так...

Катя обняла Риту и прикоснулась к ее щеке. Рита тоже нежно обняла девушку и стала гладить по спине.

— Дурочка ты...

— Малахольная... — тихо согласилась Катя.

Стало как-то светло и не так безнадежно. Щемящая жалость к себе растаяла, и возникла нежность к Рите как единственному человеку, который понимает ее. Кате захотелось сильнее прижаться, она стиснула Риту в объятиях.

— Ты что? — удивилась Рита.

Она стала целовать, сначала легко и нежно касаясь губами ее лица. Остановилась и посмотрела на губы Риты. Страсть сорвала все преграды, предрассудки, запреты, табу...

— Дурочка... — в истоме, отдышавшись, прошептала Рита, — совсем сбрендилась...

— Может, я извращенка? Мне так хорошо только с тобой. Я не вернусь домой...

— Ты же не собираешься у меня жить?! Так не положено! С ума сошла?!

— Что же делать? Нам же хорошо вдвоем? — Катя обернулась, но смущалась смотреть Рите в глаза. Рита подошла вплотную, взяла ее за подбородок и заглянула ей в глаза.

— Это все забавы, Катюша, игры. Женщина должна жить с мужчиной. Просто ты еще не нашла его. Но он обязательно будет, и ты обязательно полюбишь.

- Я боюсь, что уже не смогу...
- Глупости ... Возвращайся домой и не бойся ничего.

* * *

Домой Катя вернулась к вечеру. Долго гуляла. Хотелось отвлечься и посмотреть какую-нибудь комедию, но в кинотеатре шел фильм «Смелые люди» с Сергеем Гурзо в главной роли, который, как подтверждение словам Риты «ничего не бойся», придал уверенности и смелости.

Галеев был дома, читал газету. Как только Катя переступила порог дома, все установки и сценарии предстоящего разговора развеялись и оказались бесполезными. Катю сковал страх, и она снова хотела убежать. Она повернулась к двери, но голос Ивана Никитича пригвоздил ее.

- Катя! Катя! — позвал Галеев, но интонация была какая-то необычная, просящая.

Она вспомнила Риту, ее взгляд. «Нужно, чтоб ожог был». Она развернулась и исподлобья посмотрела на Галеева. Он выглядел каким-то растерянным, виноватым, кинулся к ней, но наткнулся на гневный взгляд. Остановился, начал шарить глазами по полу, подбирая слова и стараясь не смотреть на нее. Катя почувствовала его растерянность, которую раньше никогда не замечала. Это придало ей сил, она сжала кулаки и решила, что ни за что не отведет взгляд, пусть даже ударит. Все равно.

- Прости ты меня, дурака пьяного, Катерина. Сам не знаю, что нашло.

— Я, Иван Никитич, такого от вас терпеть не буду. Вы матери поклялись... Я или уйду, или руки на себя наложу, а терпеть не стану.

Катя говорила ровным, немного монотонным голосом, что делало угрозу еще правдоподобней. Галеев хотел приблизиться, взять ее за руку, но Катя выставила ладонь вперед, сигнализируя, что никакие объятия сейчас неуместны. Он повинно опустил голову и проговорил:

- Прости меня... люблю я тебя. Хочу, что семья была, как у людей.
- Как у Кайдановичей?
- А что Кайдановичи? — не понял Иван Никитич. — Семья как семья...
- Вы мне пример советовали брать. С них, что ли?
- А чем не пример?
- Одна чахнет от зависти, другая похотью сочится.

Галеев недовольно замотал головой.

- Не замечал...
- Пойду я, Иван Никитич, прилягу, голова болит...
- Да, да, конечно, — с готовностью согласился Галеев, — если что... может, таблетку какую?
- Нет, спасибо.

И ведь права оказалась Рита — «не кремень». Все эти сегодняшние и вчерашние переживания измотали Катю. Она лежала и думала о Рите, о том, что сегодня произошло между ними. Боролись два чувства: мораль и страсть. Побеждала мораль.

Галеев как-то отошел на второй план. Она даже не заметила своей победы. Будто она была очевидной и не предполагала другого исхода. Всю следующую неделю Иван Никитич был по-особенному учтив, немногословен, впрочем, как всегда, но при былой немногословности Катя почему-то робела, и ей казалось, что она под пристальным вниманием и оценкой. Сейчас же Галеев был непривычно кроток. Акулина вела себя тоже необычно. Она как-то посветлела, и казалось, больше всех удовлетворена исходом ссоры. Катерина не знала, что, прежде чем Галеев признал свою вину, между ним

и Акулиной состоялся разговор. Это она взрыхлила почву, засеяла чувством вины, полила своими слезами, а Катя увидела всходы. Хоть Галеев поначалу и ершился, дурой обзывал, что лезет не в свое дело, но Акулина все же смогла убедить его повиниться, хотя за дерзость такую и сама могла схлопотать.

К слову сказать, у Ивана Никитича самого было муторно на душе — перегнул он. Ох, перегнул. Будто бес вселился, глаза закрыл, в голове помутилось. Не видел, кто перед ним. Обида душила. Когда выпивши, обида всегда обидней, унижение больней. Да и будто не Катерина это была — чужая баба в чужом платье. Ну не без того, можно хорошо приложить, только не в зубы, чтоб не выбить. Для понимания, но потом, когда заматерееет. Как отец учил. Акулину вон охаживал, бывало, так той хоть бы хны, еще ласковой становилась, покладистой. А Катерина еще и бабой не стала, молода слишком. Да и нет у него ни злобы, ни желания, чтоб воспитывать ее, как отец его мать воспитывал. Уж он-то толк в воспитании знал. Не крикнет, голоса не повысит, а четверг пришел — держи ответ за всю неделю. В другой день — нет, никогда. Бывало, мать до бесчувствия бил. Та отлежится после первого кулака, встанет, чуть шатаясь, а отец не торопясь подойдет, посмотрит, куда лучше бить, да как врежет. Жалко было мать, безропотная была, никогда не заплачет, не закричит, а отца любила. А он отца боялся, да так, что в портки ссал. Ему-то только ремнем доставалось, пока четырнадцать не исполнилось. А как исполнилось — все, взрослый и получай по-взрослому. Почти два года эту науку проходил, пока в Дербент с братом не уплыли.

Через неделю Иван Никитич пришел домой с важным и торжественным видом. С порога не проронил ни слова, будто слова берег для чего-то особенного. Катерина была дома. Акулина хлопотала с ужином.

— Кать! — позвал Галеев супругу. — Поди, а!

Катерина вышла из комнаты и с недоверием взглянула на мужа. Иван Никитич был трезв и сиял.

— Ну, поди ближе, не укушу.

Катя подошла. Галеев взял Катину правую руку, что-то вытащил из кармана. Катя испугалась и потянула руку к себе. Галеев вздохнул, снисходительно посмотрел.

— Да не бойся ты. Колечко тебе купил. Впору ли?

Он взял ее ладонь и надел кольцо на безымянный палец. Катя стояла, замерев от неожиданного подарка. Это было узенькое золотое кольцо с небольшим бледно-розовым камнем. Камешек игриво переливался в свете лампочки, а в голове звучал «Танец Феи Драже». И чем громче становилась музыка, тем сильнее к горлу подкатывал ком. Катя смотрела на кольцо, а глаза наполнялись слезами. Она зажмурилась, и слезы покатались по щекам.

— Ну... Ну что ты, дурочка, — Иван Никитич обнял Катерину, прижал к плечу, — перестань.

— Спа-си-бо, — вздрагивая, пытаясь взять себя в руки, тихо прошептала Катя.

— Это еще не все! — выпустил из объятий окрыленный Галеев. Он взял планшет и вынул из него два невзрачных бумажных пакетика с надписью «Dederon», на которых была нарисована улыбающаяся кокетка, фривольно задравшая юбку, выставляя напоказ свои ляжки в чулках. Катя посмотрела и смутилась. Ей стало неловко за эту нарисованную девушку. Она быстро перевернула пакет другой стороной и бросила взгляд на Ивана Никитича.

— Что это?

— Товарищи из Германии привезли. Чулки это, немецкие, — Галеев запнулся, дернул головой, — ущерб вот возмещаю...

Из кухни вышла Акулина, бросила взгляд на подарки, буркнула: «Ужин готов» — и угрюмо побрела назад.

— Акулина! И это еще не все!

Акулина обернулась, удивленно посмотрела на Галеева. С лестничной площадки раздался какой-то шум, стук. Галеев открыл дверь, и на пороге показались четверо солдат, которые тащили какой-то странный белый шкаф с закругленными углами. Катя прижалась к стенке и с удивлением наблюдала за происходящим. «Шкаф» пронесли в кухню, поставили у стены. Акулина, подбоченясь, встала перед «шкафом», с недоверием разглядывала диковинку.

— Это что ж такое?

— Это холодильник, Акулина, полезная штука, смотри.

Галеев потянул за хромированную ручку и открыл дверцу.

— Можно будет впрок продукты покупать. Молоко там, яйца, мясо. И не надо будет каждый день в магазины бегать.

— Эт ты мне, Иван Никитич, жизнь решил облегчить? Чтоб часто глаза не мозолила? Ты б сказал, я бы и так поняла, — вздохнула Акулина и насупилась.

— Вот ты дура! При чем тут это?! Я тебе говорю, чтоб продукты не портились, а ты все не про то! В общем, изучайте, я сейчас.

Галеев вышел. Катя подошла к холодильнику и провела рукой по гладкой белой поверхности, затем по выпуклой хромированной надписи «ЗИС Москва».

— Красивое кольцо, дорогое, — заметила украшение Акулина, — я тебе говорила, сторицей воздаст. Он такой. Даже не знаю, радоваться обновке или огорчаться?

Катя отдернула руку и сжала кулак.

6. Порнограф

Конец июня 1952-го выдался жарким, словно Москва очутилась на месте Средней Азии: было сухо и знойно. Они встретились на Пушкинской площади у фонтана.

Рита была одета в белое полупрозрачное батистовое платье, отделанное тонким изящным ришелье на груди и по воротничку

— Ты без комбинации и лифчика? — удивилась Катя, встретив подругу и озираясь по сторонам, пытаясь поймать заинтересованные взгляды прохожих.

— В такую жару? Я повешусь...

— У тебя грудь просвечивает, — тихо заметила Катерина.

— Ну не у тебя же. Пусть любят, пока есть чем, — Рита дерзко посмотрела по сторонам. Катя тоже повертела головой, словно шпион, опасаящийся слежки.

— Ты сумасшедшая... — произнесла Катя скорее с восхищением, чем с осуждением.

— Еще нет. Давай пойдем куда-нибудь спастись от этой жары. Я уже не могу...

Солнце перевалило за полдень. Людей на площади было немного. Сидело несколько влюбленных воркующих парочек, да покорно прохаживались редкие молодые люди, которым, видимо, было назначено здесь свидание. Катя задумалась, куда бы можно пойти, и не заметила, как Рита сняла босоножки и, перемахнув через гранитный бордюр, оказалась в фонтане. Она подошла к центральному фонтану и подставила грудь. Струя воды вмиг намочила платье, и оно из полупрозрачного вмиг превратилось в прозрачное. Рита взвизгнула и засмеялась. Народ оживился, начал показывать на Риту. Две девушки подбежали к краю фонтана и стали громко отчитывать и стыдить ее. Когда Рита повернулась к ним лицом, они замолчали и убежали. Она стояла, наслаждаясь прохладой, не обращая внимания на зевак.

— Ты что?! — вскрикнула опешившая Катя. Затем испугалась, боясь, что ее тоже сочтут ненормальной, как и ее подругу. Замолчала, густо покраснев.

Не заставил себя ждать милицейский свисток. К краю фонтана подбежали два милиционера в белых кителях и фуражках. Стали махать ей руками, приказывая выйти,

а Рита только смеялась и брызгала на них водой. Катя стояла в оцепенении, не понимая, что делать. Она подняла босоножки и сумку Риты и побрела к милиционерам. Те долго не решались прыгать в фонтан, но затем младший по званию залез и погнался за Ритой. Она обежала центральную чашу и брызнула водой в милиционера. По-видимому, его это еще больше разозлило, и он, уже не боясь промокнуть, рванул за ней. Рита сдалась быстро. Пыхтя от злости, он вытащил ее из фонтана и передал в руки сухому милиционеру. Рита смеялась. «Сухой» снял фуражку и, прикрывая грудь Риты, повел ее в сторону. «Мокрый» вылез, вылил из сапог воду и, кое-как выкрутив портянки и намотав их снова, поплелся за «сухим». Катерина пошла за ними следом. Зеваки провожали ее недоуменными взглядами, будто это у нее просвечивала грудь. Катя несколько раз затравленно обернулась и ускорила шаг.

Рита шла с гордо поднятой головой и отпускала шутки. Милиционеры угрюмо молчали. Катя шла на расстоянии, не представляя, как помочь и что делать, только несла босоножки и сумку Риты. Так они дошли до участка.

— Вот, товарищ капитан, нарушала общественный порядок, — доложил «сухой» участковому.

Капитан, немолодой, уставший от жары и службы лысеющий мужчина, боролся со склоняющейся в сон головой. Вздрыгнул, посмотрел на вошедших. Рита, не дожидаясь полного пробуждения капитана, прошла за решетчатую загородку, отделявшую стол и небольшое возвышение, и села на скамейку у стены.

— Товарищ капитан! Я слышала, что в таких заведениях арестованных угощают папирсой. Угостите даму, пожалуйста!

Капитан, не понимая, хлопал глазами.

— Что она сделала? — спросил капитан, проигнорировав просьбу Риты. Он только сейчас начал приходить в сознание, размякнув от жары и плохо соображая, зачем притащили эту даму.

— В фонтане купалась, товарищ капитан...

— Товарищ капитан! — в помещении появилась Катя. — Ей плохо было, она могла получить солнечный удар, поэтому...

— А вы кто, гражданка?

— Я подруга!

— Так идите и гуляйте, дайте разобраться! Вы что, гражданка, — обратился он к Рите, — не могли найти другого места? В ванну дома ныряйте хоть в шубе, хоть без ничего. Но это же общественный фонтан!

— Тут еще, товарищ капитан, — «сухой» наклонился к уху капитана и что-то прошептал. Капитан вздрогнул и уже проснулся окончательно. Заметив просвечивающие соски Риты, оторопел и с озабоченным видом закачал головой.

— Ну это вообще... Что же вы себе позволяете?! В таком виде?! Ни стыда, ни совести! — гневно начал капитан, пытаясь смотреть Рите в глаза, но взгляд коварно сползал ниже. Устав бороться, опустил голову и продолжил уже, будто разговаривая со столом: — Там же дети, иностранцы могли быть. А вы в таком неглиже! Срам! Вот врезать бы вам пятнадцать суток!

— Не было там детей, товарищ капитан, и иностранцев не было, — спокойно ответила Рита, — если бы были дети, а тем более иностранцы... Разве бы я посмела.

Если Катя взволнованно и растерянно блуждала глазами, пытаясь придумать какую-нибудь уважительную причину, то Рита сидела совершенно спокойно, даже демонстративно спокойно. Она словно находилась на репетиции какой-то сценки из оперетты, где финал предсказуем, и через некоторое время репетиция закончится, и всех отпустят.

— Да! Не было там детей, товарищ капитан! — вмешалась Катя. — Просто стало душно! Жарко же!

Капитан стал отдуваться, словно ему напомнили о жаре, потянул стойку кителя, запуская туда воздух, метнув еще раз взгляд на бюст Риты, задумался. Катя, заметив заминку, решила продолжить наступление:

— А вы знаете, кто она?!

Капитан сосредоточился.

— Кто?

— Артистка Панова! Не слышали?!

Он помотал головой.

— У нее сегодня спектакль! Представляете, если бы у нее случился солнечный удар?! Спектакль пришлось бы отменить, сотни зрителей не увидели бы представления! Вы представляете?!

Капитан задумался, видимо представлял, как расстраиваются зрители, и мимика его показывала, что он еще чуть-чуть пожурит и отпустит, но тут он вдруг спросил у Кати:

— А вы тоже артистка?

Катя приподняла подбородок и гордо заявила:

— Я жена генерала Галеева!

Капитан внезапно сморщился, словно долгожданное блюдо издавало неприятный запах.

— Кто? Ты? Так, все с вами понятно, граждане. Оформляем. На производство сообщим, в трудовой коллектив...

Рита начала хохотать.

— Ха-ха-ха!!! На производство! Ха-ха-ха! На производство песен и плясок! Ха-ха-ха!

Она так заразительно смеялась, что несколько раз хмыкнула и разволновавшаяся Катерина. Капитан не понял шутки и посмотрел на «сухого», затем на Риту.

— Смешно, значит? Хорошо...

Рита перестала смеяться и стала серьезной.

— А девушка правду говорит. Вы думаете, все генеральши — старые гримзы? И про спектакль... Товарищ Булганин обещал посетить...

Капитан еще раз взглянул на Катерину, мысленно сличил ее образ со своим представлением о генеральшах. Недоверчиво посмотрел на Риту «сползающим» взглядом.

— Да, да, товарищ капитан... — Рита уловила сомнения капитана. — А хотите, я спою?!

Рита встала, развернула плечи, демонстративно выпятив грудь, вытянула одну руку вперед, пристально и вожделенно глядя капитану в глаза, и начала петь Выходную арию Сильвы Кальмана:

Хэ-я, о хэ-я!

Там в горах, в алмазном блеске снегов,

Хэ-я, о хэ-я,

Я росла цветком альпийских лугов.

Там небес голубой шатер,

Там венчает лед вершины гор.

Хэ-я, о хэ-я!

Но огнем сверкает взор!..

Затем, подкрадываясь к капитану, задорно подмигнув ему, взяла подол платья в руку и, пританцовывая, продолжила:

Там любовь для развлечения девушкам чужда.
 Если в сердце нет волнения, мы не скажем: «Да».
 Как простор безбрежный моря, наше чувство широко,
 Счастье в нем найдешь и горе, мы верны ему, не скрою,
 Только с милым... в сердце нам легко...

Рита заканчивала нарочито чувственно, театрально протянув к капитану руки. Капитан прижался к спинке стула и обливался потом. Катя, замороженно наблюдая за представлением, вдруг спохватилась, вспомнив, что у нее в руках босоножки Риты, а она танцует босиком. Она забежала на подиум, за загородку и поставила босоножки на пол перед Ритой. «Сильва» напряженно ждала реакции капитана. Тот неопределенно сопел и водил взглядом по столу, опасаясь смотреть выше.

— Ну так что? — твердо потребовала Рита немедленного решения. — Так и будем сопеть?!

Капитан был в замешательстве. Отпустить вроде как нельзя. Но и удерживать столь экзальтированную дамочку сил явно не хватало.

— Как же вы в таком виде... — робко протянул капитан руку в сторону Риты, пытаясь не смотреть на нее.

— А что? Я почти высохла.

Рита пощупала свою грудь. Капитан дернул головой и неуверенно махнул рукой.

— И... Идите... Идите с глаз...

Девушки, смеясь, вышли из участка.

— Ну ты... Ты такая смелая! А если бы забрали? — восхищалась Катя.

— Спасибо тебе... что не бросила.

История с купанием вернула Катю к вопросу: а она бы смогла так? Он навязчиво и неотступно требовал ответа. Как проверить себя? Как доказать, что она тоже смелая?

— Рита! — остановилась Катя. — Я тоже хочу быть такой же смелой, независимой. Давай пойдем к Содомскому!

Рита с недоверием посмотрела.

— Ты не понимаешь, я решила...

Содомский открыл не сразу. Сначала приоткрылась щелка для почты на двери, потом щелкнул замок.

— Быстро! — прошипел он.

Он впустил девушек, захлопнул дверь, а сам стал заглядывать в почтовую щелку.

— Содомский, — начала подшучивать Рита над его подозрительностью, — «хвоста» нет! Пароль я забыла. Мы только что из милиции.

— Ты издеваешься?! — испуганно шикнул фотограф, — Ты беспечна, ты забыла, из-за какого пустяка сел Глеб?

Рита осеклась.

— Зачем ты привела ее? Она что, все знает?!

Илья Садовский, который с легкой руки Глеба стал Содомским, был мужчина — сорок с небольшим. Сухощавый, невротического типа, с параноидальной манией преследования и неминуемого задержания. Но жить как простой советский человек у него не получалось или не хотелось. Можно было бы прекратить мучения — просто устроиться на обычную работу, ну хотя бы в фотоателье, жениться и жить спокойно на простую советскую зарплату, с обычными советскими страстями. Но Содомский, вопреки естественному инстинкту самосохранения, делал все, чтобы довести себя либо до лагеря, либо до сумасшедшего дома. Он был тунеядцем, то есть ни один отдел кадров ни Москвы, ни СССР не держал в руках его трудовую книжку, хотя и был трудо-

голиком. У него была странная привязанность к мальчикам пубертатного возраста, за что светила ясная и однозначная, как светлый путь к коммунизму, статья за мужеложство с отягчающей формулировкой — совращение малолетних. Если раньше он перебивался случайными заработками: увеличением фотографий близких сердцу родственников, их ретушированием, фотографированием коллективных мероприятий, с коллективными же фото, не отказывался от халтурки, которую подкидывали собратья по ремеслу, то с некоторого времени он нашел себе новое занятие, новую затею, как и все его предыдущие, имеющую неразрывную связь с Уголовным кодексом. Теперь Илья ко всем прочим статьям боялся схлопотать пять лет по сто восемьдесят второй — «изготовление, распространение и хранение порнографических материалов». Чем больше он находил себе «занятий по душе», тем заметней росло количество статей УК, которые ему светили.

— Да не трясись ты! — попыталась зафиксировать его внимание Рита. — Она свой человек.

— Зачем вы пришли? Тебе нужны деньги?

Взгляд Илья постоянно блуждал, говорил он отрывисто и постоянно прислушивался.

— Нет, деньги мне пока не нужны. Вот... Катя хочет, чтобы ты ее снял.

При этих словах у Катерины появилась дрожь в ногах, но она уговаривала себя, что это глупости и предрассудки, и пыталась успокоиться.

— Что?! — взъерошился Содомский. — Кто? Она? Ты с ума сошла!

— Да ты посмотри, глаза твои оловянные, ты посмотри! — Рита начала нахваливать и вертеть Катю, демонстрируя ее лучшие места, как продавец кобылы на рынке. — У тебя никогда не было такой натуре, Содомский!

Фотограф успокоился, задумчиво стал присматриваться, о чем-то размышляя.

— Нет... не подойдет... — замотал он головой.

— Содомский...

— Нет, нет... я...

— Я подойду! — неожиданно и решительно заявила Катя.

Рита удивленно дернула головой.

Илья наклонил голову, присматриваясь.

— Ну ладно... Только быстро...

Содомский затряс руками и пошел в комнату. Жил он один. Квартира была запущенна и превращена в фотолабораторию. Пахло реактивами и фотопленкой. Окна были наглухо завешены плотной, непроницаемой фланелью, на столе стоял большой фотоувеличитель, а вокруг беспорядочно валялись различные приспособления: ванночки, фильтры, обрезки бумаги, пленки. Поперек комнаты были протянуты веревки, на которых сушились какие-то фотографии. У противоположной от окна стены было оборудовано место для съемки. По бокам стояли два штатива, в которых торчали зонты. Катя осторожно прошла, изумленно разглядывая жилище фотографа.

— Ну ладно, я пойду, а вы... — Рита махнула рукой и направилась к выходу.

Катя вдруг спохватилась, кинулась к Рите.

— Не уходи! Не бросай меня! — хватая за руки, умоляла Катя.

— Да что ты... Вот же дурочка малахольная, ты же сама... Ну хорошо, я на кухню пойду, покурю.

— Нет! Побудь здесь!

— Сумасшедшая... Ну хорошо... — согласилась Рита.

Содомский вытащил треногу, поставил посредине комнаты, начал возиться с фотоаппаратом.

— Раздевайся, — безразличным голосом доктора бросил он, не глядя на Катерину.

Катя вздрогнула, посмотрела на Риту, закусила верхнюю губу и начала теревить пуговку на платье.

— Раздевайся! — прикрикнул Илья, заметив, что Катя не торопится.

— Ну, Катюш... — развела руками Рита.

Катерина вздохнула и быстро сняла платье и комбинацию, оставшись в трусах и лифчике. Несмотря на жару и духоту, тело покрылось мурашками. Она прижала руки к груди и продолжала стоять.

— Ну?! — нетерпеливо вскрикнул Содомский. — Я так не могу! Зачем ты только привела ее?!

— Катя, одевайся, пошли... — спокойно и добродушно сказала Рита.

Стало отчего-то обидно, жалко себя, что точно — дурочка малахольная, хотела что-то доказать, а получилось еще хуже. Накатили слезы, и захотелось разреветься, да еще этот спокойный голос Риты как окончательный приговор собственной беспомощности, непутевости, трусости. Катя проглотила слезы.

— Я сейчас!

Она решительно сняла лифчик и трусы, немного зацепившись ногой и едва удержав равновесие, встала у стены, закрыв глаза, в ожидании дальнейших распоряжений. Когда включился свет, Катя вздрогнула и, шурясь, обнаружила, что зонты закрывали два прожектора, ярко светившие в глаза. От них исходило приятное тепло, и было ощущение, что она загорает на солнце, на том неласковом саранском солнце, когда выпадали редкие теплые дни. Она немного успокоилась, напряжение ушло. Из-за яркого света она не видела ни Содомского, ни Риту. Там были мрак, темнота и ощущение, будто она одна. Так она простояла около минуты, не видя, что происходит по ту сторону света. Тем временем Содомского постепенно увлекала съемка. Он присматривался к натуре, отходил, подходил ближе, приседал, складывал руки на груди, задумчиво смотрел в сторону.

Он приказывал распустить волосы, принимать разнообразные позы, поднимать руки. Постепенно выкрики Содомского становились не такими истеричными. Катя почувствовала, что угадывает желания фотографа, и от этого появлялись уверенность и какой-то азарт, словно это был танец с внезапными остановками. В голове звучали «Половецкие пляски» из оперы Бородина. Внезапно голос Содомского оборвал музыку.

— Все! Хватит!

Катя замерла и не поняла, что дальше делать.

— Одевайся! — пренебрежительно и грубо выкрикнул Содомский. Свет погас. Катя медленно и нерешительно начала одеваться. Внезапно появились горечь обиды и чувство, что ею только что попользовались и теперь выгоняют. Она схватила в охапку одежду и выбежала из комнаты. Рита кинулась за ней. Катя, всхлипывая, судорожно начала одеваться.

— Что ты как ошпаренная? Что не так?

— Пошли отсюда!

На улице Катя почти бежала. Рита еле попевала за ней.

— Куда ты летишь?! Я не могу так быстро, я на каблуках!

Катя резко остановилась.

— Какая я дура! Зачем я тебя не послушала!

— Дурочка... Мне показалось, все было хорошо... Ты вообще молодцом, и, думаю, фотографии выйдут что надо. Если ты хотела пройти экзамен, то, я считаю, ты его сдала на «отлично».

7. Доценко

Катя сидела дома одна. Галеев уехал в командировку. Акулина приходила редко, и Катя наслаждалась свободой и одиночеством. Неожиданно в двери что-то неуверенно поскреблось, шелкнул замок, и дверь отворилась. Катя отложила книгу и прислушалась. Ей показалось это странным. Акулина обычно ловко открывала дверь, а когда придет Иван Никитич — он не сообщал. Послышался странный шум из коридора. Катя привстала.

— Эй! Хозяйка! Есть кто?! — послышался голос Доценко.

Катя вышла из комнаты и с изумлением увидела Ивана Никитича, еле державшегося на ногах, и капитана, удерживающего генерала, задорно и весело подмигивающего Катерине.

— Принимай супруга, Катерина Дмитриевна! Куда его?

Катя растерялась.

— Давайте... в кабинет.

Она подхватила Галеева с другой стороны, они потащили его в кабинет и посадили на диван. Катя заботливо сняла с него китель и ботинки. Галеев пробормотал что-то пьяное и свалился на бок. Она закинула ноги и укрыла его любимой шинелью.

— Не рассчитал немного Иван Никитич, не рассчитал...

Доценко расправил плечи, поправил прическу, китель и стал наблюдать за Катей. Она оглянулась и встретилась с ним взглядом.

— Спасибо, — сухо поблагодарила Катя, — пойдете, я закрою за вами дверь.

Она пошла к двери, но Доценко встал у нее на пути и схватил вначале за руки, затем за попу и начал подталкивать ее к столу, медленно поднимая платье.

— А ты, стало быть, одна... скучаешь...

— Прекратите! Прекратите! — испуганно закричала Катерина, не ожидавшая такой внезапной атаки Доценко.

Она начала лупить кулаками капитана в грудь. Тот, не отводя взгляда, поймал своей рукой две ее руки и схватил за грудь. Катя вскрикнула, вырвала одну руку и звонко влепила пощечину. Капитан засмеялся — это его еще больше раззадорило.

— Прекратите! — задыхалась она от гнева и беспомощности.

— Ну что ты, генеральша, ломаешься, вон мадам Кайданович, Тамара Петровна, та только при пьяном муже и сношается.

— Отпусти! Сволочь!

Доценко приподнял ее и посадил на стол, пытаясь поцеловать, стал нависать над ней и наклонять на спину. Неожиданно рука Кати коснулась чего-то холодного. Краем глаза она заметила небольшой бронзовый бюст Сталина, стоявший на столе. В голове все закружилось, замелькали воспоминания. Стол, бюст Сталина, «лейтенантик», Рита. Она схватила бюст, левой рукой уперлась в грудь Доценко. Замахнулась... Но тут Доценко вдруг резко отлетел назад, будто кто тащил его сзади.

— Ах ты ж, паскудник!

Это была Акулина, она с силой рванула капитала сзади за стойку кителя. Он захрипел и, едва удержавшись на ногах, схватился за горло и отшатнулся.

— А ну! — Акулина замахнулась на Доценко. Тот пригнулся и убежал.

Акулина тяжело взглянула на Катю. Та держала бюст Сталина, тяжело дышала и безумно смотрела на кухарку.

— Иосифа Виссарионыча-то поставь! — выхватила Акулина тяжелую голову из рук Кати и аккуратно поставила на стол. — Ах паскудник... да и ты хороша... при Иване-то Никитиче...

— Что?! — задохнулась от обиды Катя.

— А то... А ты повода не давай! А то губы-то намазюкают, сиськи выше носа в кучку сложат, попу обтянут, а потом «караул!» кричат, «насилуют!».

Катя ошарашенно посмотрела на Акулину, затем на бюст, и вдруг ее пронзила страшная мысль: «Что если там, в Явасе... тот случай с Ритой... Что если это были Доценко и Иван Никитич? Ведь он служил где-то там». Она сползла со стола и сначала медленно, а затем быстрее и быстрее помчалась в комнату, судорожно переоделась и вылетела на улицу.

«Рита... нужно ей все рассказать».

Страшная догадка разрывала ей мозг.

«Лейтенантик... лейтенантик... уйди, ведьма... трюсы... глазки сальные...» — навязчиво вертелось в голове, и Катя всю историю с Ритой представила как наяву, только на месте Риты была она, а «лейтенантиком» был Доценко. Как она раньше не догадалась?

Она помчалась к Рите домой. Дома ее не было. Не было и в театре. Совсем отчаявшись, Катя побрела домой. Она прошла по Горького до Пушкинской, и тут ее окликнули. Это была Лова. Катерина кинулась к ней в надежде узнать, не встречала ли она Риту.

— Да она сейчас подойдет, — сообщила Лова, — а что ты такая расстроенная, что-то случилось?

Катя помотала головой. Ей не хотелось посвящать Лову в свои тайны.

— Ты?! — неожиданно послышался голос Риты. — Что ты тут делаешь? Что случилось?

— Да... Нет... мне нужно... поговорить... рассказать... — пыталась сбивчиво объяснить Катя. Она схватила Риту за плечи и стала трясти, — скажи, у него были ямочки?

— Да что с тобой?! Какие ямочки?! Ты меня сейчас растрясешь! А ну возьми себя в руки! — Рита больно шлепнула ее по руке и строго посмотрела в глаза.

— Ты рассказывала, когда была в... — перевела дух Катя, — в Явасе, тот случай. Тот лейтенантик... какой он был из себя? У него были ямочки на щеках, когда улыбается? Высокий, крепкий... блондин голубоглазый, красавчик, в общем?

— Да нет... обычный, плюгавенький, чубчик набок прилизан, темный он был... Гаденько так улыбался. Да что случилось?

— Точно? — внимательно смотрела Катя.

— Да, как тебя видела и запомнила на всю жизнь.

— А... подполковник? Затылок такой, бритый, «Шипром» сильно воняет. Не очень высокий, глаза бледные... сверлящие...

— Вот подполковника не запомнила. Может, если бы встретила... он больше сзади был... Да и затылки у них все бритые, и «Шипром» за версту разит! Зачем тебе это?

Катя коротко рассказала о происшествии.

— Вот кобелина... Я бы таких в утробе кастрировала, а то еще акушерку изнасилует... Выбрось ты... Не он это был... А ты мужу расскажи.

Катя задумчиво помотала головой.

— Не знаю... Боюсь... Начнет кричать, еще меня обвинит.

— Это у них быстро...

Девушки попрощались.

* * *

Иван Никитич неторопливо, прихлебывая нарочито громко, ел горячие щи. С загадочным прищуром поглядывал на Катерину. Та сидела напряженно, молча, уставившись в тарелку, и медленно помешивала ложкой. Это был редкий за последнее время

их общий обед. В будние дни обычно Иван Никитич обедал в управлении, а в выходной долго спал и обедал поздно. Катерину устраивал такой распорядок. Она не любила совместные застолья. Иван Никитич, с присущим ему натурализмом, ел по-простонародному — не заботясь об этикете и не обращая внимания на приличия.

Но сегодня был особенный день. Галеев встал раньше обычного. Задумчиво и молча ходил по квартире, чем создавал напряженную и нервную атмосферу. Когда Акулина позвала обедать, Галеев лично пригласил Катерину за стол. Обедали в зале. Катю с утра подташнивало, и она сначала отказалась обедать, но Иван Никитич настоял, чтобы она обязательно села с ним за стол. Эта настойчивость и церемонность мероприятия несколько пугали ее. Она не хотела рассказывать ему про случай с Доценко и боялась, что о нем рассказала Акулина.

— Ну как поживаешь, Катерина? — спросил Галеев после долгой паузы и половины съеденных щей.

Катя почувствовала какой-то подвох в вопросе, напряглась и подняла взгляд на мужа.

— Как обычно, Иван Никитич...

— Как обычно... — закивал Галеев. — И ничего не происходит?

— А что должно происходить, Иван Никитич? — сделала недоуменное лицо Катя.

Галеев пристально посмотрел на супругу, ухмыльнулся, словно увидел подтверждение своих догадок, замотал головой и еще сильнее, демонстративней стал сёрбовать щи. Тошнота стала усиливаться. Катя отставила тарелку и прижала руку к груди.

— Я... пойду... Иван Никитич, что-то дурно...

В зал вошла Акулина, сопя от нетерпения.

— Ну что ты молчишь!? — не выдержала она. — Иван Никитич не враг какой, разберется!

Катя посмотрела на Акулину и поняла, что инцидент с Доценко известен супругу.

— Акулина! — одернул Галеев. — Не надо! Пусть сама расскажет. А мы послушаем.

Акулина поджала губы, поставила на стол тарелку и с суровым видом встала за Галеевым по правую руку.

— Что вам рассказать?! — дерзко начала Катя. — Что ваш подчиненный домогался меня?! Так у него и спросите! Зачем мне устраивать допрос?! Вы меня этим только оскорбляете!

Катя встала и хотела выйти.

— Сядь! — прикрикнул Галеев. Катя вздрогнула и села на место. — Мы не виделись неделю, а тебе нечего рассказать? Я смотрю, гонора набралась, оперилась... Муж в командировке, можно и в блуд? Я-то с него спрошу, а вот как ты себя ведешь? Смотрю, тряпки новые, чулочки... Актриска все наущает? Я сказал тебе, не води ты с ней дружбу. Только разврату научит! Вот и дождался...

— Как вы смеете?! — вскочила Катя.

Галеев резко и сильно стукнул кулаком по столу. Катя вздрогнула и опустилась на стул.

— Смею! Смею... — повторил он более спокойно, — смею. Я же, Катерина, немного-то просил. Доверял тебе, а ты? Шляешься непонятно где, с кем...

Катя вздрогнула и виновато потупила взгляд.

— Ну, расскажи... Давно он похаживает?

— Зачем вы так, Иван Никитич, я повода не давала так о себе думать. И почему вы о таких вещах... при посторонних спрашиваете, — Катя кивнула на Акулину.

Галеев обернулся, посмотрел. Акулина хотела выйти, но он удержал ее за руку.

— А у меня от нее секретов нет. К тому же видела она все. Ты же не стеснялась перед ней с Доценко задом крутить?

— Я не давала ему никакого повода!

— Как же... кобель не вскочит, пока сучка не захочет...

Катя вначале хотела опять возразить, бросила гневный взгляд на Галеева. Слова от обиды застряли в горле. Тем временем Галеев достал из тарелки большой кусок мяса с костью и, причмокивая, не обращая внимания на Катерину, методично начал ее обгладывать, а потом стал со свистом высасывать из костный мозг. Катя скривилась. Резко подступила тошнота. Катя закрыла рукой рот, вскочила и выбежала из зала.

— Сидеть! — гаркнул Галеев и вскочил было, кинулся за ней, но Акулина преградила путь.

— Не сердчай, Иван Никитич! Оставь ты ее! Может, стельная она...

— Что?! Ты еще чего тут указывать будешь, дура?!

— Не сердчай... Говорю, может, забеременела. Я гляжу, бледная ходит, не ест вон, — Акулина взяла Катину тарелку и вылила назад в супницу, — воротит ее... Верный признак.

Акулина загадочно подняла палец вверх. Галеев гневно поводит по полу глазами, опустил на стул, снял со штофа пробку и налил себе водки.

— Так это... другое дело... Думаешь, от меня?

— Господь с тобой, Иван Никитич, от кого же еще? Она, может, и глупости какие по наивности своей и сделает, но не порченная она, я же вижу. Актриска та — да. Та на нее влияние имеет. Ее бы отвадить... А вот помощничек-то твой хлыщ тот еще.

— Да знаю я, знаю. Ну, я ему устрою... мероприятие...

На следующий день тошнота не унялась. Беременность пугала. Катя была в отчаянии. Официально сделать аборт она не могла. Не было оснований. Она не была изнасилована, не болела тяжелыми наследственными болезнями, и это не угрожало ее жизни. Поэтому отечественная гинекология, руководствуясь указом от 1936 года, который предусматривал хоть и не суровое, но наказание — от штрафа в пятьсот рублей до двух лет тюрьмы, поздравила бы ее и отправила вынашивать домой. А кроме того, это могло стать известно Ивану Никитичу, потому как пришлось бы идти в ведомственную поликлинику, и тогда головы не сносить. Это пугало еще больше.

Риту она нашла в театре. Розалия Соломоновна учтиво пропустила и даже слегка улыбнулась. Рита выслушала спокойно. Кате показалось, даже равнодушно.

— Есть у меня один «абортмахер»... Только не поведу я тебя...

— Почему? — с обидой спросила Катя.

— Потому что ты — дурочка малахольная. Ты же от мужа забеременела? Ну? Так чего же ты? Я понимаю, когда от залетного молодца... Ты замуж выходила, не знала, что дети будут?

— Знала...

Катя опустила голову, скривилась и всхлипнула. Плечи начали вздрагивать, и она, закрывшись руками, зарыдала.

— Ну, так что же ты, дурочка? Рожай тогда!

Рита обняла ее за плечи. Катя разрыдалась еще сильнее.

— Не хочу-у-у... — вздрагивая, сквозь слезы проговорила Катя.

— Вот те на! Да хватит сырость разводиться, вон платье мне намочила!

Катя посмотрела на мокрое пятно на груди Риты и стала растирать слезы по щекам.

— Я думала... образуется все, и я привыкну, притремся, убеждала себя... А не могу я... Как увижу его, так убежать хочется...

— Ишь, расхорохорилась... Ну, а супруг-то что? Знает о беременности?

— Ты что?! Нет, конечно!

— А какой срок-то?

— Не знаю...

- Вот же... — Рита замотала головой. — Ну хорошо, не пришла любовь к твоему Галееву, но так бы родила, для себя?
- Зачем? — удивилась Катя.
- Ребенок ведь — твоя кровинка.
- Рита с тоской посмотрела в сторону. Катя заметила и задумалась.
- Нет, это и его кровинка. И будет мне о нем постоянно напоминать.
- Так ты развестись собралась?
- Катя растерянно посмотрела, пожала плечами.
- Я не знаю... Я боюсь. И дальше жить не могу. Рит, — вдруг по лицу Кати промелькнула озабоченность, — а ты была беременной?
- Была, — коротко ответила подруга и отвела глаза, показывая, что вопрос ей неприятен. — После... того... в Явасе, забеременела... Вот тогда и начала искать, к кому пойти. Нашла санитарку, в больнице работает... Она мне и залила...
- Что залила? — изумленно хлопая ресницами, спросила Катя.
- Спирт чистый! Выжгла все, к чертям собачьим...
- Так и мне, может?...
- Дурочка ты! Я пять лет не беременею. Я хотела... Глеб придет, я ребенка от него рожу. А сейчас и не знаю... смогу ли. Ты моих ошибок-то не повторяй, дурище! Подумай сто раз!
- Я подумала, Рита!
- Успокойся и подумай. В конце концов, что страшнее: когда Галеев узнает, что ты сделала аборт, или ходить беременной, а он будет пылинки с тебя сдувать?

* * *

Выяснить отношения с Доценко Иван Никитич решил обстоятельно. Он не хотел выглядеть глупым, истеричным рогагономцем и накинуться на обидчика при первом же его появлении на службе. Ему хотелось мести обдуманной, выдержанной, несуетливой. Он некоторое время наблюдал за Доценко. Было заметно, что капитан нервничает, но Галеев виду не подавал — был ровным и спокойным. Когда все сроки прошли, Николай попытался прощупать ситуацию. Он допускал, что Катерина, будь она тогда одна, могла бы и не сказать про инцидент, но Акулина... Неужели обе смолчали? Ничего не рассказали? Капитан даже повеселел, уверовав, что Галеев ничего не знает.

— Я вам еще нужен, товарищ генерал? — робко спросил Доценко, когда заглянул в кабинет.

Галеев ухмыльнулся и буднично мотнул головой:

— Да... нет. Свободен.

Доценко облегченно вздохнул, поняв, что беда миновала, и уже закрывал дверь, когда Галеев окликнул его.

— Хотя... Николай, а составь мне компанию!

— С превеликим удовольствием, товарищ генерал! — обрадовался Доценко, что Галееву не доложили, пронесло.

— Садись, Коля, садись...

Иван Никитич достал из тумбочки бутылку коньяка и два стакана, обошел стол и присел на край перед Доценко, налил полстакана и протянул капитану.

— За что пьем, товарищ генерал?

— За что? — задумался Галеев, — А давай за тебя, Николай! Ну, за тебя...

— Ну что вы, товарищ генерал, — заскромничал Доценко, — да кто я...

— Ты мой самый лучший помощник. Что б я без тебя делал? Везде успеваешь. Ну, пей.

Мужчины выпили, скривились. Галеев достал папиросу, постучал по пачке, замял гильзу, закурил. Задумчиво выпустил облако дыма.

— Пора тебе на повышение, а я не знаю, как мне без тебя. Пришлют какого-нибудь болвана. Кто тогда меня с Катериной подменит, а?!

Доценко вздрогнул, испуганно посмотрел на Галеева.

— О чем вы... товарищ генерал? — попытался привстать капитан.

Галеев смотрел сверху жестким, неприятным взглядом, затем, как только капитан приподнялся на нужную высоту, резко и сильно ударил кулаком в челюсть. Капитан ахнул и упал на пол вместе со стулом. Галеев не спеша снял китель, оставшись в майке, поднял стул и аккуратно его повесил на спинку. Затем налил коньяка и залпом выпил. Зашевелился Доценко, простонал, приподнялся на руке, ошалело вращая головой, не понимая, что произошло. Когда его взгляд попал на генерала, начал бормотать что-то нечленораздельное:

— За что... я... она сама... я...

Галеев внимательно наблюдал, как встает Доценко. А когда тот немного пришел в себя и попытался броситься к двери, генерал схватил его сзади, развернул и, удерживая за китель, прямым ударом врезал капитану в нос. Брызнула кровь. Голова откинулась, ноги капитана подкосились, но Галеев крепко держал за китель и не дал ему упасть.

— Что ж ты, Коля, на ногах не держишься? — спокойно и вместе с тем с издевкой спросил генерал.

— Простите... товарищ генерал... гы-гы-гы... — разрыдался Доценко, втягивая кровавые сопли, — показалось мне... гы-гы-гы...

То ли коньяк в голову ударил, то ли обида накатила, что не так ласкова с ним Катерина, как бы он хотел. Вспомнились все моменты, как избегала с ним близости, пряталась, ускользала и притворялась. Такая ярость вскипела в Галееве, что не оставила места рассудительности. Лицо исказилось болью, и он, словно помутившийся рассудком, стал отчаянно бить Доценко, не разбирая куда и как.

Капитан после этого разговора слег в госпиталь с переломом носа и челюсти. Но Галеев не хотел, чтобы он куда-либо переводился. Он действительно ценил капитана за смысленность и расторопность и позже подал ходатайство на представление Николаю очередного звания. Галеев посчитал вопрос закрытым. Николай тоже не рвался увольняться или переводиться. Да и кто уходит с такого места сам. И сыт, и одет-обут, да еще жены начальников балуют. Но обиду затаил.

8. «Абортмахер»

Три дня Катерина прислушивалась к себе. Тошнота то появлялась, то пропадала. На расспросы Акулины отшучивалась, мол, что-то съела несвежее. Акулина возражала, что от ее стряпни тошнить не будет. Всячески намекала — если чего, может ей подсобить, пусть не таит. Но Катя не сдавалась, стояла на своем и, даже когда подташнивало, старалась виду не показывать. Иван Никитич с претензиями и ревностью немного успокоился и даже стал интересоваться самочувствием. Катерина почувствовала, что он что-то подозревает. Акулина и Галеев что-то подозревают, и чем дальше затягивать с абортом, тем беременность станет очевидней. Или чуткая Акулина пронюхает, или Иван Никитич принудительно повезет в поликлинику, и тогда — все. Катю терзали сомнения. Ведь сделай она аборт на стороне, Иван Никитич может об этом узнать. В поликлинике уж точно бы об этом сообщили. Тогда бы Галеев спуску не дал. Досталось бы и ей, и тому, кто делал. Этот факт более всего не давал покоя.

Она металась от страха разоблачения до страха опоздать с абортом, затащить до того, когда либо делать будет поздно, либо страшно.

На пятый день Иван Никитич позвонил со службы и сказал, чтобы приготовили чемоданчик для командировки. Катерина решила, что это знак, что тянуть больше некуда. Либо она сделает это, либо сойдет с ума. А там будь что будет.

На следующий день утром она пришла к Рите, полная решимости. Подруга долго не открывала. Катерина продолжала настойчиво звонить. Рита открыла, заспанная и злая.

— Ты?! Ммм... Что так рано?!

— Я решила! Все! Аборт!

Рита вытолкнула Катерину на лестницу и закрыла дверь.

— Дурочка, — произнесла шепотом и покрутила у виска пальцем, — ты еще громче крикни, вся Солянка пальцем будет показывать, что Панова аборт делает.

— Извини, — обиделась Катя и повернулась, собираясь уйти.

— Ты куда? Давай без фортелей! Пошли, я оденусь.

«Абортмахер» жил у черта на куличках, где-то в Филях. Рита бывала там один раз, и дорогу показывала Лова. Это был ее знакомый, из-за своей половой неумности ей приходилось тревожить его довольно часто.

«Абортмахером» был невысокий старичок, за семьдесят, в круглых толстых очках. Звали его Иосиф Наумович. Когда-то он был гинекологом, и довольно неплохим, но в сорок восьмом, уже в почтенном возрасте, попал под «чистку». Конечно, он не проходил по «делу врачей», но в райздраве, от греха подальше, ушли Иосифа Наумовича на заслуженный отдых, дав ему крошечную пенсию, которую он немного дополнял частной практикой.

Рита злилась, больше на себя, что плохо запомнила, где живет «абортмахер». Наконец она узнала дом Иосифа Наумовича и решительно вошла в подъезд. Дверь долго не открывали, и Катя с каждым ударом сердца чувствовала, как растет ее живот. Наконец дверь открыли. Иосиф Наумович, в клетчатой рубашке и широких штанах с поясом под самую грудь, ссутулившись, долго и подробно оглядел барышень и только после этого спросил:

— Ви ко мне?

— Наум Иосифович, помните меня, я приходила с Любой, светленькая такая, голубоглазая?

— Я не помню никаких блондинок. Я помню только диагноз!

Старик уже собирался закрыть дверь.

— Наум... Иосиф Наумович! Мы отсюда не уйдем, вы должны нам помочь!

— Чьто ви от меня хотите?! Я пгстой пенсионег! — пытался закрыть дверь «абортмахер».

Но Рита решительно наступала на старика и, оттесняя назад, вошла в квартиру.

— Вы должны помочь моей подруге. Она попала в беду.

— Ви хотите подвести меня под статью?! И мне, бега во внимание мое праисхождение, дадут не два, а двадцать два года! Ви хотите меня погубить?!

— Никто не хочет вас погубить, Наум Иосифович...

— Иосиф Наумович, — поправил старик

— Да какая сейчас разница?! Девушка в беде! Вы посмотрите! Катя! — окликнула Рита подругу. — Катя! Иди сюда!

Катерина робко зашла в квартиру, скривилась и заревела. Старик дрогнул. Начал часто моргать, смотреть по сторонам, придумывая, какой еще аргумент можно привести, но испепеляющий взгляд Риты не давал ни малейшего шанса увильнуть.

— Хагашо... Ггиста гублей... — сильно прокартавил старик и куда-то пошел. — Я сейчас.

— Все, хватит. Ты молодец, естественно получилось, — тихо прошептала Рита.

— М-м-м... гы-гы-гы... — продолжала реветь Катя.

— Да хватит реветь! — больно ущипнула Рита.

Катя вздрогнула и недовольно посмотрела на подругу.

— Я не могу, чтобы он делал... Я не знала, что будет мужчина.

— Ты что, сбрендила? Какой мужчина?! Ты посмотри на этого сморчка! Ты совсем дура? Ты что, у врача никогда не была?

Катя опять скривилась расплакаться.

— Была... Только у женщин. И... У меня нет триста рублей...

— Ну ты совсем малахольная... Зачем же ты шла?

— Я думала...

— Даром? Ага... Даром за амбаром!

Рита нервно стала кусать губы и блуждать взглядом, мысленно придумывая выход. Потом заметила кольцо на руке Кати.

— Кольцо!

— А как я потом скажу, куда его дела?

— Потеряла! — решительно заявила Рита.

Вернулся Иосиф Наумович. Он был одет в белоснежный, густо накрахмаленный халат и шапочку.

— Ну чьто, багышни, ви готовы?

Катя испуганно попятилась, прячась за Ритой.

— Я не могу...

Рита взяла Катю за плечи и, заглядывая в глаза, встряхнула ее.

— Тогда сама расхлебывай, с меня хватит! Я ухожу!

Рита решительно отодвинула Катю и направилась к выходу.

— Подожди! Подожди! — начала всхлипывать Катя. Рита остановилась. — Я... согласна. Только не уходи... умоляю!

Катя подошла к Иосифу Наумовичу и, сняв с пальца кольцо, протянула ему.

— Нет, ви гешили меня таки вогнать в ггоб! И чьто мне с ним делать?

— Но у меня больше нет ничего, — с мольбой посмотрела Катя, — да и стбит оно больше.

— Чегт с вами... Кладите мне в кагман. Пгоходите в комнату.

Иосиф Наумович лукавил. Практика была неплохо оснащена. В небольшой комнате стояло рахмановское кресло с металлическими, отполированными за долгую службу подколениками и протертым до ткани рыжим дерматином, достаточно потрепанное, но сохранившее свою функциональность. Рядом с креслом стоял накрытый марлей небольшой металлический столик с различным инструментом в эмалированных изогнутых ванночках в виде разрезанных пополам огромных фасоллин.

Катя опасливо оглянула кабинет, неуверенно прошла. Руки заметно дрожали, и все тело пробивал нервный озноб. Иосиф Наумович снисходительно посмотрел на нее.

— Сонечка! Пгинеси еще спигту! — крикнул он кому-то в дверь.

Через минуты полторы появилась грузная пожилая женщина угрюмого вида. Взглянула на Катерину и протянула ей стакан, наполненный прозрачной жидкостью. Катя взяла трясущимися руками и залпом выпила, как воду. Но, не успев допить, выронила стакан, и Соня еле его поймала. Катя заметалась, хватая воздух.

— Ты чьто, не газвела?!

Соня пожала плечами.

— Йосья, разве ты сказал, что это будут пить?

Соня презрительно посмотрела на супруга.

Через минуту Иосиф Наумович осматривал Катерину, приговаривая: «Бедная девочка, бедная девочка». Вдруг она почувствовала, словно у нее вынимают внутренности. Она закричала. Дернулась встать.

— Тихо, тихо! Я почти закончил, еще самую малость, — донеслось снизу. Катя тяжело дышала и безумно смотрела по сторонам, не понимая, что с ней происходит.

Экзекуция закончилась. Иосиф Наумович вышел в коридор и позвал Риту.

— Я все сделал. Плоду было около семи недель. Ей нужно полежать, если будет гкговотечение, пгомыть настойкой кгапивы. Кто она вам? — вдруг спросил Иосиф Наумович и посмотрел с какой-то обреченностью.

— Что-то не так? — настороженно спросила Рита.

— Да нет, все хагашо, но зачем? Самый возгаст для бегеменности... жалко, такой экзепляг... — абортмахер разочарованно покачал головой.

9. Живой Шопен

Всякая попытка Кати получить совет, что делать, как сказать о разводе, натыкалась на Ритино раздражение:

— Ну что тебя не устраивает?! Миллионы живут так! Живи и радуйся! Полная свобода! Ни готовки, ни стирки! Красота! Что тебе еще надо?!

— Не люблю я его...

— О-о-о... — Рита в отчаянии закатила глаза, — любовь ей подавай...

— Да! Чтоб, как ты — Глеба.

— Дурочка, — снисходительно посмотрела Рита, — я вот жду его и боюсь. Какой он вернется? И он другой, да и я не та. А что еще будет, одному Богу известно. Приму ли его? Буду ли любить, как прежде?

Рита задумалась, погрустнела, затем озарилась, посмотрела задорно.

— Слушай! У меня тут день рождения будет...

— Да? А когда?

— Третьего. Сможешь? Вырвешься?

Катя пожала плечами, виновато улыбнулась.

— Постараюсь... Ведь еще не скоро...

* * *

Приезд Галеева неожиданным не был. Он позвонил с вокзала и распорядился готовить обед. Акулина радостно хлопотала, а Катя с тянущим чувством ждала, когда он позвонит, войдет и, как обычно, спросит: «Ну, что тут?»

А «тут» ему рада только Акулина, словно заведенная, моталась по кухне, все что-то пекла, стряпала, бегала на рынок, притащила какой-то провизии, даже выглядела моложе, чем обычно. Катя смотрела на переменяющуюся Акулину и думала: «Как быстро она расскажет Ивану Никитичу о случившемся? Будет ли ждать, пока я уйду из дому, или шепнет за обедом? А вдруг вахтерша расскажет, перехватит и начнет: „Ой, товарищ генерал, а Катерину Дмитриевну давеча чуть живую притащили“ — и в глаза заглянет поверх очков. Вот зачем люди очки носят, если в них не смотрят? Для отвода глаз? Так умней выглядят? А Акулина еще добавит: „Запила твоя супружница-то, Иван Никитич, думала, ее тошнит потому, что беременная, а она пить начала“. Пусть лучше так бы и сказала, чем по врачам потом таскать».

Иван Никитич приехал и спросил: «Ну, что тут?» И с неба не посыпались камни, и не поразила ее молния. И Иван Никитич был какой-то ласковый, спокойный. Может, на работе все хорошо складывалось, начальство похвалило. Так и день прошел, и два, а ни про беременность, ни про пьянство не спрашивал. Видно, промолчала Акулина, да и вахтерша не выдала. Да и слова Риты, что за любовью погонишься — бо-былкой останешься, убеждали в правоте подруги: слишком малую цену она заплатила, чтоб генеральшей-то быть. Иные всю молодость переведут, полжизни по баракам с клопами да вшами, а тут, как в сказке, сразу в хоромы царские. Иван Никитич, странно как, не приставал с ласками, ходил только, спрашивал, хорошо ли ела, хорошо ли спала. И поняла Катерина, что грех совершила, большой грех. И ведь отговаривала Рита — не послушала, вбила в голову свою дурную — не хочу ребенка, и все. А Иван Никитич-то точно считает, что беременная она, вот и интересуется самочувствием и не пристаёт, опасается, видно. Чтобы не нарушить чего. А она? Обманула? Противно ей стало, себя грызла за дурость свою. И ведь говорила Рита: роди, так он пылинки сдувать будет. Не послушала...

А тут еще новость. За что, Катерине не говорил, поощрили Ивана Никитича кратковременным отпуском. Так он пришел как-то, говорит: «А поехали, Катя, в Анапу? Тебе сейчас полезно». Хоть сквозь землю провались. Такая обида на себя взяла...

На море Катя никогда не была и даже представить не могла, какое это блаженство. Ивана Никитича впервые увидела в гражданской рубашке и широченных чесучовых штанах, купленных накануне. Сам он, как мальчишка, радовался, плавал, нырял, играл в волейбол, городки. А Катя наблюдала за ним и думала: где тот Иван Никитич, в глаубоко натянутой на глаза фуражке? Разве это он тогда разорвал платье и орал на нее матом? Нет. Словно растворился тот Галеев и появился другой, солнечный Иван Никитич.

Катя лежала с блаженной улыбкой, закрыв глаза, подставляя лицо черноморскому солнцу, и думала, что ошибалась она. Все еще устроится.

Отпуск пролетел быстро. Вернувшись в Москву, Галеев внешне стал прежним, немногословным, серьезным, могло показаться, угрюмым. Но Катя по инерции еще воспринимала его тем, каким он был там, в Анапе. Что еще изменилось? Она перестала бояться спать с ним. Напротив, один раз даже испытала то блаженное чувство, какое было с Ритой. Может, прав был Иван Никитич, когда говорил, что разохотится она.

* * *

И нужно было случиться такой удаче в карьере начинающего порнографа, как случайное знакомство с иностранцем. Илья Содомский обычно сбывал продукцию своего творчества через знакомых швейцаров известных московских гостиниц и ресторанов, опасаясь угрозы с двух сторон. Естественно, со стороны Закона и другой — уголовного элемента. Он с детства испытывал животный страх перед хулиганами, которые донимали его во дворе, а когда вырос, детская травма продолжала преследовать его. А в таком щекотливом ремесле, граничащем с нарушением Закона, всегда можно было нарваться на мутных личностей, у которых долгов перед Уголовным кодексом гораздо больше, чем у Ильи. Он старался не вступать ни в какие отношения с незнакомыми, даже когда это сулило большие деньги. Поэтому когда швейцар из «Савойи» сказал, что фотография понравилась одному иностранцу и он хотел бы познакомиться с автором, Илья сначала отказался, но когда увидел самого иностранца, сомнения развеялись, и он согласился. Иностранцем оказался Эндрю.

Американец заинтересовался фотографией Кати и предложил Содомскому купить все снимки и продать негативы. Содомского подкупало, что Эндрю интересовал не

столько сам обнаженный «материал», сколько мастерство фотографа. Это было лестно. А когда была названа сумма, Содомский был вне себя от радости. Он уже мысленно распределял, на что потратить деньги. Он давно мечтал о портретном объективе, цветной пленке. А когда Эндрю намекнул, что снимками, возможно, заинтересуется журнал для мужчин, Содомский потерял покой, разъедаемая мечтами о славе, деньгах и призрачной надежде вырваться из этого мрака, где всякое удовлетворение его потребностей сулило уголовную статью и лагерную шконку.

Американец также купил пару снимков Риты, предложенных Ильей. Выкупать все ее снимки Эндрю почему-то отказался, что привело Содомского в недоумение. Ему казалось, Рита выглядела куда красивее и привлекательнее этой наивной девчонки. Да и снимки с Ритой Илья считал более совершенными. Но американец на настойчивое предложение Содомского только снисходительно улыбнулся, хмыкнул и положил фотографии во внутренний карман.

* * *

Приближалось третье августа. Рита назначила праздник на шесть вечера. Катя была уже готова выйти, когда неожиданно приехал Иван Никитич. Он с подозрением оглядел Катерину.

— Куда это ты собралась?

— Я говорила, Иван Никитич, у подруги день рождения...

— Это у актриски-то?

— Да... — виновато опустила голову Катя.

— И ты вот в таком виде по улице пойдешь?

— В каком таком? — удивилась Катерина.

— Как девка вокзальная. Сказал же тебе... Опять губы намазала...

— Такая мода сейчас, Иван Никитич... Что же мне, как Акулина, одеваться?

В проеме кухни появилась Акулина. Полотенцем, перекинутым через плечо, она вытирала тарелку. Тяжело посмотрела на Катю, затем на Галеева и скрылась. Галеев задумался, отвлекся. Катя воспользовалась замешательством, проскользнула в дверь и закрыла ее. Галеев дернулся, посмотрел на закрытую дверь, громко крикнул:

— Доберусь я до твоей актриски! — а потом уже больше для себя, размышляя вслух, продолжил: — Доберусь, доберусь. Вот только с делами закончу.

Гостей было немного. Были Лова, Гриша Лифшиц — музыкальный критик, публиковавшийся в «Советской музыке» под псевдонимом Богемский, с которым Рита знакомила Катю раньше и про которого говорила, что из бездарных музыкантов иногда выходят неплохие критики. Также была Таня, коллега Риты из театра, которая могла найти тогда Риту. Остальных, двух молодых людей, она видела впервые.

— Это Катюша, — представила она гостям Катерину. — Лову и меня ты знаешь, Богемского тоже видела, с Таней в театре встречались... А это — Юра и Боря... наши будущие композиторы.

Когда Рита представила Бориса, Катя впала в ступор. Она удивленно смотрела на молодого человека, чем смутила его.

— Ты что, впервые увидела молодого человека?

Все засмеялись, Борис застенчиво улыбнулся. Дело в том, что Борис был как две капли воды похож на портрет молодого Шопена, который висел у них в музыкальном училище. Такой же с горбинкой нос, большие тревожные и грустные глаза, копна темных длинных волос.

— Да ладно, скажешь тоже, композиторы... — отшутился Юрий. — Здравствуйте!

— Здравствуйте... — кивнула Катя, потом вздрогнула, вскочила, вспомнила что-то. — Рита, я забыла... я подарок... вот.

Катя вынула из сумки небольшую белую коробочку и протянула подруге.

— Что это? — с удивлением спросила Рита. Она открыла коробочку и ахнула: — Ты с ума сошла! Нет! Я это принять не могу, ты что?!

— Что там, что? — заинтересовались Таня и Лова.

— Сережки... — нехотя проговорила Рита. Затем подошла вплотную к Кате, строго посмотрела на нее и тихо, так, что слышала только Катя, произнесла: — Ты с ума сошла, такие подарки дарят любовники или супруги. Я не возьму.

Это была пара жемчужных золотых сережек, которые Катя специально искала для Риты. Ей стало неловко и немного обидно.

— Я не знала... — с огорчением прошептала она.

Рита сама была раздосадована случившимся. Она немного задумалась, затем ухмыльнулась, лукаво взглянула.

— Ладно, будем считать, что так. Спасибо.

Катя села. Из-за неловкой ситуации слегка горели щеки.

Юрий и Борис были еще студентами консерватории и самыми молодыми, кроме Кати, в компании. Юрий, светло-рыжий энергичный молодой человек, с появлением Кати оживился еще больше. Он продолжил спор, начатый, видимо, до прихода Катерины, с Богемским о судьбе джаза, сыпал какими-то фамилиями, кличками. Был эмоционален и пылок. Богемский, напротив, вальяжно, с саркастической ухмылкой, отвечал сдержанно и выглядел более убедительно и солидно. В союзники Юрий зачем-то решил взять Катерину и этим больше обратить внимание на себя:

— А вот вы, Катя, что думаете о современном джазе?

— Я не знаю, — растерялась она от неожиданного вопроса и зачем-то посмотрела на Бориса, словно ища у него подсказки. Борис смутился и отвел взгляд, — я плохо разбираюсь в джазе. Я слышала только Утесова...

— Ха! Утесов! Утесов — вообще не джаз! — разочарованно, что союзника не получилось, заявил Юрий. — Это какой-то духовой оркестр пожарной команды!

— Вас послушать, Юрий, и Утесов не джаз? И «Симфоджаз» Цфасмана — мимо? У вас и сам Гленн Миллер — дирижер пожарников. Кого же вы предлагаете именовать джазменами? Может, себя?

— А почему бы и нет?!

— Ха-ха-ха! — снисходительно рассмеялся Григорий Богемский-Лифшиц.

— Да-да! Вы нас еще услышите! Правда, Борис?

Борис скромно кивнул. Катя откровенно разглядывала Бориса, чем сильно его смущала. Она никак не могла отделаться от ощущения абсолютного сходства с Шопеном.

— Вам рекомендация Лаци Олаха что-нибудь говорит?

— Ну... — Богемский развел руками, — Лаци...

— Так вот! Мы уже играли с Лаци, и он сказал... у Бори великолепное чувство синкопа! И вообще! Свинг — это прошлое, все эти огромные, неповоротливые оркестры — все это в прошлом! Сейчас — эра би-бопа, небольших ансамблей импровизаторов, как Дизи Гилеспи и Чарли Паркер! Мы...

— Мальчики! — Рита прервала полет Юрия. — Может, мы тему джаза обсудим за чаем?

Все засмеялись. Юрий осекся, посмотрел на Катю, разочарованно сел.

Постепенно вечер, начавшийся как митинг Юрия «За современный джаз», плавно перешел в скромный приятельский ужин. Стол не отличался разнообразием, все было просто и незатейливо. Было очевидно, что люди, собравшиеся за этим столом, пришли не за этим. Им было важно общение с единомышленниками, разговор на понятном

им языке. Кате было интересно все. Конечно, самым осведомленным в закулисных тайнах музыкальной Москвы был Богемский. Рита подтрунивала над его всезнайством, а он на это отвечал смешной историей из жизни какого-нибудь известного артиста.

Через некоторое время разговор перешел на тему классической музыки, и Юрий, со свойственной ему пылкостью, начал предрекать неминуемый конец классики и наступление музыки новых форм. Богемский вяло парировал, не собираясь тратить силы на доказательство очевидного. Рита, Лова и Татьяна озабоченно перешептывались о чем-то женском, далеком от искусства и музыки. Лова выглядела расстроенной, и Рита пыталась ее успокоить. Что с ней случилось, Катя не знала, да и вникать в проблемы Ловы ей не хотелось. Ее увлек мужской спор. Сначала она просто слушала. Юрий заметил интерес Кати и стал еще более напористым.

— Классика мертва! Это могильная плита, из-под которой с трудом пробивается новая музыка! Ее нужно сдвинуть! Выпустить на волю, дать ей воздуха и простора! — с пафосом раскинул руки Юрий.

— Как это, мертва?! — не выдержала Катерина. — Неужели Бетховен, Моцарт... да... — Катю распирало от предвзятости Юрия, — Чайковский, наконец, мешают играть джаз?! А Шопен?!

Катя непроизвольно запнулась и взглянула на Бориса, будто речь шла о нем. Борис виновато, словно извиняясь за Юрия, дернул плечом.

— Да что Шопен, Катя? — пренебрежительно бросил Юрий. — Если бы вы понимали...

Катя решительно встала из-за стола и села за пианино. С первым аккордом гомон прекратился, и в образовавшейся тишине комнату наполнил Седьмой вальс до-минор. Она играла вдохновенно и легко. Перед глазами возник образ Бориса. Грудь наполнилась трепетом и волнением, будто сам Шопен слушал ее игру. Пальцы порхали, едва касаясь клавиш. Когда прозвучал последний аккорд, Катя еще долго не могла оторвать руку от клавиатуры и открыть глаза. Стояла звенящая тишина.

— Неужели эта музыка мертва? — промолвила она.

Первым оживился Богемский:

— Bravo! — вскочил он. — Bravo! Это самый лучший аргумент!

— Катюша... — обняла за плечи Рита. — Да ты талант! Я думала, ты так... с детками «По долинам и по взгорьям» на уроке разучивать... Bravo! Я поражена! Сколько чувства...

Рита нежно взяла Катю за щеки прохладными ладонями и поцеловала в лоб.

— Спасибо...

Юрий был повержен. Он сидел с видом гроссмейстера, проигравшего школьнику. Но недолго. Тут же озарился новой идеей и подошел к Кате.

— Катя, вы должны попробовать сыграть джаз! Нам нужен...

— Бросьте, Юрий! Не лишайте нас талантливой пианистки! — Богемский прервал Юрия, тоже встал и подошел к Кате.

— Этот рыжий очень настырный, сейчас будет и тебя обрабатывать, чтобы ты согласилась играть в его джаз-банде.

— Рита, вы гробите свой талант в мертвом искусстве! Оперетта! Это девятнадцатый век! Я же вам предлагаю будущее!

— А позвольте спросить, — Богемский оттеснил Юрия, — чья это школа? У кого вы учились? Или учитесь?

Катя немного растерялась от такого внимания и лести в свой адрес. Украдкой посмотрела на Бориса. Хоть он не был так эмоционален, как Юрий, но вид был восторженным и воодушевленным.

— Я окончила училище... в Саранске, — потупив взгляд, проговорила Катя.

Богемский расплылся в снисходительной улыбке.

— Училище в Саранске? Ха! Ха-ха-ха! — рассмеялся критик. — Если бы по всей стране так учили, как в Саранске... Ну, а серьезно? Ведь это шутка про Саранск? Рита?! Где ты скрывала этот талант?!

— Нет, совсем не шутка. Я правда училась в Саранском музучилище, — настаивала Катя. — Мой отец был преподавателем, а до Саранска он преподавал в Ленинграде, в консерватории!

— И как его зовут? — все еще с игривой интонацией спросил критик.

— Он умер... Цеглинский Дмитрий Александрович...

— Профессор Цеглинский ваш отец? — с подозрением переспросил критик и зачем-то взглянул на Риту. Та пожала плечами.

— Вы его знали?

— Мне очень жаль... Я слышал о нем от ленинградцев. Очень жаль... Но видите, Катя, он оставил после себя столько учеников, ярких и талантливых пианистов. И вы, Катя, одна из них. Вам обязательно нужно продолжать учебу.

Все эти разговоры о музыке, о ней, о ее таланте так вскружили голову, что Катя на чисто позабыла, что где-то есть Галеев, Акулина. Ее попросили сыграть еще, и это опять был любимый Шопен, рвущий душу воспоминаниями, грезами о неземной любви — Двадцатый ноктюрн до-диез-минор. Катю охватил такой прилив вдохновения и страсти, что когда она дошла до третьей части, то ощутила подступающую волну оргазма. Как тогда с Ритой, только перед глазами теперь был образ Бориса — Шопена. Она испугалась. Резко остановилась, вскочила, а затем, ничего никому не сказав, боясь встретить чей-то взгляд, выскочила из комнаты. Рита поймала ее уже на лестничной клетке.

— Ты куда?! Что случилось?!

Катя остановилась, перевела дух.

— Как-то стало плохо... Я пойду, пожалуй...

Рита смотрела с подозрением.

— Ну нет! Я тебя одну не отпущу. Жди здесь.

Рита зашла в квартиру и через минуту вышла, но уже не одна. Она была с Борисом. Катя густо покраснела. Сначала ей захотелось убежать, но Рита окликнула ее:

— Катя! Ни черта не видно... Боря великодушно согласился тебя проводить. Ты где?

— Я тут... — подала голос Катя с нижнего этажа.

— Борис, надеюсь, ты не бросишь подругу?

Они вышли на улицу. Было довольно поздно. Одинокие фонари едва освещали дорожку. Долго шли молча. Катя боролась со смущением и боялась, что Борис спросит, почему она так внезапно ушла. Мысли путались, и чем дольше они шли, тем страшнее было вымолвить первое слово. Борис тоже казался скованным.

— А вы хорошо играете, — наконец выдал он.

— Вы считаете?! — обрадовалась Катя.

Это был тот ключ, который открыл дверь, разделявшую их. И она распахнулась настежь. Как человек в чужой стране, скучающий по родине, бросается к совершенно незнакомому, заговорившему на его родном языке, так и Катя с радостью долгожданной свободы ринулась в эту дверь, искренне, открыто, с нескрываемым желанием поделиться переживаниями, мыслями за долгое время молчания. Они говорили о Шопене, о Рихтере, о Прокофьеве. И она находила отклик такого же равнодушного и влюбленного в музыку человека.

Борис заканчивал консерваторию. Они учились вместе с Юрием и были полны желания играть свою музыку. Хотя внешне Борис был полной противоположностью Юрию, более сдержан и не так эмоционален, но так же страстно и увлеченно рассказывал о перспективах «новой музыки»:

— Мы хотим создать камерный ансамбль, «комбо», небольшой, пять-шесть человек, и играть джаз. Представляете, Катя, не просто джаз, инструментальные импровизации, а с голосом. У нас должна быть певица, как... Дина Вашингтон или Пегги Ли! Помогите нам уговорить Риту.

— Риту? Вы хотите, чтобы она пела у вас джаз?

— Да! Она замечательная певица! Она как... как Има Сумак...

— А кто это?

— Это одна перуанская певица... У нее диапазон в пять октав, представляете?!

— Ого! Вот бы послушать!

— Да мне самому дали только на час пластинку, но если хотите... я попрошу для вас, — Борис смутился. Катя заметила это и улыбнулась. Ей было приятно смущение молодого человека. Вообще, прогулка с Борисом представлялась сказочной феерией, словно сокровенные юношеские фантазии, когда она смотрела на портрет Фредерика Шопена в училище, начали сбываться, приобретать физическую форму. Она постоянно ловила себя на мысли: «Не снится ли все это?» Хотелось коснуться его руки, ощутить его тепло и развеять туман наваждения, но так было приятно продлить его как можно дольше.

— Катя, Григорий прав, вам просто необходимо продолжать учиться. Сейчас вы уже не успеете... Вам нужно показаться Нейгаузу, может, он что-то придумает!

— Я не думала... Не знаю...

— Обязательно! А то, о чем говорил Юрий, попробуйте. Я не смею настаивать... Но мне кажется, у вас бы получилось...

— Правда? Юрий такой настойчивый...

— Пробивной... — улыбнулся Борис. — Да, он несколько категоричный, вы уж его извините. Он очень увлекся.

— И вас увлек?

— Да, — смутился Борис.

— А вы тоже музыкант?

— Да, — застенчиво ответил молодой человек, — только приходится играть на других инструментах.

— Как это? — удивилась Катя.

— Вообще-то, я скрипач, а играть приходится на гитаре или контрабасе.

— А почему?

— Ну... Скрипка и джаз... Хотя есть примеры...

— Правда?

— Вот хотя бы Стефан Грапелли, — ответил Борис.

— Я никогда не слышала...

— Что вы, Катя! Это великий джазовый скрипач. Он играл с самим Джанго Рейнхардтом!

Борис увлеченно рассказал историю о Джанго и его друге Стефане.

Катя восхищенно вслушивалась в каждое слово.

— Какая сила духа! — заключила Катя рассказ Бориса.

Борис кивнул.

— А Юрий говорит, что скрипка — не джазовый инструмент, а пережиток вчерашней музыки.

— Юрий, мне кажется, слишком увлекся. Ну как было бы, если б звучал только джаз? Он не прав, нет «вчерашней» музыки! Есть гениальная и плохая. А скрипка, Борис, никакой не вчерашний инструмент. Это Юрий! Сам он — вчерашний, как буханка!

Катя и Борис рассмеялись.

Борис говорил об учебе, об известных музыкантах — выпускниках консерватории, что Кате непременно нужно учиться дальше, и если ничего не получится в этом году, то можно устроиться в консерваторию или филармонию аккомпаниатором, а потом поступить. Молодой человек разбередил мечты. Все казалось таким очевидным и легким, что Катя невольно унеслась в мысли об учебе, концертах, студенческой суете. Она не заметила, как стала говорить о вещах интимных, о которых не с кем было поделиться раньше и к которым она никого не подпускала. Ни Риту, ни тем более Галеева. Это были ее сокровенные раздумья.

— Борис, а у вас бывает... Когда вы взволнованы или чем-то потрясены, звучит какая-нибудь музыка? Вот у меня часто бывает, какое-нибудь место обязательно связано с каким-то произведением. Вот метро — с Григом...

— «Подземными королями»?!

— Да! Ха-ха-ха! — радостно и звонко рассмеялась Катя, получив ответ, который полностью совпадал с ее чувствами.

— Бывает. Только я больше сам ее придумываю... Иногда жалею, что не записал. Промелькнет в голове... Вот и сейчас звучит...

— А что сейчас?! — Катя остановилась перед Борисом и заинтересованно и открыто заглянула в глаза. Борис смутился. Она чувствовала небывалое наслаждение, что она его смущает. Появился азарт, она специально заглядывала в его огромные глаза, чтобы еще и еще вынудить его смутиться. — Ну, какая мелодия звучит сейчас?

Борис засмутился еще сильнее. Она почувствовала, что обладает властью вызывать робость у Бориса. Еще ни один человек не был с ней так робок и застенчив, а она сама в его присутствии чувствовала себя раскрепощенной и свободной.

— Это просто... какие-то отрывки, я не смогу... просто звучит... это тяжело воспроизвести...

Незаметно они оказались на Чкаловской, возле ее дома. Хотелось еще говорить и говорить, до утра, всю ночь... Впервые ей было так легко. Не нужно было подбирать слова, можно было быть самой собой. Даже с Ритой нужно было быть осторожной, чтобы не нарваться на насмешку. Катя с печалью вздохнула:

— Вот мы и пришли...

— Вы живете в этом доме? — неожиданно спросил Борис.

— Да... — простодушно ответила Катя.

Борис помрачнел, отвел взгляд, кивнул.

— До свидания...

Он повернулся и быстро ушел. Катя не решилась его окликнуть. Все произошло неожиданно и внезапно. Она растерянно смотрела ему вслед и чувствовала, что опять захлопывается дверь в волшебный сад, в котором только что была. И Шопен — мираж. И не было никакого Бориса — Шопена. Она протянула руку, словно касаясь его изображения. Вскоре он скрылся в темноте. Она осталась одна. Ее охватил озноб, и она заторопилась в подъезд.

10. Прощание с мечтой

Не спалось. Катя немного перенервничала из-за Ивана Никитича, который вычитывал ей правила поведения «приличных жен». Робко оправдываясь, она все же юркнула в свою комнату, сославшись на недомогание. С некоторых пор спать они стали отдельно, и супруг, войдя в «положение» Кати, отнесся к этому снисходительно. «Положение», в котором он не сомневался, требовало, по его мнению, покоя, и Иван Никитич, заметно сдерживая себя, не стал упорствовать и отступил.

Но не это было главной причиной ее бессонницы. Причиной был Борис. Почему он так внезапно ушел? Чего он испугался? Может быть, она сказала что-то для него неприятное, ранимое? Катя тщетно пыталась разгадать причину столь внезапного расставания. Она мучилась всевозможными догадками и домыслами. Катя решила во что бы то ни стало разыскать его и объясниться. И неважно, что было причиной его ухода, она хочет его увидеть. Она еще раз хочет погрузиться в ощущение свободы, легкости, детской невинности, еще раз увидеть его смущение и насладиться его голосом. Скорей бы настало утро!

Утро наступило. И приятная истома пробуждения и воспоминаний внезапно была прервана резким окриком Ивана Никитича:

— Подъем, Катерина! Пора мне познакомиться с твоей актриской. Поднимайся!

Катя испугалась. Словно в комнату, где они с Ритой лежали обнаженными, ворвался Галеев, и стало известно все, о чем даже себе она признавалась с большим стыдом. Катя вскочила и в рубашке помчалась за супругом.

— Зачем?! — схватила она за рукав, судорожно пытаясь найти повод или предлог отказать от этой затеи.

— Моя жена водит дружбу неизвестно с кем, а я должен сидеть и думать, что с тобой все в порядке? Нет. Собирайся, покажешь где она живет. Давно хочу с ней повидаться. А то опять в командировку укачу. Давай-давай, Катерина.

— Но сейчас очень рано... она не любит...

— Ты смотри, барыня... рано! Советский народ уже трудится, жилы рвет, а ей рано. Поехали!

— Иван Никитич... ну ведь... ну... Я могу ее пригласить к нам, если вы так хотите.

— Я сказал, Катерина, едем к ней, — Галеев твердо оборвал все попытки его отговорить.

Катя опустила голову и обреченно поплелась одеваться. Потом вдруг вспомнила, озарилась:

— У меня же урок! В десять! Я обещала!

— Одевайся. Мы успеем, — бесстрастно ответил Галеев.

Ехали недолго. Катя чувствовала себя предателем, выдавшим фашистам подполье. Конечно, она была уверена, что про их взаимоотношения Рита ничего не расскажет, но мучило чувство, что в их идиллию вмешивается посторонний, грубый, способный ее нарушить человек. Чем ближе был дом Риты, тем сердце колотилось сильнее и, казалось, готово выпрыгнуть из груди. А когда остановились у двери и Иван Никитич спросил ее фамилию, Кате не хватило сил вымолвить. Она только показала рукой на звонок. Галеев позвонил.

— Она одна живет?

— Да, — сдавленно проговорила Катя.

— Все понятно...

Неожиданно Катю пронзила мысль: «Что если в Явасе был все-таки Галеев? Рита узнает его, и тогда...» Она пришла в ужас, хотела сорваться и убежать, но в эту секунду дверь открылась, и на пороге показалась Рита. Она была в красивом небесно-голубом платье, будто ждала кого-то или собиралась выходить из дому. С аккуратной прической, подаренными Катей сережками, помадой на губах и подведенными стрелками.

— Катюша? — Рита перевела заинтересованный взгляд на Галеева. — Здравствуйте, вы ко мне? Вы генерал Галеев?

Рита встретила доброжелательно, с почтением и безо всякого удивления, будто ее кто-то предупредил о визите заранее. Она лучезарно улыбнулась.

— Здравствуйте!

Галеев заметно оробел.

— Ну что же мы в дверях, проходите, товарищ генерал.

Рита игриво стрельнула глазками, развернулась и пошла по коридору, заметно покачивая бедрами. Иван Никитич машинально схватился за козырек фуражки, раздумывая, переступить порог или нет. Зафиксировал взглядом нижнюю часть подруги и, словно свинцовой ногой, переступил порог.

— Да мы... — протянул генерал, нерешительно заходя в квартиру.

— Проходите, я сейчас чайник поставлю! — донеслось из глубины.

Мысли о том, что ее Иван Никитич мог быть тем подполковником, моментально рассеялись. Рита не проявила никакого испуга либо замешательства. А радушие и доброжелательность развеяли ту тяжесть, с которой Катя ехала к ней. Она прошла следом.

В комнате стоял терпкий запах табака, не выветрившегося после вчерашнего. Комната была убрана. Иван Никитич оглядел жилище. Катя скромно стояла у двери. Через минуту появилась Рита с чайником и подставкой.

— Катюш, ну что ты, как гостья, чашки бы приготовила! Присаживайтесь, товарищ генерал.

Катя засуетилась, зазвенела чашками в буфете.

— Так что же случилось? — улыбаясь, спросила Рита, когда все расселись и разлили чай. — А ты, Катюш, чего такая испуганная? Товарищи, мне не терпится узнать, чем вызван визит?

Галеев нерешительно начал бормотать про то, что переживает за Катю, с кем и как проводит время. Кате было неловко, и она старалась не поднимать глаз и не встречаться взглядом с Ритой. Будто Галеев был ее отцом, пришедшим к матери подруги, с которой она сделала что-то неподобающее.

— А я уже испугалась. Гадаю, что могло случиться с Катюшей? Что такого произошло, что вам пришлось оставить важные дела и посетить мое скромное жилище? Мне Катюша о вас много рассказывала.

Галеев переглянулся с супругой. Оба подумали о том инциденте. Галеев смутился.

— Она так гордится вами. Вы такой сильный, мужественный.

Иван Никитич заерзал. Никогда еще женщины, тем более такие красивые, не делали ему комплиментов. Катя с удивлением взглянула на Риту. Она словно поняла цель визита Галеева и решила разрушить любые сомнения в своей порядочности. Она говорила с почтением и некоторым пиететом, заставляя Галеева смущаться все сильнее и сильнее.

— Вы уж меня за платье... извините. Вышло как-то... неудобно вышло...

— Да ну что вы, товарищ генерал! А вы чай совсем не пили и варенье... Вам не нравится?

— Я... да нет, нравится, просто... Нужно было как-то раньше заехать, да все...

— Не корите себя. У вас такая ответственная работа. До пустяков ли дело? Я очень рада, что вы заехали. Послушайте! — Рита озарилась идеей. — А вы были когда-нибудь в нашем театре? У нас скоро премьера, новый сезон. Я вас приглашаю. Может, выкроите время? А?

Рита коснулась руки Галеева, скорбно сложила брови домиком и с мольбой заглянула в глаза.

Иван Никитич выглядел смущенным юношей. Раскраснелся, бесцельно блуждал по комнате глазами, боясь встретиться взглядом с Ритой. А та, напротив, вперилась в генерала, будто изучала каждый бугорок, каждую морщинку на его лице. Цель, с которой Галеев приехал в дом Риты, потерялась. Желание преподать урок и задавить генеральским авторитетом «актриску» улетучилось, как только он ее увидел. Он почему-то был уверен, что «актриска» должна быть порочной рыжей бестией, пусть и смазливой, но вульгарной и похотливой. Почему он так себе представлял, известно одному

Богу. Перед ним оказалась совсем другая женщина. Женщина! С огромной буквы. Катерина — девчонка с капризами и обидами. Да и «акулины», коих раньше по надобности пользовал время от времени Иван Никитич, были простыми, недалекими бабами. Эта же была особенной. И впрямь барыня. Вот где генеральша-то!

— М-м-м... Ну да... — выдавил Галеев.

— Ну и замечательно, — томно ответила Рита, — я вам сделаю контрамарочки.

Иван Никитич как бремя скинул, глубоко вздохнул и еле заметно улыбнулся. Катя тоже вздохнула с облегчением, будто с этим согласием окончательно решила ее судьба.

— Пожалуй, пора нам, — Галеев встал. Поднялась и Катя.

— Уже уходите? Ну что ж...

— Да, служба, — Галеев натянул фуражку и буркнул Катерине: — Я тебя внизу жду.

Он вышел. Как только за ним захлопнулась дверь, Рита медленно опустилась на стул. Лицо мгновенно поменялось. Сама как-то ссутулилась, стала маленькой и слабой.

— Что с тобой? — удивилась перемене Катя. — Ты на меня обиделась? Извини, но он сам... Я не хотела...

— Перестань, ты тут ни при чем. Все нормально, — через силу улыбнулась Рита.

— Правда, не злишься?

— Правда. Беги.

Катя обняла подругу и уже хотела выйти из комнаты, но задержалась. Еще раз с недоверием взглянула на Риту.

— Извини... Рита, — неожиданно спросила Катерина, — а где найти Бориса?!

— Бориса? — рассеянно переспросила подруга. — Зачем тебе нужен Борис?

В интонации было какое-то пренебрежение, будто Борис как молодой человек не мог вызвать женского интереса.

— Он... — Катя сделала паузу, раздумывая, какую бы правдоподобную причину придумать и не выдать своего интереса. — Он мне обещал пластинку.

Рита недоверчиво посмотрела.

— Пластинку? Не знаю. Я его пару раз видела с Юрием.

— Ну, хорошо, прощай!

Валерка пришел ровно в десять. Прилежный и послушный мальчик с торчащими ушами на светлой, стриженной под «бок» голове и абсолютным отсутствием слуха. Он старательно заучивал звуки по расположению клавиш, как таблицу умножения. Энтузиазм Катерины научить чему-нибудь Валерку давно угас, и она дожидалась, когда закончится лето или у самого Валерки кончится терпение. Мысли ее были далеко. Она думала о Рите и о том, как найти Бориса. Она даже не заметила, как Валерка закончил упражнение и покорно смотрел на Катю, ожидая дальнейших указаний.

— Катерина Дмитриевна, я уже, — не выдержал Валерка.

Катя спохватилась, стало неловко, что не заметила, как давно он закончил играть.

— На сегодня, пожалуй, хватит... И... вообще... я не смогу больше давать уроки. Я скажу твоей бабушке. До свидания.

— До свидания! — выскочил из комнаты счастливый Валерка.

«Богемский, — перебирала Катя возможные варианты поиска Бориса, — он мог бы помочь... Лаци... Странное имя и фамилия... Да! Юрий хвастался, что они с ним играли. Как его... Олух... Олох... Хм... не помню. Но его, наверное, многие знают. Он, наверное, известный музыкант. Нужно все равно найти Богемского. А где? Опять Рита? Она бы подсказала».

Катя задумалась. Спрашивать у Риты, как найти Богемского, опять нарваться на ее неприязненное удивление. Рита тогда взглянула с таким пренебрежением, будто Бо-

рис — последний молодой человек, который достоин внимания. Ей не хотелось объяснить Рите, какие чувства она испытывала, когда общалась с ним. Она и сама их стеснялась и не отдавала себе отчета, для чего она хочет его найти. Обманывала себя, что якобы только для того, чтобы узнать, почему он ушел. Но даже от сознания, что может увидеть его, по телу пробегала дрожь и грудь наполнялась приятным волнением.

Катя в расстроенных чувствах шла по улице и думала, что все равно без Риты этот поиск будет трудным и долгим. Она уже мысленно представляла разговор с Ритой. Под каким предлогом лучше спросить о Богемском? Или лучше сразу о Юрии? Ведь она должна знать, где его найти. Ведь он так настойчиво добивался ее участия в его джаз-банде.

— Катя?! — окликнул мужской голос. Она обернулась. Это был Богемский. Собственной персоной. Вначале она не поверила своим глазам. Подумала, что это какое-то видение. — Катя! — повторил критик. Катерина остановилась и только сейчас поняла, что это именно тот, кого она ищет. Она кинулась к нему и беспорядочно, с пылкостью, будто на кону стоит ее судьба, стала задавать вопросы о Борисе. Богемский несколько оторопел.

— Борис... — почти так же недоуменно, как Рита, протянул Богемский. — Послушайте, Катя! Вы так внезапно исчезли! Что случилось?! Какая-то неприятная ассоциация? Вы обиделись?

— Нет, — смутилась она, — мне просто нужно было домой. Так вы можете сказать, где мне найти Бориса? — немного взяв себя в руки, более спокойно спросила Катя.

— А... понимаю... Вы хотите играть джаз с Юрием? Послушайте, Катя, вам нужно учиться. Не связывайтесь с дилетантами. Вы талантливы, а джаз — это все-таки... эстрада. Вы потеряете больше, чем найдете. Может быть, потом...

— Я не буду играть джаз! — резко оборвала Богемского Катерина.

Григорий запнулся, с удивлением посмотрел.

— Тогда зачем вы его ищете? Вы так взволнованы.

Катя покраснела и закусил губу. Ей не хотелось демонстрировать свой интерес, а сколь-нибудь достоверную историю с ходу не придумать.

— Мне... Борис... обещал пластинку... ммм... Певицы из Перу...

— Имы Сумак?

— Да! Да!

— Тогда вам незачем его искать. Я вам смогу помочь! Хотите...

— Нет! — вскрикнула Катя.

Богемский вздрогнул.

— Почему? У вас такой вид, будто вы ищете Бориса, словно он вам обещал на вас жениться.

— Какая глупость! — вспыхнула Катерина.

— Извините, Катя, но...

— Если вы не знаете, как его найти, так и скажите! — Катерина строго, Ритиным взглядом, окатила Богемского. Он растерянно заморгал, посмотрел по сторонам.

— Извините... еще раз...

Богемский кивнул, обогнул девушку и пошел дальше. Тоненькая нить, за которую она в надежде ухватилась, выскользнула из рук. Но и удерживать ее не было никакого смысла. Какое дело известному критику до каких-то начинающих музыкантов.

— А скажите, — остановила она критика, — скажите, где можно найти Лаци... Олу...

Богемский снисходительно ухмыльнулся.

— Лаци Олах... Лаци играет в «Национале»... Но не думаю, что он вам поможет с... пластинкой Имы Сумак, — вполборота ответил Богемский. — До свидания, Катя, подумайте об учебе... Не хороните свой талант. Это я вам как знаток говорю.

Кате стало неловко. Действительно, как должен реагировать человек, на которого налетаешь, будто спасаешься от хулиганов, а когда он предлагает свою помощь, грубо ее отвергаешь. Она хотела окликнуть Богемского, но он был уже далеко.

«„Националь“... Сейчас слишком рано, — подумала Катя, — Какая же я дура! Дурочка малахольная! Ведь так заметно, что я интересуюсь Борисом! А если бы встретила его самого? Бросилась бы на шею? — безжалостно уничтожала Катерина робкие победы самоуверенности. — Как глупо! Как глупо вышло с Богемским... Что я хочу? Он похож на Шопена. Ну и что? Но он же не Шопен! Он просто похож. И спроси Риту, она скажет, что не похож. Придумала себе, возомнила и гоняюсь за призраком! Глупая девчонка! Дурища набитая!»

Катя остановилась и огляделась. С момента расставания с Богемским она незаметно для себя прошла около полутора километров и очутилась возле гостиницы «Националь». Огромное изогнувшееся шестиэтажное здание с огромным портретом Сталина, закрепленным между двумя колоннами и закрывавшим почти два этажа. Один раз они были здесь с Ритой. Роскошь ресторана, надменность посетителей, чопорность и фальшивые улыбки официантов, внимательно изучавших ее, принимавших скорее за кокетку, оставили неприятные воспоминания. Товарищ Сталин с лукавым прищуром смотрел прямо на нее. Ее охватил страх. К сомнениям в необходимости поисков Бориса прибавился мистический ужас от портрета. Особенно этот лукавый взгляд. Будто знает товарищ Сталин, для чего ей нужен Борис, догадывается. Даже она до конца не знает. А он знает. В висках застучало, и нахлынуло чувство стыда. Что она делает? Она замужем и, возможно, опять беременна и теперь на аборт не пойдет. И Иван Никитич... Ведь он стал другим. И она смогла найти к нему подход. Она не сможет быть только другом для Бориса, а если так, то зачем все?

Катя опустила голову, затем еще раз взглянула на портрет. И ей показалось, будто товарищ Сталин легонько кивнул, будто одобрил ее решение не искать Бориса, забыть, не ломать судьбу ни ему, ни себе.

Она развернулась и побрела вверх по Горького. Стало грустно и хотелось плакать. Словно рухнула какая-то светлая мечта, разбилась на мелкие осколки, и они ранили ее в самое сердце острыми краями.

11. Вербовка

После встречи с Борисом прошло более трех недель. Грусть постепенно развеялась. И даже когда Катерина играла Шопена, которого поначалу играть избегала, чтобы воспоминаниями не беречь душу, связь музыки с образом Бориса понемногу слабела.

С Ритой они встретились всего один раз. Никаких разговоров, намеков, тем более упреков по поводу визита Галеева не было. Она казалась такой же, как обычно, ироничной и прямолинейной. Про Бориса Катя не пыталась ничего выяснять. И вообще, их встреча была словно встреча давних друзей, пути которых разошлись и остались только воспоминания. Очарование Ритой и безудержное восхищение всем, что она делает, будь то голос, манера общения, наряды, экзальтация, ушли, и появилось чувство неловкости за те минуты, как тогда казалось, блаженства с ней. Что-то надломилось в Кате. Она сама не могла осознать, что произошло.

Иван Никитич опять отсутствовал. На этот раз командировка затянулась, и Катя даже немного заскучала. Она стала уделять больше времени музыке. И если раньше играла просто для удовольствия, то теперь, постоянно вспоминая совет Богемского не хоронить свой талант, усердно тренировала пальцы сложными этюдами и упражнениями, словно готовилась к конкурсу или концерту.

Все немного успокоилось. Стало размеренным и неспешным. В отсутствие Ивана Никитича Акулина приходила редко, пыталась несколько раз завести разговор о беременности, но Катя сразу пресекала его. Катерина чувствовала, что она снова беременна. На этот раз беременность не пугала, скорее, обязывала «соответствовать». Такого сильного токсикоза, как в первый раз, не было, и беременность казалась санаторным времяпрепровождением — спокойным и созерцательным.

Иван Никитич вернулся в начале сентября, уставший и задумчивый. Акулина с его появлением сразу наполнила кухню бурной деятельностью, запахами выпечки и стряпни. Катю это не раздражало, напротив, она была рада сырникам, пирожкам и умопомрачительным чебурекам, которые та готовила непревзойденно. Катя немного округлилась и чувствовала себя сытой уткой, высидившей яйца. Акулине был по душе проснувшийся аппетит Катерины, от этого сильнее разыгралось ее кулинарное вдохновение.

Она стала готовить затейливые пирожные, печенье, кексы, блинчики со всевозможной начинкой, получая удовольствие от Катиного удивления мастерством и вкусом блюд. Усевшись напротив, наблюдая за Катей, приговаривала: «Ты, дочка, ешь больше, тебе силы нужны. Уж больно ты худая. Ребеночка носить — силы нужны». Катя смущалась, но молчала. Она смирилась, что ее беременность уже ни для кого не секрет, и была даже рада, что не нужно ничего скрывать и таиться. Но выспрашивать советов у Акулины по-прежнему не хотела.

Не прошло и трех дней после приезда, как Галеев неожиданно спросил Катерину, когда будет премьера у Риты. Катя немного растерялась, совсем забыла, что они приглашены, да и удивил интерес Ивана Никитича к жанру оперетты, который совершенно не соответствовал его натуре.

— Не знаю, — отстраненно ответила Катя и подумала, что почему-то ее перестало тянуть к Рите.

— Ну, а чего в четырех стенах сидеть? Сходим, послушаем, приобщимся, так сказать, к культуре.

— Хорошо, я спрошу, — покорно согласилась Катя. Немного забавен был интерес Ивана Никитича к культуре, особенно музыкальной.

* * *

Рита вышла из театра около семи. Уже стемнело. Через несколько метров возле нее остановилась машина.

— Маргарита! — окликнул голос с заметным акцентом.

Рита остановилась. Это был Эндрю. Как всегда элегантный, в двубортном пиджаке и шляпе, похожий на чикагского гангстера времен Капоне.

— Я подвезу тебя! — Эндрю приветливо приподнял, здороваясь, шляпу, обежал машину и открыл дверцу. Рита несколько секунд раздумывала над случайностью его появления, но все же решила сесть в машину.

— Вы что, меня караулили? — спросила Рита.

— Не-е-ет! — широко улыбнулся Эндрю. — Ты опять говоришь мне «ви»? Я не теряю надежды, что ты согласишься выйти за меня.

— Ты же знаешь, что это невозможно.

— Нет ничего невозможного, если есть мечта! Ха-ха-ха! У тебя есть мечта?!

— Эндрю, у меня есть жених, которого я жду, — сухо ответила Рита. — Что ты тут делаешь?

— Ты мне не вьеришь. Я просто ехал и увидел тебя, — Эндрю посерьезнел. — Жених... Разве нам было плохо вдвоем? Такая девушка должна жить в роскоши, а не в этой ужасной стране... Я могу тебе помочь...

— Зачем ты мне все это говоришь?

Эндрю остановил машину и внимательно взглянул на Риту.

— Почему ты остановился?

— Я хочу предложить тебе бизнес.

— Что? Какой бизнес? Не дури мне голову, прошу!

— Это сделка, по-русски... У тебя будут деньги, много денег.

— У меня, скорее, будет большой срок, и деньги мне не понадобятся. Или мы едем, или я выхожу.

— Рита...

Эндрю недовольно мотнул головой. Полез в карман пиджака и достал фотографию.

— Тебе знакома эта дьёвушка?

На фото была Катя во всей нагой красе. Рита вздрогнула, подняла взгляд на Эндрю.

— Откуда это у тебя?

— Значит, ты ее знаешь, — он положил фотографию назад в карман.

— Откуда она у тебя?! — повысила голос Рита.

— Я ее купил. И купил еще одну... — Эндрю расплылся в улыбке. Он вытащил из другого кармана фотографию. На ней была Рита.

Девушка попыталась вырвать фотографию, но Эндрю жестко схватил ее за руку и отбросил на спинку сиденья.

— Сколько дают в СССР за порнографию?

— Что ты хочешь?

— Эта дьёвушка — жена генерала Галеева?

— Я не знаю, чья она жена, — резко ответила Рита.

— Не-ет... Ты знаешь. Тебе ничего не нужно делать. Помоги мне встретиться с ним.

— Так встречайся, я тут к чему?

— Ты должна... как это... понравиться ему, чтобы он тебя полюбил. Тебе же это не трудно? А потом ты познакомишь меня. Вот и все...

Рита задумалась. Раньше она не могла себе и представить, что ее, пусть и непристойный, но никому не несущий вреда приработок отзовется таким образом. В ее жизни было много случаев, когда от страха отнимались ноги, цепенело тело или до боли сжималось внизу живота. Она смотрела смерти в глаза, когда в июле сорок первого их поезд попал под бомбежку под Киевом, когда чудом их не сбросили с поезда какие-то ублюдки, промышлявшие разбоем, а она вступилась за старика, у которого они пытались отнять чемодан. Казалось, все те переплеты, через которые провела ее жизнь, закалили ее, образовался крепкий панцирь из опыта, цинизма, отваги, порой бесшабашности. Но сейчас она почувствовала, что пробрались к ее самому незащищенному, нежному месту. И полбеда, когда это касалось ее самой. Но она втянула в это Катю, глупенькую и романтическую девушку, которой так хотелось быть похожей на нее. Рита глубоко вздохнула.

— Если ты считаешь сделать из меня дешевую шлюху, то это не по адресу!

— Зачем дешевую? Дорогую, очень дорогую. Ведь тебе это ничего не стоит.

Эндрю пошловато хмыкнул.

— Какая же ты мразь... Еще замуж предлагал!

Американец продолжал улыбаться.

— Я и сейчас предлагаю! Ха-ха-ха! Ну, так чьто? Ты согласна?

— Замуж? Нет! А об остальном я подумаю.

— Рита, не нужно играть со мной, — посерьезнел Эндрю, — ты ответишь сейчас.

— И что если я соглашусь? Пятьдесят восьмая, прим один? Измена Родине?

— За секс не судят, даже в СССР.

— За что? — не поняла Рита.

— Секс... Когда люди делать любов, — американец дополнил сказанное пальцами, — понимаешь?

— Я соглашусь, но с одним условием, — ответила Рита после долгой паузы. — Эта девушка... Если ты станешь использовать ее в своих делишках...

— Это твоя девушка?

— Ты слышишь?! Это не твое дело! Ты сейчас должен мне сказать, что ты ее трогать не будешь!

Эндрю молчал с загадочной улыбкой, поднимая цену своему слову как можно выше.

— Ну?! — не выдержала Рита.

«Эх, будь я мужиком, придушила бы на месте эту гадину!» — думала Рита, с ненавистью всматриваясь в лощеное лицо американца.

— Хорошо, — ответил Эндрю, — всё будет зависеть от тебя.

— Отдай мне ее снимки!

— Но, но... это моя страховка, что ты будешь делать всё как надо.

— Получишь ты своего Галеева, — решительно сказала Рита, — а остальное — не моя забота! Поехали! Кто-то хотел довести меня домой.

Машина тронулась, оставив белое облако в сентябрьском студеном воздухе. Жизнь перевернула страницу, сделав невозможным что-либо исправить, стереть на прежней. Может быть, предложение американца и получило бы сразу от ворот поворот, но было одно обстоятельство, которое перевесило чашу весов в его пользу. Это обстоятельство — сам Галеев. Нужно было такому случиться, что мужем Кати оказался тот самый подполковник, с которым столкнулась Рита в Явасе. И как она не поверила интуиции этой девочки. Ни на секунду не усомнилась — не может такого быть! А оказалось — он это.

А ее Иван Никитич не признал, когда пожаловал с визитом. Да и немудрено. Столько лет прошло. Да и как тут признаешь, когда по пьяни в полутемном кабинете насиловал какую-то кулему в платке. А вот Рита сразу его узнала. Сразу, как только у дома остановился и из машины вышел, на глаза фуражку натянул. Но виду не подала, даже бровью не повела. И Кате ни гу-гу. А теперь месть разыграла. Да еще именно Галеев понадобился американцу, и именно Катины фотографии попали ему в руки. Продай Содомский их кому другому или уничтожь он пленку, что он обычно делал, как бы все обернулось? Но случилось так. Будто сам дьявол связал нити, тянущиеся от каждого человека, между собой в одну ему ведомую связку. Крепко связал.

* * *

Катя появилась у Риты через пару дней. Зашла тихая, чужая, глаза отводила, будто грех на ней какой. Да и Рите после всего, что произошло, тяжело было смотреть тем прямым, немного лукавым взглядом, который всегда нравился Кате.

— Как ты съездила? — глубоко вздохнула Катя. Спросила больше для порядку, чем из интереса. Обвела взглядом комнату с тоской. Присела на стул.

— Да как... Обычно, — нехотя ответила подруга. — Что с тобой?

Рита откровенно разглядывала Катю.

— В каком смысле?

— Да ты смотри, брюхо какое наела!

— Я беременна... — всхлинула Катерина.

— Боже! Опять?! Ты опять хочешь делать аборт?!

— Нет... Я решила рожать. Акулина говорит, нужно силы набрать.

— А ты что, собираешься бегемотика родить? Вон раздобрела, как кулебяка.

Катю начал душить смех. Почему-то стало жутко смешно. И из-за бегемотика и из-за кулебяки.

— Бе-беге-ге... ха-ха-ха! Бегемотика... Ха-ха-ха! Кулебяка! — вздрагивала Катя от хохота. — Бегемотик Галеев! Ха-ха-ха!

— Так, а когда кухарка стала для тебя авторитетом?

Катя растерялась.

— Зачем ты так? Она тоже человек!

— Не спорю, но когда Акулина стала для тебя ценным советчиком? Вот что я тебе скажу, Катюша, не превратись в клушу в застиранном халате и хронически беременную.

— Ты завидуешь?

Рита резанула взглядом.

— Так, ладно... Зачем приходила-то?

— Иван Никитич спрашивал, когда у вас премьера.

— Премьера? — повторила Рита, и по лицу скользнула еле заметная улыбка. — Ориентировочно второго. А что, генерал Галеев соизволит почтить нас своим присутствием?

— Да... Проснулся театрал... А что за спектакль?

Рита улыбнулась.

— Соловьев-Седой, «Самое заветное».

— Ты тоже играешь?

— А то... Хм... Зину...

— Здорово...

— Ну а Бориса ты нашла?

Катерина вздрогнула, опустила голову.

— Я пошла...

И направилась к двери.

— Ты влюбилась? Так так и скажи!

— А ты считаешь, он не достоин?! — с гневом ответила Катерина.

Рита пожала плечами.

— Кстати, о тебе Юрий, друг его рыжий, спрашивал. Все мечтает затащить тебя в свою банду. Ну, передам ему, что ты искала Бориса. Передать?

— Нет! — вспыхнула Катя.

— Ой... — уставшим голосом вздохнула Рита, — разберись сама для начала, чего ты хочешь, а потом спрашивай. А если это любовь, не обрезай ей крылья, лети, потом они не вырастут. Зайди в конце месяца, я контрамарки постараюсь достать.

12. Премьера

Премьера состоялась в канун открытия XIX съезда партии. Тема спектакля соответствовала духу времени: о колхозе, урожае, самоотверженности молодых колхозников, отдельных приспособленцах, которых потом наказывает жизнь, о любви и верности своему делу. Если драматический театр в выборе репертуара еще мог спрятаться за широкой спиной русского классика, то оперетта за спинами буржуазных Штрауса, Кальмана или Оффенбаха чувствовала себя неуютно. Она постоянно подвергалась критике за пропаганду «буржуазных пережитков», пошлость и легковесность. Видимо, критикам казалось, что в оперетте все еще витает дух театра-кабаре Зона, который по иронии судьбы находился рядом и напоминал о дурной славе этого места на пересечении Тверской и Садовой при старом режиме: кокотках, «нумерах», борделях и прочей «порнографии». А народу оперетта нравилась. Он любил ее. Как раз за легкость, понятность, незатейливость, доступный юмор, веселье, за то, что можно отвлечься от

сурового быта, пережитой войны, окунуться в атмосферу беззаботности и праздника, наблюдая за картинками чужой сказочной жизни.

Спектакль «Самое заветное» уже ставили в Ленинграде, но большого успеха он не имел. Поэтому было решено поставить его в Москве и приурочить премьеру к съезду партии.

Театр был окружен плотным кольцом любителей оперетты, выискивающих жадными глазами лишний билетик. Фасад театра украшало множество знамен, транспарантов с приветствием делегатов съезда, а над входом висел огромный портрет товарища Сталина.

«Победа» Галеева остановилась в переулке. Иван Никитич уверенно шел впереди, рассекая толпу, а Катя, пытаясь не отстать, семенила сзади, ловя на себе завистливые взгляды желающих попасть на премьеру.

Театр был шумен и заполнен до отказа. Катя с волнением окинула зал. Галеев, в парадном мундире, с орденской планкой, оказавшись в непривычном для него месте, заметно нервничал.

— Какой ряд-то?

— Двенадцатый.

Они пробрались на свои места. Рядом с Катей невозмутимой статуей сидела сухая, пожилая дама с биноклем на длинной ручке, в траурном платье. За чопорность и выскомерный вид Катерина с ходу дала ей прозвище — «графиня». Ее спутник, подвижный лысоватый старичок с бородкой-клинышком, в круглых очках, напротив, был похож на дедушку Калинина. Он беспрестанно вертел головой и услужливо докладывал спутнице о появлении знакомых.

— Миша Червинский... здесь, Эллочка. Он в бельэтаже с Сарочкой.

— А Василий Палыч? — не повернув головы, спросила дама.

Старичок пошарил взглядом по залу и с досадой доложил:

— Василь Палыча не вижу... может, он за кулисами? А может, не смог приехать... Хотя... Кацафа говорил, что бронировал для него гостиницу.

Катя внимательно прислушалась к разговору соседней пары. Они казались искусственными и заядлыми театрами, знающими исполнителей не по афишам, а лично.

— Стасик, от кого так разит «Шипром»? — довольно громко спросила дама.

Катя поняла, что речь идет о Галееве. Она бросила недовольный взгляд на даму, сидящую в той же неподвижной позе, и покраснела, будто надушилась сама. Старичок выглянул из-за дамы, извиняясь, улыбнулся и приставил трясущийся палец к губам. Катя опустила голову.

— «Шипром»? — спутник «графини» втянул несколько раз носом, улыбнулся Катерине и пожал плечами. — Нет, не чувствую. После насморка совсем перестал чувствовать запахи.

Наконец свет стал гаснуть, шум стихать, а в груди появилась тревожная радость. Занавес поднялся. Заиграли увертюру. Ярким светом вспыхнула сцена. Центральной декорацией было небольшое здание сельской почты, а фоном служило расписанное в виде колхозного пейзажа, с полями, тракторами и комбайнами, огромное полотнище. Запел хор, и представление началось.

— Стасик, не молчи. Что там? — неожиданно спросила дама.

Катя заинтересованно посмотрела на нее, затем на бинокль, который она продолжала держать в руках. Старичок бегло, но достоверно рассказывал, что происходит на сцене, описывал декорации. Неожиданно дама прервала старичка.

— Кому дали роль Тютюкина?

— Я же тебе говорил, Эллочка... Володину...

— Гришу уже совсем задвинули. Даже такой роли не дают.
— Ну что ты... Володин — прекрасный артист...
— А Гриша — великий артист! — повысила голос дама.
— Да-да, Эллочка, ты права, но что поделать, — старичок покачал головой, — все когда-то заканчивается...

— Это все Туманов. Это он хочет выжить Гришу из театра.
— Тише, дорогая, прошу... Иосиф Михалыч — замечательный режиссер...
— Не спорь со мной, — пресекала неподвижная дама.
— Да-да, дорогая... Но... — старичок украдкой взглянул на спутницу и часто закивал. — Хорошо, хорошо...

На сцене появилась главная героиня Настя и начала петь свою партию.

— Это Кудрявцева? — спросила «графиня».

— Совершенно верно, Эллочка...

— Она слишком скованна. Это оперетта, а не хор красноармейцев.

Катя посмотрела на артистку, и ей тоже показалось, что та зажата.

Генерал сидел с сосредоточенным видом, но когда на сцене появилась Рита, заерзал, оживился. Катя украдкой взглянула на супруга.

— Панова? — спросила дама.

Катя насторожилась. Было ужасно интересно услышать, что скажет «графиня» о Рите.

— Да, Эллочка...

— Хороша чертовка, хоть и стерва. Но талантливая стерва. Жаль, плохо кончит.

«Сами вы стерва!» — чуть не вырвалось у Кати, ошеломленной такой оценкой подруги.

Когда Рита закончила петь, Катя вскочила с места, с вдохновением захлопала в ладоши и нарочито громко, в пику «графине», стала скандировать:

— Bravo! Bravo! Бис!

— «Бисы» отменили, барышня! — не поворачивая головы, сухо отчеканила дама.

Катя замерла, удивленно уставившись на «графиню». Старичок угодливо сложил ладошки и умоляюще замотал головой, всем видом показывая, чтобы Катя не спорила с его спутницей.

— Почему?! — вырвалось у Кати. Ее возмутила не столько отмена «бисов», сколько слова «графини» о трагической перспективе Риты.

Старичок обреченно вздохнул и повинно опустил голову.

— Потому что превратили театр, — при слове «театр» «статуя» ожила и воздела руки, — в партсобрание! Эти горлопаны не понимают, как важно для артиста ощущение успеха, реакция зала!

— Эллочка! Прошу тебя... — старичок попытался перевести разговор на нейтральную тему. — Вот сейчас выход Шурочки Степановой...

— Я слепая, но не глухая! Я что, не слышу свою ученицу?

Катя вздрогнула и посмотрела на даму. Та с тем же непроницаемым видом продолжала «смотреть» немигающим взглядом прямо перед собой.

— Шурочка великолепна. Правда, дорогая?

— Почему вы сказали, что Панова плохо кончит? — не вытерпела Катерина.

«Графиня» лишь слегка приподняла левую бровь. После долгой паузы она ответила:

— Из-за своей дерзости. У нее хорошее лирическое сопрано, данное от природы. Ну и держись своей тесситурой. Так нет. Панова пытается без тренировки, с наскока оседлать «до» в четвертой октаве. Немыслимая дерзость!

— Но ведь ей это удается, Эллочка? — вставил старичок.

— Потому и говорю, что плохо кончит. Когда-нибудь сорвет голос из-за своей дерзости.

Катя с облегчением вздохнула и повеселела оттого, что речь шла не о судьбе Риты, а только о ее профессиональных особенностях. Скорее это был комплимент, чем критика. Катя улыбнулась, и грудь наполнилась гордостью.

Иван Никитич, сидевший вначале с мрачным видом, к концу спектакля повеселел, стал долго и воодушевленно аплодировать.

В целом спектакль Катерине понравился. Простые душевные лирические мелодии воспринимались легко и органично. Оркестр играл блистательно, актеры пели с вдохновением. Но что Катю разочаровало, так это то, что весь спектакль был пронизан нелепым, если не сказать глупым нравоучением. Да и тема спектакля была надуманной, лубочной, с чрезмерной карикатурностью персонажей.

— Ну вот, теперь и колхозники будут рады. Про них тоже есть оперетта, — заключила «графиня, когда спектакль закончился и зрители стоя аплодировали артистам и музыкантам.

Галеев и Катя поджидали у служебного входа. Галеев был в приподнятом настроении и насвистывал мелодию «Песни неженатого парня». Рита появилась в окружении нескольких девушек. Они весело переговаривались, смеялись, обсуждали спектакль.

— Рита! — окликнула ее Катя. Галеев приосанился, поправил фуражку. Рита оглянулась.

— Вы? Неожиданно...

— Поздравляю! Так было здорово! Спасибо! Иван Никитич предлагает пойти в ресторан, но я говорила, что ты, наверное, будешь отмечать со своими.

— Я не настаиваю... Поздравляю, — Галеев протянул букет белых хризантем.

— Спасибо! Отчего же! С удовольствием! Давайте в «Националь»?!

Галеев повеселел, даже ударил кулаком в ладонь. Словно удачу поймал. Катя, наоборот, вздрогнула и потупила взгляд.

— «Националь»?.. Там, наверное, мест не будет...

Она испугалась и подумала, что может повстречать там Бориса.

— «Националь» так «Националь». Поехали! — пресек Иван Никитич всякие сомнения. — Появятся места.

Он махнул рукой, и через минуту подъехала новенькая «победа». Иван Никитич учтиво открыл дверцу и, усадив дам, сел впереди.

— В «Националь», Скворцов! — бодро скомандовал Галеев.

Ехали недолго. Все молчали. Катя держалась скованно, Галеев вообще говорунгом не был, а сейчас испытывал неловкость, боясь показаться неотесанным болваном, рассуждающим об оперетте, о которой не имел ни малейшего представления. Рита время от времени поглядывала на Катю и соображала, что «задание» Эндрю может начать выполняться уже сейчас. Но она не хотела быть простым исполнителем чужой воли. Все, чего она хотела, — это наказать генерала, сделать ему больно, а не участвовать в грязных делах американца, понимая, что за это светит гораздо бóльшая кара, чем разбор ее персонального дела на парткоме или изгнание из театра.

— Как вам спектакль, товарищ генерал? — прервала тишину Рита.

Галеев встрепенулся.

— Мне очень понравилось! Особенно как того хлыща отвадили, правда, Катерина?!

— Клякушева.

— Да-да, здорово! Жизненно все так...

— Да, мне тоже очень понравилось, — задумчиво ответила Катя и коснулась руки Риты.

Рита перехватила ее руку и сжала ладонь. Катя удивленно взглянула на подругу. Та смотрела на нее грустным, обреченным взглядом. Так смотрела мать, когда провожала в Москву. Слова «графини» все еще тревожно звучали в ушах.

— Правда! — спохватилась Катерина, подумав, что ответ мог показаться неискренним. Мыслями она была в «Национале», где могла встретить Бориса.

В ресторане был аншлаг. Швейцар с подобострастием объяснял Галееву, что мест нет, потом появился администратор. Невысокий лысоватый мужчина с розовым и гладким, как у младенца, лицом, виновато разводил руками. Галеев мрачнел, выслушивая доводы администратора, и, будто соглашаясь, кивал.

Катя и Рита стояли в стороне у гардероба, наблюдая за разговором. Катя была рада, что мест нет, и с облегчением вздохнула.

— Нет, Филиппок не пустит, даже за большие деньги. Видно, и правда мест нет, — обреченно подытожила Рита, — придется искать другое место.

В этот момент Галеев обернулся, словно услышав Риту, посмотрел на девушек, а затем взял администратора за рукав и придвинул ближе к себе, что-то шепча ему на ухо. Лицо администратора стало вытягиваться, а лысина побагровела. Он испуганно закивал и скрылся в зале.

— Хм, интересно, что ему сказал твой генерал? Наверное, пригрозил, что познакомит с природой Красноярского края.

— Зачем ты сказала про «Националь»? Полно других ресторанов, — расстроилась Катя.

Иван Никитич с торжествующим видом подошел к девушкам.

— Ну что? Давайте раздеваться.

Катя самостоятельно сняла плащ и передала его гардеробщице. Рита же не спеша расстегивала плащ, одной рукой удерживая букет, и поглядывала на Галеева, давая понять, что ей нужна помощь. Галеев тут же подскочил и помог ей раздеться.

— Спасибо, товарищ генерал, — томно произнесла Рита, улыбнулась и взглянула на Катю, словно укорила подругу: а за тобой-то не поухаживали.

Рита была в ярком красном платье с черной отделкой и широким черным лаковым поясом, охватывающим ее тонкую талию и подчеркивающим бедра. Катя перехватила взгляд Галеева. Тот буквально пожирал глазами подругу. И отметила, что теперь Ивана Никитича не смущали ни яркая помада, ни косметика Риты.

Появился администратор.

— Прошу вас, прошу вас, проходите, — залебезил Филиппок, — очень рад вас видеть, — обратился он к Рите, которая первой направилась в зал, — столик возле эстрады. Извините, просто такой день...

Катя с похоронным видом ждала, пока Галеев возьмет номерки, и не спешила в зал.

— Ну чего ты опять накуксилась? — вполголоса спросил супруг.

— Нехорошо как-то...

— Может, домой поедешь?

Катерине бы ухватиться за эту возможность и не испытывать судьбу встречей с Борисом, в которую она уверовала, но стало обидно за взгляд Риты, за откровенный интерес Галеева к подруге, и захотелось сделать назло — сидеть и отравлять своим видом праздник.

— Нет, пройдет... Уже прошло.

Огромный зал встретил ярким светом, белоснежностью скатертей «в пол» на круглых столах, гомоном публики и звоном приборов. Катерина остановилась и оглянула зал. Оркестра не было.

— Прошу, вот за тот столик, — суетился Филиппок. Рита была уже возле столика и махала рукой. Катя выдохнула и направилась к ней.

Все расселись. Официант, молодой человек с порочным лицом и надменной улыбкой, принес меню. Галеев, не дожидаясь его изучения, заказал шампанское и коньяк.

— А что вы сказали администратору, товарищ генерал? На нем не было лица. Галеев смутился.

— Просто попросил посмотреть внимательнее.

Буквально через несколько секунд появился официант и принес спиртное. Бутылка шампанского в небольшом блестящем ведерке с хрустящей накрахмаленной салфеткой и коньяк в пузатеньком графине. Он, ловко откупорив бутылку шампанского, налил сначала Рите, а затем Кате. Когда он занес бутылку над фужером Галеева, тот дал знак, что не будет, и потянулся за коньяком.

Первый тост был за премьеру. Галеев говорил сухо, недолго, но довольно искренно, без слащавой восторженности и желания произвести своим комплиментом впечатление на Риту. Она слушала внимательно, но, казалось, думала о другом.

— Спасибо, товарищ генерал, — улыбнулась в конце тоста, — мне приятно.

— Ну что вы все... «товарищ генерал»? Иван Никитич я. Не на службе, поди.

— А мне нравится к вам так обращаться. Вы не против?

— Да... нет... — мотнул головой Галеев.

— А мы с вами нигде не встречались раньше? — добродушно спросила Рита.

Катя насторожилась и только переводила взгляд с супруга на подругу.

— Нет, что вы... Я бы вас запомнил. У меня хорошая память на лица. Да и где бы мы могли встретиться? Я в Москве-то месяца четыре как, да и то половину в командировках. В театры-музеи не ходим, правда, Катерина?

— А до Москвы где?

Галеев запнулся. Катя тревожно посмотрела на Риту, не понимая, для чего она спрашивает.

— До Москвы? До Москвы в Мордовии. А что, Катерина не говорила? Мы ж с ней там и познакомились, а потом я сюда ее привез.

— Ах, да! — всплеснула руками Рита. — Память девичья. Ну конечно. Я все никак не привыкну, что вы Катюшин муж.

Принесли закуску. Разговор на некоторое время умолк. А еще через несколько минут на эстраде появились музыканты.

— О! Музыка, — радостно воскликнула Рита.

Галеев, сидящий спиной к эстраде, оглянулся. Катя вздрогнула, зажмурилась и стала повторять про себя: «Господи, Господи». Когда она открыла глаза, на сцене у стены стоял Борис и держал контрабас. Она смотрела на него, как на видение. Это был ее «Шопен». Те же грустные огромные глаза, тот же смущенный взгляд, длинные выющиеся темные волосы, тонкие длинные пальцы на грифе контрабаса.

У Кати начали неметь руки, а от головы отхлынула кровь, в глазах потемнело. Хотелось в ту же секунду вскочить и убежать, но ноги сковало ледяной глыбой. Она опустила голову и закрыла глаза. Рита заметила перемену и посмотрела на сцену. Они встретилась с Борисом взглядами. Борис еле заметно кивнул, а на лице Риты застыла ухмылка. Галеев увлекся осетриной и душевных терзаний жены не заметил. Только когда налил дамам шампанского, а себе коньяку и поднял стопку, чтобы чокнуться, увидел бледное лицо Катерины.

— Что опять? — недовольно спросил Иван Никитич. — Плохо, что ли? Бледная вон вся!

Оркестр заиграл миллеровский «Лунный свет», и Катя услышала низкие звуки контрабаса, гулко отзывавшиеся ударами ее сердца: «Бу-бум, бу-бум». Она набрала воздуха и украдкой взглянула на Бориса. Затем перевела взгляд на Галеева.

— Нет, ничего. Я, пожалуй, пойду... поеду домой, — еле слышно произнесла Катя.

— Как жаль, — произнесла Рита таким тоном, словно только и ждала этой минуты, и тем самым пресекла возможность передумать и остаться.

Галеев скривился, мотнул головой.

— Скворцов отвезет. Пошли.

Галеев встал.

— Я сама. Извини меня, Рит, так не кстати.

— Ну что ж поделаешь... — изобразила сожаление Рита.

— Скажешь Скворцову, за мной пусть не приезжает, сам доберусь. Может, проводить?

— Нет, нет, — натянула улыбку Катя и еще раз посмотрела на Бориса. В его глазах, ей показалось, были мольба и разочарование. Она направилась к выходу, но ноги не слушались. Катя чувствовала его взгляд. Она прошла несколько метров и чуть не упала, оступившись, удержалась за спинку какого-то стула. Подскочил Галеев. Больно схватил ее под руку и буквально поволок за собой.

— Что ж ты потащила в ресторан? Мало того, что квелия, так еще и сидишь с похоронной мордой, — прошипел Галеев. Он помог ей надеть плащ и проводил до машины. — Надо тебя доктору показать.

— Отвези ее домой, и свободен. Я сам, — распорядился он у машины.

Когда Галеев вернулся в зал, Рита сияла и была ослепительно красива.

— Надеюсь, с ней все нормально? — участливо спросила она.

— Пройдет, — нехотя ответил Галеев.

Рита улыбнулась и подняла бокал.

— А давайте выпьем за знакомство?! У меня никогда не было знакомого генерала, только подполковники какие-то!

Галеев засиял. Он начал делать неуклюжие комплименты, говорил банальности, но Рита принимала все с видом дурочки, кокетливо смеялась и нарочито смущалась. Не оставалось сомнений, что Иван Никитич крепко решил приударить за «актриской». Рите не понадобилось прилагать никаких усилий. Галеев, как дрессированный пес, сам притащил в зубах поводок и истово лупил себя хвостом, просясь на прогулку.

Вечер подходил к концу. Галеев размечтался о продолжении. В его словах появились недвусмысленные намеки на «холодную постель» и одиночество. Если раньше Рита легко уходила от навязчивых ресторанных поклонников, то сейчас требовалось не просто ускользнуть, а притушить пыл и дать понять, что все возможно, но потом, сохранить интригу, не разочаровывая Галеева в его грезах. Нужно было придумать какую-то вескую причину. Оркестр уже закончил играть. Рита проводила взглядом Бориса. Галеев в это время развил бурную деятельность. Он попросил официанта принести еще бутылку шампанского, «с собой», поймал администратора и что-то настойчиво тому объяснял. Филиппок кивал и «понимающим взглядом» поглядывал на актрису. Слишком уж резв был генерал. Рита вертела фужер и судорожно соображала, что бы предпринять. Галеев уже похлопал Филиппка по плечу, что означало — дело в шляпе. Он довольно поглядел на подругу жены, и тут подскочил официант с бутылкой шампанского. Внезапно раздался крик Риты. Галеев резко обернулся и увидел, что девушка вскочила из-за стола, а из поднятой вверх ее руки сочится кровь, стекая на белоснежную скатерть. Он кинулся к ней.

— Что случилось?!

— Ай! Как больно!

— Как же так?! — с досадой произнес генерал.

— Фужер чуть не упал, я его схватила, а он... Ай!.. лопнул!..

Рита не рассчитала — рана оказалась глубокой. Она посмотрела на ладонь и побледнела. Бросило в пот.

— Черт! — выругался Галеев не столько из жалости к девушке, сколько из-за расстроенных планов. — Администратор! Тут есть аптечка?! — рявкнул генерал.

— Тут в медпункт нужно... Ай! Как больно...

Пришлось Риту вместо гостиничного номера сопровождать в медпункт, а затем домой. Возле дома они попрощались. Любовный порыв Галеева утих, и он казался кротким и уставшим.

13. Разлучница

На город опустилась осень. Холодная и промозглая. Она забиралась под одежду, заставляя ежиться и реже выходить на улицу. Чем закончился вечер в ресторане, Катя не хотела знать. Была обида на Риту, что та вела себя, как Лова, пошлая вертихвостка, словно Галеев не ее законный супруг, а подвыпивший поклонник из ресторана. Была обида и на самого Ивана Никитича за грубость и нескрываемый интерес к Рите. Настроение было под стать погоде. Она тихо грустила, растравляя душу меланхолическими этюдами и наполняясь обидами.

Катя стала чаще засиживаться с Акулиной на кухне, помогала по хозяйству, спокойно выслушивала нравоучения и советы, уже не пререкаясь. Иван Никитич, напротив, домой не торопился. Перестал приезжать на обед, да и после работы часто задерживался.

— Не нравится мне все это, — посетовала Акулина, прервав тишину, когда они сидели на кухне и сосредоточенно лепили пельмени, — есть у него кто-то. Чую, есть.

Катя оторвалась от лепки и подняла глаза.

— О чем вы?

— О чем, о чем... Меня не проведешь. Говорила тебе, поласковой будь с мужиком-то, и тебе воздастся. Дичилась все, вот и получи теперь.

— Да о чем вы, Акулина Трофимовна, в толк не возьму?!

— Завел себе кого наш-то. Осьмый час, а его нету. Не бывало такого ране. Вот долеплю и пойду я. Боюсь, не смолчу. И зубов не жалко, не смолчу. Вот же кобель...

— Почему вы сразу об измене думаете? Он и раньше задерживался, служба у него. Вы же сами говорили — он всего себя на службе женил.

— Э-эх... — махнула на Катю Акулина, — простокваша! Третьего дня, — Акулина перешла на шепот и заговорщицки приблизилась к Катерине, — рубашку чистую попросил.

— Ну и что?

— А то! Я утром ему только чистую дала, а ему другую подай, еще чище! Потом еще. Он-то «Шипром» все душит, а тут чую, запах незнакомый, и постригся... И вообще... Я ж вижу, марафетится вон...

— Всему есть объяснение, — сопротивлялась Катерина, борясь больше с собственными подозрениями, чем Акулиными, — в парикмахерской не было «Шипра»...

— Объяснения? Баба у него, вот и все объяснения! Смотри, вот оставит тебя с брюхом... попоешь — поиграешь...

Катя задумалась. Все это очень хорошо ложилось на случай в «Национале». А что если это Рита? Тут вспомнилась и история с Сомовым, и жадный взгляд Галеева в гардеробе ресторана, и беззаботный, игривый смех Риты. Голова закружилась. Она встала, но, почувствовав, что в глазах все поплыло, села опять и застыла с удивлением и испугом на лице, с бедою в глазах.

Акулина внимательно посмотрела на Катю.

— Ты вот что. Я приворот один знаю. Травку одну... найти надо. Папаньке мому давали...

— И что? — вышла из ступора Катя и спросила со скепсисом: — Отвадили его?

Акулина отвела взгляд.

— Ну... — махнула Акулина, — того горбатого, может, и могила-то не исправила, бегаает, поди, по пеклу, причиндалами размахивает... А этот-то нормальной! Может, сработает?

— Нет. Надо все выяснить у него, а не заниматься колдовством, и если это правда — я уйду.

— Ой-ой! Уйдет она! От генерала... из хором таких... Дура ты, девка, я скажу. За такого мужика бороться надоть. В партейный комитет, к начальству иди. Как же это? Уйду? Ему там холку быстро намылят. Глядишь, образумится. Но приворот все одно нужен...

Тут звякнул замок, и Акулина, резко замолчав, засобиралась.

Иван Никитич пришел в хорошем расположении духа, привычно обозначил свое возвращение традиционным: «Ну, что тут?» — и заглянул на кухню.

— О! Пельмени! «Закурю-ка, что ли, папироску я, мне бы, парню, жить да не тужить...» — промурлыкал Иван Никитич. С некоторого времени Галеев стал напевать песню Вани из «Самого заветного», когда было хорошее настроение, а настроение у Ивана Никитича последнее время заметно улучшилось. — Чего сидите, как мыши? Меня обсуждаете небось? Ха-ха, — пошутил генерал.

— Я сейчас воду поставлю. Тебе сколько, Иван Никитич? — вскинулась Акулина.

— Не суетись, не голодный я, перекусил... на работе.

Акулина и Катя переглянулись. Акулина многозначительно кивнула. Катерина резко попыталась выскочить из кухни, но Иван Никитич схватил ее за руку. От него пахло спиртным и одеколоном, запах которого действительно был незнаком.

— Ты куда?! Муж на порог, а ты...

— Тошнит меня, — соврала Катя и грубо отбросила руку мужа.

— Ишь... Тошнит ее... Завари-ка мне чайку, Акулина!

Она провела недовольным тяжелым взглядом по Ивану Никитичу, поджала губы и молча стала готовить чай.

— А ты чего не в духе? — заметил недовольство генерал. — Тоже тошнит? Ничего... проблюетесь, и пройдет.

Акулина быстро заварил чай, собрала стряпню и молча, не прощаясь, ушла.

Не думала Катя, даже в страшных снах, что когда-нибудь придется ревновать, да и кого? Галеева? Человека, с которым жила больше из страха, человека, с которым не было ничего общего. Сейчас же вынуждена смотреть в потолок и в клочки рвать себе сердце, представляя, как он вьется вокруг Риты, целует ее, касается ее тела. Может, если бы Галеев загулял с незнакомой женщиной, было бы не так больно.

Всю ночь ворочалась Катерина, рисуя картины измены, одну порочней другой. К утру кошмар развеялся, то ли оттого, что устала себя пугать, то ли потому, что решила объясниться и не изводить себя пустыми домыслами.

«И будь что будет. Пойду работать, получу общежитие, да и не поздно аборт сделать. Опыт уже есть. В конце концов, вернусь к маме. Не прогонит», — подбадривала она себя.

Вследить Риту с Галеевым она задумала сегодня же. И решила, что будет лучше проследить сначала за Ритой, а Галеев, если изменяет с ней, появится сам, и тогда все станет понятно.

Катя повязала платок, закрыв пол-лица, надела свое старое тяжелое пальто и отправилась на Солянку. Было около девяти. Боясь пропустить важный момент, она пришла пораньше и прохаживалась взад-вперед по улице на приличном расстоянии от дома Риты. Прошло около полутора часов бесплодных наблюдений, когда за спиной раздался шум мотора. Катя оглянулась. Это была «победа» Галеева.

Еще через несколько минут, тянувшихся изматывающе медленно, из дверей дома появилась Рита. В легком бежевом пальто и туфельках на высоких каблуках, торопливо процокала к машине. Чем ближе она подходила к машине и замедляла шаг, тем убедительней в ушах звучали слова Акулины: «Баба у него, баба у него». У машины Рита остановилась, из нее вышел сам Иван Никитич.

Точка была поставлена. Катя судорожно соображала, что теперь делать и как справиться с невыносимой обидой, переходящей в ненависть прежде всего к Рите. Она бежала домой и представляла, что будет делать в первую очередь.

«Дрянь! Какая дрянь!» — кляла подругу Катя. Хотелось обозвать ее еще грубее, грязнее, но она отмахивалась от них, не желая не иметь ничего общего со словами, которые произносит эта порочная девка. Уж лучше так, как называл ее Галеев, — лярвой и актриской.

— Да! Актриска! Актриска! — твердила Катя, задыхаясь от ненависти.

Она скинула с головы платок, подставляя лицо холодному ветру. Хотелось так бежать куда глаза глядят и потом упасть. Замертво. Замерзнуть или утонуть.

Катя не заметила, как оказалась около своего дома. Серая громадина теперь казалась чужой и отвратительной. Совсем недавно она восторгалась архитектурными деталями, монументальностью и величием. Совсем недавно льстило, когда Рита подшучивала, называя ее дом дворцом. А сейчас в холодной туманной дымке возвышался зловещий силуэт мрачного замка, в котором обитает людоед. Она поняла, почему Борис тогда так поспешно ушел. Он чувствовал то же, что чувствует она сейчас, — страх и ужас, смешанный с безысходностью.

— Катерина Дмитриевна? — раздался сзади знакомый голос. Спросили тоном, словно поймали за чем-то непристойным. Катя оглянулась. Это был Доценко. На плечах бывшего капитана золотом красовались новенькие майорские погоны. С тех пор как она видела его последний раз, он сильно изменился. Лицо стало землистым, скулы заострились, левую бровь разделял шрам, задирая край вверх, отчего казалось, будто он удивлен. Задорные ямочки на щеках превратились в страдальческие складки. Нос, некогда прямой и аккуратный, искривлял безобразный перелом. Что осталось неизменным — это надменная и похабная ухмылка.

Вот уж кого Катя не ожидала встретить в такую минуту. Она бросила короткий взгляд на Доценко и отвернулась, собираясь уйти.

— Да не дрейфь, генеральша! Я хворых не трогаю...

Катя метнула взгляд, полный ненависти.

— Ты, видно, и генералу-то не шибко даешь, что он налево... ха-ха... пошел? Да как пошел...

— Не смейте говорить мне мерзости! Оставьте меня!

Катя заторопилась к дому. Доценко увязался за ней.

— А ты, генеральша, не ерпенься. Мне врать никакого резону нету. Смотри, как бы другую генеральшу в дом не привел. Потом будешь нежиться... в корыте общаговском...

Катя почти бежала. Только когда она вскочила в подъезд, Доценко отстал. Стремглав пронеслась мимо вахтерши, взбежала на этаж, словно майор продолжал гнаться за ней. Запыхавшись, она вбежала в квартиру и без сил прислонилась к двери. Быстро разделась и скрылась в ванной. Тут она уже дала волю слезам. Рыдала громко, с отчаянием, не стесняясь и не сдерживаясь.

Акулина подошла к двери, прислушалась. Затем постучала. Катя затихла.

— Ты, это, Катерина, открой! Не балуй там! Слышь, чо скажу?! Нету такой беды, которую пережить нельзя. Вон и войну пережили, а уж беда-то какая была! Ты открой, я чё скажу!

Катя открыла не сразу. Проглотив слезы, вышла из ванной и направилась в свою комнату, не обращая внимания на слова Акулины, шедшей следом. Она достала свой фанерный чемодан, с которым приехала в Москву, и, блуждая глазами по комнате, соображала, какие вещи необходимо собрать прежде всего.

— Ты чего удумала?! — преградила путь к чемодану Акулина. — Не дури, девка! Погуляет и вернется! Сама виновата, волчонком смотришь, как бы от тебя кусок не отвалился. Вот мужик и пошел в пляс!

— Я не останусь тут! Пустите! — Катя попыталась сдвинуть с места Акулину, но только сама отскочила. Она бессильно всплеснула руками. — Я и так уйду!

Катя метнулась из комнаты, но кухарка прытко преградила дорогу. Катя попыталась оттеснить ее, но тут пришел черед Акулины проявить силу. Она с легкостью отшвырнула Катерину от двери, да так, что та, пробежав в конец комнаты, плюхнулась на кровать. Глаза были полны растерянности. А дыхание перехватило от такой выходки.

— Что вы себе позволяете?! Немедленно убирайтесь из моей квартиры!

— Вот! Так-то лучше. Можешь даже меня по матери отправить, ток я не уйду! Чего удумала... малахольная...

— Не смейте меня называть малахольной! Не смейте! — зарыдала Катя.

Акулина села рядом и обняла девушку. Катя пыталась сопротивляться, но из крепких объятий было не вырваться.

— Судьба наша бабья такая — ждать да терпеть, — спокойно и умиротворенно произнесла Акулина. — Ну куда ты пойдешь из сваво дома? С ребятенком-то? Поди, пятый месяц пошел?

Катя замотала головой, растирая по щекам слезы.

— Второй...

— Как второй? — встрепенулась Акулина. — А-а-а, — осенила ее догадка, — грех-то какой... мне бы, дуре, раньше догадаться. На аборт пошла?

Катя кивнула.

— А-а-а... — втянула воздух Акулина и закрыла ладонью рот. — Вона как... Ну, что сделано, то сделано, благо, что бесплодной не оставили. А Иван Никитич-то знает?

Катя всхлипнула и помотала головой.

— Ну и славно. Это какой бы удар для него был. Он так ребеночка хочет...

— Вы издеваетесь?! Так хочет, что предал его мать?!

— Вот что я скажу... Ты нервы-то побереги. Мужик на то и мужик. Его задача — детей делать, а нам, бабам, рожать. А для Ивана-то Никитича это дело болезное. Дочку-то свою первую потерял.

— Какую еще дочку? — удивилась Катя.

Акулина сжала губы, немного подумала и махнула рукой.

— Вот язык... помело. Ладно. Была у него дочка. И жена была. Дочке, наверно, было б, как тебе сейчас. В Витебске они жили. А война началась, Иван Никитич эвакуацией занят был. А свою семью-то не сберег. Пропали они без вести. Может, в плену, может, там убили — не знаю. Оттого он и суров так, боль до сих пор держит. Потому и говорю я, потерпи. Родишь, он на руках носить станет, пылинки сдувать. Погуляет... С кем не бывает.

— Просто как у вас все, будто я собачка комнатная.

— А ты и будь проще. Вот кабы узнать, с кем он любовь-то закрутил? — прищурилась и задумчиво растянула Акулина.

— И что с того? — насторожилась Катя.

— Патлы бы ей повыдергала! Вот что! Чтоб не зарилась на чужое добро!

— Говорите, будто он теленок не смысленный.

— А то! Мужик — он такой! Правильно сказала, что телок. Любую сиську сосать готов, только помани, только подставь. Бороться за мужика надо. Ты смотри. Не калека, не пьянчуга. Генерал! Дом — полная чаша. Сколько баб одиноких мыкаются, скольких мужиков война забрала. Иная и на калеку согласна, чтоб только мужик был.

— Вы рассуждаете, как при царском режиме. Домострой какой-то.

— А ты про жизнь много знаешь! Домострой... — оскорбилась Акулина. — Надоть сыскать эту девку, и чем раньше, тем лучше, а то еще обрюхатит, тогда пиши пропало.

Катя задумалась. Она-то знала, что с беременностью у Риты неблагополучно, и это, с одной стороны, хорошо, но кто знает, вдруг у Ивана Никитича семья такое пронырливое, что и бесплодную оплодотворит.

«И действительно, почему я должна сразу сдать и бежать, все бросить и оставить этой актриске? Нет, нужно пойти к ней и потребовать, чтобы она прекратила с ним встречаться, — настраивала себя Катя. — Сегодня же пойду и выскажу все, что думаю о ней!»

— Я найду ее, — решительно сказала Катя.

— Вот и молодец! — похвалила Акулина. — Если что, ты меня зови, уж я ей... — кухарка сжала кулак и помахала перед носом.

По дороге к театру Катя репетировала про себя, с чего лучше начать, и подбирала слова, чтобы не выглядеть растерянным щенком. И все же было страшновато. Уж какая Рита бойкая на язык и какая находчивая, она знала. Но она не будет с ней сражаться в находчивости. Только скажет, что она предательница и актриска, развернется и уйдет. И не будет выслушивать ее объяснения.

«А что если ее будет встречать Галеев?» — Катя остановилась и задумалась.

Выяснять отношения еще и с Иваном Никитичем не было сил. Да и не стала бы. Боязно и может привести к обратному. Обозлится еще.

Она свернула в переулок, к служебному входу, откуда обычно выходили артисты и сотрудники театра, и стала ждать. Тут можно было укрыться, если вдруг подьедет супруг, да и с Ритой не разминутся.

Через полчаса из двери вышли несколько человек. Катя пристально всматривалась, но Риты среди них не было. Вдруг с главной улицы донесся звук тормозов. Катя прошмыгнула в укрытие, темный и сырой вход в какой-то полуподвал, и спряталась. Ее сковал страх. Катя вжалась в стену. Послышались шаги, но не было слышно цоканья генеральских «подковок».

«Трусиха! Почему тебе везде мерещится Галеев?!» — выругала себя Катерина и украдкой выглянула из укрытия. Спиной к ней стоял незнакомый мужчина в добротном пальто и широкополой шляпе. Он закурил и неожиданно оглянулся. Катя резко спряталась. Послышались еще одни шаги, более легкие, торопливые, женские.

— Что ты тут делаешь?! — донесся тревожный голос Риты.

— Я жду тебя, — ответил незнакомец.

«Американец? Эндрю?» — вспомнила Катя ту встречу в «Коктейль-холле».

— Зачем?

— Не люблю, когда меня водят за нос.

Эндрю посмотрел по сторонам и, схватив Риту под руку, затащил ее в Катино укрытие. Катя вжалась в угол. Она заметила только часть спины американца, пытающегося увлечь Риты вглубь. Он был так близко, что Катя чувствовала запах его одеколона вперемешку с табаком.

— Перестань! — крикнула и вырвалась Рита. — Что ты хочешь? Смотри, какой скорый, прям литерный! Не надо меня торопить! Это у вас, может, там все быстро делается, как у кроликов! Я тебе сказала? Жди!

— Мне кажется, — продолжал спокойно американец, — ты не понимаешь всей серьезности положения.

— Креститься надо, когда кажется! — зло отшутилась Рита.

— Почему? — растерянно спросил Эндрю.

— Почему, почему... По качану, — передразнила Рита его акцент.

Катя укусила себя за губу, чтобы не засмеяться.

— Я не понимаю твоих шуток.

— И не надо. Я тебе сказала, сама дам знать, и нечего меня в подворотнях караулить!

А то смотри, передумую!

Рита резко развернулась, и Катя услышала, как споро удалялись ее каблучки.

— Whoe, — выругался Эндрю и ушел.

Катя глубоко вздохнула. Вышла не сразу, только когда услышала, как завелась и тронулась машина. Она выглянула из-за угла. Рита шла по тротуару метрах в двухстах. Катя направилась за ней.

Этот нечаянно подслушанный разговор расстроил все планы. Было все просто — обида, граничащая с ненавистью, желание швырнуть в лицо что-нибудь оскорбительное и удалиться. А теперь закрадывались сомнения, переживания и даже жалость к Рите. Может, это какая-то игра? Если бы она хотела отбить Галеева, зачем тогда отговаривала ее от развода? Что ее связывает с американцем? Она была его любовницей? Если он так настойчив, значит, она дала ему повод?

Катерина шла за Ритой. Хотелось догнать, испугать неожиданным появлением. Но был страх перед ней, перед ее взглядом. Так Катя дошла до Солянки, преследуя подругу на почтённом расстоянии. Рита скрылась в подъезде своего дома. Катерина долго боролась со своими сомнениями, но все же убедила себя закончить все сегодня же, освободиться от груза подозрений, неопределенности, вязкой мнительности, чтобы стало просто и ясно, как раньше.

14. Борис

Рита долго не открывала. Думалось бог знает что. От простого нежелания кого-то видеть до того, что она там не одна... с Галеевым. От этой мысли решимость угасла, и Катя уже собралась уйти, когда на пороге показалась Рита.

— Ты?! День сюрпризов какой-то... Что за вид? — несколько брезгливо осматривала Катю подруга, словно та была заразна, — ты что, сторожихой на фабрику устроилась?

Катя молчала долго, медленно наполняясь ненавистью, и ее вид, и слова Риты только способствовали тому. Катя жестко, не мигая смотрела в глаза соперницы, как та же и учила, — до ожога. Рита несколько смутилась, отвела взгляд. Она казалась уставшей и не в духе.

— Ну, проходи, коль пришла.

Катя вошла в комнату, скинула с головы платок и остановилась посередине.

— Я все про тебя знаю, — начала она спокойным и ровным тоном, — и про твои шашни с моим мужем, актриска!

— О как?! — не ожидала Рита. — Да... сегодня день сюрпризов...

Катя жгла ее взглядом, по крайней мере, ей этого хотелось. Дальше мысли спутались в ком, подступивший к горлу, и мешали что-либо произнести. Оставалось только передавать ненависть взглядом. Да и тот через несколько секунд предательски поплыл, наполняясь слезами.

— Предательница! Предательница! — Катя кинулась с кулаками, уже не сдерживая слез и не пытаясь «прожечь». — Ты мерзкая предательница! Я все знаю! Никогда не думала, что ты будешь моей соперницей! Ты предала все! Мерзавка!

Звонкая и хлесткая пощечина буквально заморозила ее. Она застыла в удивлении и непонимании, что произошло. Схватила за щеку. Щека горела, как от крапивы. Она беззвучно открывала рот, хватая воздух, ошарашенно пытаясь понять, что это было.

— Прекрати истерику! Знает она...

— Меня... никто... никогда... Как ты посмела... — задыхалась от ненависти и беспомощности Катя.

— Никогда по морде не получала? Жизнь еще не такую оплеуху отвесит. Соперница... Твою мать! Какая ты соперница? Дурочка малахольная... Что ты знаешь?

Катю трясло, а Рита, напротив, была собранна, спокойна. Она достала папиросу и закурила.

— А... ревность душит? Ты же сама уходить хотела, сопли тут на кулак наматывала, рассказывала, как ты его не любишь, что жить с ним не хочешь. Теперь что, любовь разгорелась? Или это банальное бабское «мое»? Мой! Мой пришел! Мой! И плевать, что фингал залепил, плевать, что на чужую попу зарится! Мой! Мое! Не будь дурой! Акулина небось настропалила? Чую руководящую роль...

— Я от тебя этого не ожидала... Сама говорила... с женатыми не сплю... Лгунья... — тихо произнесла Катя, держась за щеку. Она еще хотела назвать ее с...й, но слово прилипло к языку, а лицо исказилось болью, — прощай...

Катерина развернулась и собиралась выйти. Рита преградила ей дорогу.

— Да? А что ты ожидала? Что разрыдаюсь и буду валяться в ногах, молить о прощении?! — Рита глубоко затянулась, отвела взгляд. — Да не было у меня ничего с твоим Галеевым! Подурчиться решила, а он хвост и распушил. Ты думаешь, если мужик решил в блуд податься, тебе с соперницами нужно воевать? Фигушки! — Рита скрутила комбинацию из трех пальцев и помахала ею перед Катиным лицом. — Не во мне дело! Не я, так другая. А почему? Мужик устроен так. — Рита махнула рукой.

— И все равно... Это подло... Это предательство!

— Заладила. Да если бы я хотела... Да на кой черт мне твой Галеев сдался — мужлан и сапог. Думает небось, что на цапки его генеральские позарилась. Да если бы я захотела... — Рита мечтательно подняла вверх глаза. — И кто только ко мне не сватался... Да я бы за наркома могла выйти, только помани.

— И американец?

— Что американец? — Рита встревожилась.

— И американец сватался? Ты его имеешь в виду? Ты ему что-то обещала? Ты... шпионка? — неожиданно для самой себя спросила Катя и сама испугалась сказанного.

Рита внимательно посмотрела на подругу, потушила папиросу и задумалась.

— Я видела тебя с ним.

— Неизвестно, кто из нас шпионка. Ты что, следила за мной?

Катя отвела взгляд. Рита, напротив, подошла и подняла ее голову за подбородок. Катя отмахнулась.

— Что ты слышала?

— Это случайно. Он что-то от тебя требовал? Жениться?

— Хм... Дурочка... Эх... Да, жениться, — успокоилась Рита, поняв, что главного, зачем Эндрю появился в подворотне, Катя не знает, — проходу не дает.

— А ты?

— Что я? — Рита дернула плечом. — Во-первых, у нас с иностранцами не расписывают, а во-вторых, зачем он мне нужен? Бабник и повеса...

Рита посмотрела на Катю. След от пощечины еще горел пунцовым факелом. Она подошла ближе и заглянула в глаза.

— Прости меня... Я не хотела...

Рита приложила прохладные ладони к горящим щекам подруги. Катя вздрогнула и закрыла глаза.

— Что же мне делать теперь? — спросила.

Рита с жалостью посмотрела на нее.

— Ничего не делай. Живи, как жила. Я сама с твоим генералом разберусь. И не пытайся ему что-либо говорить. Словно не знаешь ни о чем.

— Да как же?! А Акулина? Это же она первая заподозрила. Сама может проболтаться. Начнет стыдить... Она такая, не смолчит.

— Да что она знает? Свечку держала? Плюнь!

— И Доценко...

— Что Доценко?

— Он знает... Специально меня подждал возле дома. Ехидненько так сообщил, что, мол, загулял твой товарищ генерал. Вид у него... Аж страшно стало.

— Скоро все кончится. И говорить будет не о чем.

Катерина нахмурила брови, вглядываясь в задумчивое лицо подруги.

— Что ты задумала? Ты неспроста с Галеевым это затеяла? Зачем?

Рита хмыкнула, криво улыбнулась.

— Опять ты все подвохи выискиваешь? Да говорю же, от нечего делать. Просто интересно стало, как серьезный мужик башку теряет, как мальчишка. Прямо влюбился...

— Не надо... Мне это неприятно, — отвернулась Катя.

Рита сменила игривый тон, посерьезнела.

— Катюш, ты прости меня, дуру старую. Понимаю, что все глупо, но, знаешь, подкупает, когда столько внимания и такая готовность на безрассудные поступки. Понимаю, что все это похоть толкает и только оскомину собьет — куда все денется? И слова, и клятвы в любви, и безрассудство... Все они одинаковы.

— И Глеб?

— Глеб? — Рита замолчала, подошла к окну и смотрела куда-то вдаль, затем продолжила через время: — Глеб другой. Он никогда мне не говорил о любви, он ее делал, он ею жил. Каждым жестом, каждым движением, каждым поступком. Не нужно было никаких слов, чтобы понять, что он любит по-настоящему. Он другой... совсем другой... Ладно. Устала я, — Рита безвольно опустилась на кровать, скрипнув пружинами.

— Я пойду, — кивнула Катя.

Она была уже у двери, когда Рита окликнула ее.

— Постой!

Начала рыться в ящиках комода, ругаясь про себя.

— Да где ж ты? Вот!

Наконец вложила Кате в ладонь крошечный узелок из дамского носового платка.

— Иди...

— Что это?

— Иди, потом посмотришь, — Рита почти силой выпихнула подругу за дверь.

Уже на улице Катя опасно разжала кулак и разорвала узелок зубами — так туго он был затянут. Из него что-то выпало и звякнуло. Это было кольцо, подаренное ей Галеевым, которым она расплатилась за аборт. Она с трепетом подняла кольцо и взглянула вверх. Из окна на нее смотрела Рита.

* * *

Разговор с Катей растревожил Риту. Желание изощренно отомстить Галееву наткнулось на понимание, что этой мстью она причинит боль Кате. Хотя и сама не придумала, как отомстить генералу. Не было никакого плана. Рита не знала, что дальше делать

с окунувшимся в любовный омут генералом. Вроде и вариантов было хоть отбавляй, но каждый бил рикошетом по этой девочке. Она решила заканчивать игру, которая становилась слишком опасной. Рита видела, как решительно и действительно безрас- судно, не таясь и не скрываясь, Галеев вкладывался в любовную интригу. И кто знает, как он себя поведет, когда поймет, что его банально дурачат?

Катя после разговора успокоилась. Теперь опять для нее стало все просто и ясно. Хотя Акулина и продолжала планировать козни и придумывала различные акты воз- мездия, Катя на них не обращала внимания, отвечала уклончиво либо просто игно- рировала. Акулина же, почувствовав, что Катерина охладела к мести, злилась, и это заметил Иван Никитич.

— Ты чего, Акулина, мрачнее тучи ходишь? С Катериной, что ли, поцапались? — спросил Галеев за ужином. Катя перестала жевать, напряглась, предчувствуя возмож- ный скандал. Ни сил, ни желания на это не было. Ситуацию она с легкостью отпусти- ла, доверившись Рите и решив, что вопрос сам как-то разрешится.

— А я, Иван Никитич, кухарка. Мое дело стряпню стряпать, а развлекать вон ак- триски есть, — съязвила Акулина, многозначительно посмотрев на Катерину.

Галеев замер с вилкой в руке, бросил недовольный взгляд на кухарку. Катя быстро встала из-за стола и направилась к выходу.

— Спасибо, я пойду...

— Ты про что это, Акулина?!

Акулина растерянно посмотрела вслед Кате и чуть было не окликнула ее: мол, куда же ты, я тут за тебя, а ты в кусты? Она только раскрыла рот и протянула руку. Но Катя уже выскочила из кухни, подгоняемая страхом скандала. Акулина безвольно опусти- ла руку, поняв, что союзник бежал с поля предстоящего боя.

— Ни про что, — буркнула недовольно кухарка.

— Таки... с Катериной поцапались? Вы-то чего делите?

— Домой пойду, завтра уберу.

Акулина засобиралась. Иван Никитич задумался и продолжил ужин, изредка погля- дывая на Акулину.

* * *

Наступил ноябрь. В канун тридцать пятой годовщины революции Москва утонула в кумаче, который заполнил все улицы, проспекты, площади и скверы. Столбы и зда- ния, троллейбусы и трамваи, даже тележки уличных продавщиц пирожков и мороже- ного краснели от флагов, транспарантов, лент, гвоздик и бантов. Большой театр был украшен иллюминацией из тысяч лампочек, вызывая у прохожих восторг и удивле- ние. Атмосфера была насыщена ожиданием праздника, радостью и счастьем.

Освободившись от рвущей душу подозрительности и неопределенности, Катя пол- ной грудью вдыхала эту атмосферу. Казалось, она сбросила тяжелые мешки с песком, которые держали ее. А теперь взмыла в небо, и ее понесло ветром, словно шар, по- дальше от мести, интриг, зависти и злобы, в простор свежего, чистого воздуха.

Радость была необъяснимой. Хотелось просто кружиться на улице, улыбаться про- хожим, нестись куда-то без цели и нужды.

Она зашла в магазин у Кузнецкого моста, где обычно покупала пластинки. У при- лавка стояла плотная толпа меломанов, сквозь которую ничего не увидишь. Катя по- пыталась заглянуть поверх голов, а затем появился азарт, и она ужом пролезла к при- лавку. Она жадно всматривалась в названия. Какой-то верзила оттолкнул ее и спиной закрыл весь обзор.

— Да... куда ты?! — Катя стукнула верзилу по спине, но тот даже не шевельнулся. Она с досадой начала выбираться наружу, когда наткнулась на чью-то грудь и уже хотела со злостью толкнуть незнакомца, но подняла глаза и обомлела... Это был Борис. Дыхание замерло. Он стоял, вытянувшись на носках, и подслеповато всматривался в надписи. На голове была нелепая кепка, совершенно не шедшая ему, а голова, словно из сундука, торчала из огромного, явно с чужого плеча, пальто.

— Вы? — удивленно выдохнула Катя.

Борис опустил на пятки и смущенно улыбнулся.

— Здравствуйте...

Они стояли прижатые толпой друг к другу и не знали, что сказать, что сделать, только на миг встречались взглядами и, словно обжегшись, быстро отводили глаза в стороны. От желания продлить это мгновение — плотно прижавшись к молодому человеку, заглядывать в его огромные глаза — хочется как можно дольше — к лицу прихлынула кровь, разлилась по щекам.

— Может быть, выйдем на улицу? — смутившись, предложил Борис.

Катя молча кивнула.

Они долго наобум шли по улице, и никто из них не знал куда, зачем. Они просто шли. Катя украдкой поглядывала на Бориса и никак не могла поверить, что это он. Ее тяготило затянувшееся молчание, но она не могла найти подходящий повод заговорить. Все было не то, банально, глупо.

Катерина остановилась, перевела дух. На лице появилась решимость. Она посмотрела вслед Борису. Тот остановился и обернулся.

— Борис?! — обратилась она к молодому человеку торжественным тоном, предполагающим чрезвычайную важность предстоящего вопроса. Борис насторожился. Потом оробела, опустила голову. — А... какую пластинку вы хотели купить?

Борис пожал плечами.

— Я знакомого хотел встретить, он обещал мне вернуть пластинку... То, что я хотел бы, тут не бывает...

— Джаз?

Борис обреченно кивнул.

— А какую пластинку вы ему дали?

— Да это уже не важно...

— Почему? — заинтересовалась Катя.

— Я уже две недели как одолжил ему Дюка Эллингтона... Сказал, завтра, кровь из носу...

— Что за знакомый такой? Это же непорядочно!

— Да... здесь познакомились...

— Как? Вы его раньше не знали?

Борис помотал головой и смущенно улыбнулся.

— Пару раз видел... Он тут... промышляет...

— Как это «промышляет»? Спекулянт?! — возмутилась Катя.

— Вроде...

— Как же можно? Вы такой доверчивый! Разве можно одалживать дорогие для вас вещи каким-то проходимцам? Пойдемте!

Катя решительно схватила Бориса за руку.

— Куда? — оторопел молодой человек.

— Пойдемте к магазину! Он должен там быть. Просто не заметили его, такая толпа... Для таких — самое время!

Катя вспомнила «верзилу», который ее оттолкнул, и почувствовала злость.

— Не надо... Я сам... потом... — Борис нехотя плелся за тащившей его вперед девушкой.

— Нет, надо! Он обязан вернуть!

Она держала его за тонкую прохладную кисть и боялась выпустить. Не потому, что Борис мог не пойти за ней, испугаться ее решительности, а потому, что ей так было приятно держать его за руку, что хоть отруби ее, она бы не выпустила. Чем больше сопротивлялся Борис, тем больше Катю обуревали азарт и неодолимое желание добиться справедливости. Он вскоре прекратил сопротивление и шел рядом.

— Дорогая пластинка?

— Сто пятьдесят рублей...

— Сколько?! — вскрикнула Катерина и остановилась, выпустив руку Бориса.

— Да не в деньгах дело... Она не моя, я ее тоже одолжил...

— Тем более! Идем!

Катя опять схватила Бориса за руку, и они быстрым шагом направились к магазину.

В магазине народу, казалось, стало еще больше. Они остановились у выхода. Катя пристально всматривалась в лица спящих молодых людей, словно она уже знала в лицо негодяя.

— Как он выглядит?

— Да обычно... В серой кепке... ресницы как у поросенка... и брови белые...

Через пятнадцать минут безрезультатных поисков Борис грустно опустил голову и уже не смотрел на лица, думал о чем-то своем.

— Почему ты не смотришь?! Я же его не узнаю без тебя!

Она заглянула в его большие, полные грусти глаза.

— Да-да, конечно... — вздохнул Борис.

Поиск оказался напрасным. Ей так хотелось помочь Борису. Катя погрустнела.

— Пойдем, — тихо произнесла она и направилась к выходу.

Они вышли из магазина и медленно побрели вниз по улице. Пройдя несколько метров, Борис вздрогнул, чем привлек внимание Катерины. Она посмотрела на спутника, а затем проследила за направлением его взгляда. Молодой коренастый парень в серой кепке, с белесыми бровями вдруг дернулся, развернулся и зашагал в противоположную сторону.

— Это он?!

Борис еще не успел кивнуть и что-то произнести, как Катерина рванула вдогонку за «белесым».

— Может, не надо, — с мольбой прошептал вслед Борис.

Она настигла парня и схватила того за рукав, резко развернув к себе.

— Чё такое?! — сделал недоуменный вид парень и захлопал пшеничными ресницами.

«Глаза овечьи», — вспомнила Катерина слова Риты и ее «науку взгляда».

Она, немного исподлобья, вонзила в «белесого» такой взгляд, вложила столько ненависти и решимости, что тот растерянно начал блуждать глазами и неуверенно, пытаясь освободиться, потянул к себе руку.

— Чё те надо?! Ты кто?

— Дед Пихто. Где пластинка? — процедила Катерина.

— Какая пластинка?!

К тому времени подошел Борис. Катя кивнула в его сторону.

— Его...

— Да не знаю я его! Какая пластинка?!

— Слушай меня, червяк мучной, если ты сейчас не отдашь пластинку, я тебе гвоздем глаз выколю, — зловеще проговорила Катерина и поднесла к его лицу так сжатый кулак, будто в нем и впрямь был гвоздь.

— Не надо, — взмолился Борис, неуверенно положив руку на плечо Катерины. Его прикосновение придало еще больше сил, азарта и куража. Глаза парня испуганно округлились: если бы не просьба Бориса, может быть, он и не поверил бы в угрозу, а тем более в наличие гвоздя, но «не надо» прозвучало так, будто эта девица проткнула уже не один глаз. Парень сглотнул и покосился на кулак.

— У... ме-меня ее... нет, — дрожащим голосом прошептал «белесый».

— Где она?

— Я ее... продал...

— Тогда гони деньги! Двести рублей.

— Сколько?! — опешил парень. — Я ее за четвертной продал...

— Двести! — Катя еще ближе поднесла кулак к лицу парня, продолжая сверлить его глазами.

— Катя, не надо... — все еще надеялся погасить конфликт Борис.

— У меня столько нет...

— Давай, сколько есть!

Парень полез в один карман, судорожно пошарил, вытащил несколько скомканных купюр, затем в другой и протянул их содержимое Кате. Она сделала вид, будто что-то положила в карман, взяла деньги и кивнула в сторону.

— Чтобы я тебя больше тут не видела!

Парень, получив «вольную», скрылся в доли секунды. Денег оказалось — сто сорок три рубля. «Вальс цветов» протрубил победными валторнами. Душа ликовала. Она смогла. Все оказалось так просто. Главное — самой в себя поверить.

Катя отдала деньги Борису, вернее, заставила его взять их.

Они долго гуляли. Борис рассказал о себе. Он жил на Остоженке с мамой и младшим братом, школьником. Отца посадили в сорок седьмом. За что — Борис и сам толком не знал. Вроде за какой-то неправильный расчет. Рассказывая об этом, Борис казался еще более грустным, чем обычно. Кате хотелось обнять его и прижать к груди, защитить и приласкать. Потом говорили о музыке. Дурные воспоминания развеялись, улетучились. Стало опять празднично и торжественно. Катя старалась приободрить Бориса, а когда заикнулась про его игру в «Национале», он стусевался, а сама Катя запнулась, вспомнила Риту с Галеевым. Помрачнела и пожалела, что заговорила об этом.

— Это был ваш отчим? Тогда в ресторане?

Вопрос застал Катю врасплох.

— Да... — неожиданно для себя самой ответила она и зарделась.

Ей стало неловко за ложь, но скажи, что это был ее муж, кто знает, Борис мог бы внезапно уйти и вряд ли они бы еще встретились. А ей так не хотелось терять его.

«Да! Конечно же! Он отчим, никакой он не муж... — подумала Катя. — Ведь разве так поступают мужья?! Отчим! Конечно, отчим!»

— Отчим, — уже вслух твердо сказала Катя. — С весны... А потом мы сюда переехали.

Она рассказала историю, как Галеев появился в доме, соврав, что он пришел не к ней, а к матери. Борис, казалось, поверил и даже повеселел. Было заметно, что его мучил этот вопрос. А у Кати душу разрывало от злости на себя, от собственного вранья и невозможности взять слова обратно. Все произошло неожиданно и так нелепо. Зачем она соврала? Если все откроется, будет только хуже. Но отступить поздно. Маленькая песчинка лжи обрастала слой за слоем, превращаясь в большую фальшивую жемчужину. Когда Катя, как она считала, раскрыла свои «карты», она решила, что имеет право спросить Бориса о том, что ее так долго мучило.

— Скажи, только честно... Почему тогда ты так внезапно ушел?

Он дернул плечами огромного пальто и потупил взгляд.

— Не знаю... Мне показалось, что я тебе надоел... А еще... Этот дом... Говорят, там живут одни шишки... Я подумал, что... Что я... — Борис вздохнул.

Стемнело и похолодало. Борис заметно ежился и прятал руки в пальто, а у Кати, напротив, внутри все пылало.

— Ты замерз? — участливо спросила Катя.

— Нет! — бодрился Борис, пытаясь скрыть озноб.

— Дай руку.

— Зачем? — Борис еще глубже засунул руки в карманы.

— Дай!

Катя насильно вытащила его руку из кармана и взяла в свои ладони.

— Да это же ледышка! — воскликнула она. — Давай вторую. Ты же замерз! Где твои перчатки? Так и заболеть недолго! Давай-давай, — настойчиво требовала Катя.

— Не н-н-надо... — совершенно растерялся Борис и попытался выдернуть руку. — Я не замерз.

«Какой же ты глупенький, наивный и доверчивый. Как с тобой легко и хорошо», — думала Катя, с нежностью сжимая его руку.

— Тебе, наверное, пора, а то дома будут волноваться?

Катя выпустила его ладонь и с сожалением закивала. Вздохнула.

— Да... пора... Спасибо, Борис...

Борис улыбнулся в ответ и на мгновение задержал взгляд на Кате.

— Тебе... спасибо...

— Тогда... до завтра? — с надеждой в голосе спросила Катя.

— Если... хочешь... Если тебе со мной не скучно...

— Глупенький! Давай в час? На «Курской»?

— Давай, — согласился Борис.

Пришло время расставания, а хотелось еще и еще говорить, просто слушать его голос, держать его холодные руки или просто молчать и смотреть в его глаза. Катя корила себя за излишнюю навязчивость, но желание удержать Бориса продиралось сквозь собственные принципы: «девушка не должна первой...», «девушка не должна навязываться», «нельзя показывать свой интерес». В конце концов принципы взяли верх. Она вздохнула, еле заметно кивнув.

— До свидания... — выдохнула Катя.

Ответа она не дождалась или не услышала. В голове был сумбур. Она шла прочь, боясь оглянуться, боясь себя: что если он смотрит вслед, тогда она бросится к нему. Катя больно прикусила губу и ускорила шаг, срываясь на бег. Борис продолжал стоять и смотрел вслед. Затем вздрогнул, съежился и пошел в другую сторону.

Три недели Катя прожила, словно в волшебном сне. Они встречались с Борисом, гуляли по Москве. Он хорошо знал Москву и интересно рассказывал о различных достопримечательностях. Отец Бориса был архитектором, и сам Борис увлекся архитектурой, даже хотел поступать в строительный, но подвело зрение. На семейном совете решили, что чертежи окончательно его добьют, и он поступил в консерваторию. Они ходили на концерты, если находились свободные билеты, а то и вовсе без билетов. Борис знал множество мест, где выступали или студенты, или бывшие выпускники. Много спорили о музыке. Дурачились, как дети, в ЦПКиО и на Ленинских горах. Это было счастье.

Только дома она возвращалась из сказки в действительность, позабыв на время и о Галееве, и об Акулине, и даже о собственной беременности. Дома опять мучили сомнения, жуткое чувство стыда и страх, что рано или поздно станет известно, что Галеев — муж и она беременна от него.

Прошло немногим больше недели после разговора с Ритой, как однажды Иван Никитич пришел домой пасмурный, сказать точнее, мрачный. Молча поужинал и заперся в кабинете. Катя была уверена, что между ним и Ритой что-то произошло.

И оказалась права. Генерал встречал Риту у театра, приготовив небольшой подарок, духи «Белая акация», и готовился к разговору о затянувшемся романтическом периоде их отношений.

Рита появилась неожиданно, возбужденная и расстроенная. Заметив генерала, она приостановилась, затем вскинула голову и пошла дальше.

— Маргарита! — окликнул ее Галеев, когда она прошла мимо, будто не заметив его.

— А... Это вы... — остановилась Рита.

— Вот, — Галеев протянул духи, — небольшой подарок. Предлагаю поехать в ресторан. Ну и... там...

— Трам-пам-пам! — передразнила Рита. Лицо девушки оставалось серьезным, и глаза пристально следили за реакцией генерала. — Духи, говорите?

Галеев несколько растерялся. Рита не взяла подарок, только криво ухмыльнулась. Он продолжал стоять с глупо протянутой рукой и не понимал, как реагировать на шутку.

— Что с вами?

— За духи предлагаете отдаться, товарищ генерал?! Щедро! За две настоящих «катиночки» купил мне миленочек ботиночки.

— Зачем вы так... Я от чистого сердца, — помрачнел Галеев.

— От чистого сердца? Так вы меня уже поимели, товарищ генерал, и задаром! Не помните?! От чистого сердца! Не помните?!

Галеев вздрогнул.

— Ты что такое говоришь? — опешил генерал.

Рита повернулась спиной и нагнулась.

— А так?! Не узнаете?!

Иван Никитич, стоявший до этого, словно памятник, с протянутой рукой, спрятал духи и резко подскочил к Рите, схватил ее за руку и повернул к себе, гневно сопя и сверкая глазами.

— Ты... Ты что вытворяешь? — задыхаясь, выдавил он.

— А ну-ка руки убери! Не то так заору — с Красной площади прибегут!

Галеев подчинился. Он совершенно не был готов к такому повороту и только гневно сопел, уставившись на Риту.

— Что? Так много нас было, что всех и не упомнишь, да? В Явасе, зимой, в сорок седьмом. Не? Лейтенантик держал, а ты... от чистого сердца! — Рита сделала небольшой поклон и повела рукой.

Глаза у Ивана Никитича сузились, желваки заходили. Посмотрел по сторонам. Тут Риту одолел страх. Убьет ведь. Один Бог знает, что задумал. И смолчать бы, а понесло — не остановишь. Она только шаг назад сделала и смотрела, что будет дальше.

— Путаешь ты что-то, Маргарита, — замотал головой Галеев, — путаешь... Не было меня тогда в Явасе... Не я это был. Ты это... и Катерине небось наболтала?

— Еще нет, но дай срок.

— Ты вот что... Ты в семью нашу не лезь. И дурочке моей мозги не пудри... Еще и взаправду подумает, что я такое мог. Показалось тебе. Суровая там служба, на сто верст одна баба, может, кто и не сдержался. Только на меня напраслину-то не надо...

— Не сдержался?! Да я тебя из миллиона бы узнала!

— Не надо, Маргарита, — Галеев зловеще смотрел исподлобья, — не надо...

Рита подумала, что еще чуть-чуть — и ее шуточки взбесят генерала, а тогда ори не ори — итог печальный. Она резко рванула к театру. Галеев хотел было ее схватить, но растерялся, остался стоять на месте, только крикнул вслед:

— Попробуй только Катерине ляпнуть! Тварь...

Рита вбежала в театр, закрыла за собой дверь и прислонилась к стене, пытаясь отдышаться и успокоиться.

15. Смерть Риты

Так бы ничем и закончилось увлечение Ритой у Ивана Никитича, разве только личным позором и боязнью, что разболтает Катерине о том случае, про который и само помнил с трудом. Но произошло событие, которое самым нелепым образом вмешалось в судьбу многих, кто так или иначе был связан с Ритой. Этим событием был Илья Садовский, порнограф-любитель и страстный коллекционер статей Уголовного кодекса.

При обыске в одном из злачных заведений столицы по делу о «чаевых» у одного администратора была обнаружена коллекция пикантных фотографий. Администратор, не желая тянуть срок еще и за порнографию, чистосердечно сдал Илюшу органам. И все бы ничего, отсидел бы свой небольшой срок за порнографию да за тунеядство, если бы на допросе неожиданно не сболтнул про американца. «Американец? — удивились следователи. — Какой американец?» Илюша все и рассказал. Сам рассказал. Испугался очень, что бить будут. Тут-то дело и закрутилось. Вмешалась контрразведка. А когда начали все контакты Содомского отрабатывать, тут-то Рита Панова всех и связала. За ней и раньше приглядывали, как только стало известно, что Галеев к ней интерес заимел, но не пристально, просто так было положено. Даже когда с американцем встречалась, знали, но тогда не придали значения. Думали, красивая баба, артистка, хоть американец и вражина, а все одно мужик, к сладкому тянется. Но когда дело Содомского начало раскручиваться уже в стенах МГБ, выяснилось: Панову замечали в компании американца и раньше, кроме того, она вовлекла жену Галеева, Катерину Дмитриевну, в производство порнографии. А потом и сам генерал-майор Галеев попал на крючок этой интересной дамочки. «Нет ли тут измены Родине? Не хочет ли враг с помощью разврата и любовных утех проникнуть в святая святых советской Родины, усыпляя бдительность и распространяя тлетворное влияние Запада?» — подумали в контрразведке. И было принято решение взять всех под постоянное негласное наблюдение и до приказа не брать, чтобы выявить все связи.

Первым неладное почувствовал сам Галеев. Его почему-то перестали посылать в командировки, он больше не получал документов с грифом «совершенно секретно». Случилось это сразу после «разговора» с Ритой у театра. Теперь ему казалось, что и сослуживцы смотрят на него как-то по-особенному. Он перебирал возможные варианты, но кроме того, что могла всплыть та история в Явасе, на ум ничего не приходило. Оставалось спросить саму Риту.

«Ну не могла эта мерзавка написать клеюзу. Да и написала бы... Столько лет прошло, да и кто ей поверит, актриске? Только если кто из начальства тоже глаз на нее не положил. Может, и рассказала кому», — мучили сомнения Ивана Никитича.

Катя же пребывала в блаженном неведении, полностью увлеченная Борисом, концертами, конкурсами и новыми знакомыми — музыкантами, студентами консерватории, и просто наслаждалась атмосферой молодости, музыки, безумных идей, споров, чужих успехов и разочарований. Далеко-далеко от этой возни, интриг и козней. История с загулом Ивана Никитича ушла в прошлое, и больше ничто о ней не напоминало. Где-то в глубине души она была даже благодарна, что так случилось. Не то измучилась бы, истрадалась. Теперь не нужно было преодолевать угрызения своей совести, бороться со своей любовью, кромсать свое сердце сомнениями и страхами. Только беременность время от времени нарушала ее благодное состояние. Страшилась она, что скоро станет заметно и это как-то повлияет на отношение Бориса к ней, но не хотела заглядывать в будущее. Она жила настоящим и была счастлива. Это была любовь без всякой приписки плотского — романтическая и чистая.

В конце ноября Катя с ребятами пытались попасть на концерт Михая Бехера, талантливое венгерского пианиста. Концерт проходил в Концертном зале имени Чайковского. Но потолкавшись в толпе тщетно жаждущих найти лишнего билетик, молодежь отчаялась и начала расходиться. Катя вспомнила о Рите.

— Какая я все-таки негодяйка! Подруга еще... Я зайду к ней? — Катя будто спрашивала разрешения.

— Конечно, — ответил Борис, — тогда до завтра? Там же?

Розалия Соломоновна была на посту.

— Здравствуйте! — приветливо поздоровалась Катя.

— Здравствуйте! — кинулась к ней вахтерша, словно заждалась. — Панова-то вчера на спектакль не явилась и сегодня не пришла! Вы не знаете, что с ней?

— Нет... — растерялась Катерина. — Может, заболела...

— Она обычно звонит, если что.

Катерина почувствовала неловкость. «Эгоистка! Эгоистка! Может, ей сейчас плохо, а я развлекаюсь», — корила она себя, торопливо шагая по улице. Вбежала в метро и с нетерпением ждала нужную остановку, ругая поезд за медлительность и долгие остановки. Появилась необъяснимая тревога, и каждую минуту воображение рисовало чудовищные картины, одну страшнее другой.

У дома Риты стояли две машины, толпились какие-то мужчины, милиция. Волнение усилилось. Она взбежала по лестнице. Дверь в квартиру была открыта настежь. В коридоре стояли люди. Сержант милиции разговаривал с соседкой, которая всхлипывала в платок и кивала. Заметив Катю, она всплеснула руками. Дверь в Ритину комнату была открыта. Она рванула к ней, но ее задержал милиционер.

— Гражданочка, вы куда?!

— Тут моя подруга! Что случилось?! — Катя отмахнулась и попыталась проскочить. В дверях путь ей преградили двое мужчин в штатском.

— Сюда нельзя! Вы кто?!

Из комнаты доносились мужские голоса:

— Никого посторонних не было, товарищ майор.

— Ткаченко! Что ты заладил: «никого посторонних, никого посторонних», а кто ж тогда задушил? Свои, что ли?

Катя, вытянув шею, попыталась поверх плеч рослых незнакомцев заглянуть в комнату. За столом она заметила сидящую к ней спиной Риту, безвольно свесившую голову и руки. Катя только мельком смогла увидеть подругу, а потом эти двое нависли над ней и закрыли весь обзор.

— Она арестована?! За что?! Рита! Рита! Да пропустите же меня! — тщетно пыталась пробиться между двух мужчин Катя.

— Вы кто? — спокойно и буднично переспросил один из мужчин. — Кем вы приходите... приходились? — поправился мужчина в кепке.

Катя не обратила внимания на уточнение и продолжила попытки пробиться в комнату.

— Да что же это такое?! Рита! Пустите меня! Вы знаете, кто я?!

На крики Катерины из комнаты вышел невысокий невзрачный мужичок.

— И кто вы? — он лукаво улыбнулся.

Катя смутилась, посчитав, что фамилия генерала Галеева на них не произведет никакого впечатления. Это не какой-то рядовой милиционер. Закрались сомнения, что эти люди здесь не из-за пустяковых и невинных Ритиных проказ. Тут что-то серьезное.

— Это не важно. Почему вы ее арестовали? Что она сделала? Вы вообще кто?

— Стало быть... Вы и есть подруга гражданки Пановой? Катерина...

— Дмитриевна... Галеева... — насторожилась Катя, — откуда вам известно... Кто вы?

Мужчина прищурился.

— А кем приходиться генералу Галееву?

Катя задумалась. Все последнее время она пыталась внушить себе, что она его падчерица.

— Женой, — нехотя выдавила Катя.

Мужчина снисходительно взглянул и глубоко вздохнул.

— Моя фамилия Терентьев, я старший следователь МГБ. Давайте-ка... поедem к нам. У нас спокойней как-то.

— Куда? — не поняла Катя.

— Тут недалеко... Семенов! Закругляйтесь здесь. Опечатайте. Мы ушли, — крикнул он в комнату.

Ехали молча. Катя находилась в необычном состоянии. Все звуки казались гулкими и едва различимыми, будто сидишь в бочке. Мысли были заняты одним: за что ее арестовали? Почему госбезопасность? Нельзя сказать, что Катя настолько парила в воздухе и была оторвана от насущных проблем, что не понимала: если занимается МГБ, то дело серьезное.

Они подъехали к какому-то зданию. Катя еще раз попыталась узнать, что с Ритой. Но Терентьев отшутился, что у любопытной Варвары на базаре нос оторвали, чем еще больше взбесил, записав ее в несерьезные и глупенькие девчонки.

— Присаживайтесь, — любезно предложил Терентьев в кабинете. — Не курите?

— Нет, — замотала головой Катя.

— Это хорошо... Когда вы встречались со своей подругой последний раз?

— Это было... перед праздниками... третьего или четвертого... А что? Почему ее арестовали? И при чем тут МГБ? Она что, шпионка?

Следователь хмыкнул, задумчиво натянул нижнюю губу и закивал. Катя расценила это как согласие. Она удивленно уставилась на следователя. Вспомнилась встреча с Эндрю.

— Это неправда! Ха-ха! Да какая она шпионка! Это Эндрю, американец этот, за муж ее звал, а она и не хотела вовсе. У нее был мужчина! Есть! Она любит его! Он пока... далеко... — благодушно начала Катя, удивляясь тому, как такой вроде взрослый мужчина не понимает очевидных вещей.

— А вы, значит, и с американцем знакомы? И давно дружите?

— Вот еще... Никакой он не друг. Мы в ресторане один раз виделись. Он мне сразу не понравился.

— Угу, угу, — кивал Терентьев и делал какие-то пометки. — А с Садовским как познакомились?

Вопрос, словно пуля, пробил грудную клетку и пригвоздил к спинке стула. Она вздрогнула. Во рту пересохло, и по лицу разлился румянец. Катя опустила глаза. Этого она не ожидала и была застигнута врасплох. Что им известно о Садовском... Содомском, черт бы его побрал? А вдруг у них есть ее фотографии? Катю охватил ужас, стыд. Она схватилась за лицо, зная, что выдаст себя румянцем, стараясь хоть как-то скрыть его. Время тянулось, а что сказать? Отрицать? А он сейчас на стол бац пачку фотографий — и все... Какой позор....

— Ну-ну... — будто не обращая внимания на Катерину, напомнил о себе следователь.

— Он... Я... — путались мысли, и не хватало воздуха. — Один раз... фотографировал... Он фотограф...

— Обнаженной? — бесстрастно спросил Терентьев.

— Нет! — выпалила Катя и тут же отвернулась, боясь встретиться взглядом со следователем. Ей хотелось вскочить и убежать.

— Да не волнуйтесь вы так, Катерина Дмитриевна. Мне это не так и важно. А Панову... Садовский снимал обнаженной?

— Не знаю...

Катя, услышав в голосе безразличие следователя к собственной «обнаженности», немного успокоилась и осмелела.

— Почему вы ее саму не спросите?

Следователь развел руками, но ничего не ответил.

— Какие отношения имел ваш супруг, генерал Галеев, с вашей подругой, артисткой Пановой?

И опять вопрос следователя заставил Катерину смутиться.

— Мне неприятен этот вопрос.

— У меня должность такая, барышня, задавать неприятные вопросы. Мы тут не сладостями торгуем. У вас что, лямур де труа был?

— Как вы смеете?! — вспыхнула Катерина, вскочила и попыталась выбежать из кабинета. В дверях ее встретил человек в форме и тяжелым взглядом заставил вернуться. Она опустила на стул. — Нет, — тихо ответила Катя, — Иван Никитич... просто...

— Ну понятно, увлекся... А как вы познакомились с Пановой? Она первая к вам подошла? Она сама искала с вами встречи?

— Нет, — Катя пожала плечами, удивившись вопросу, — на улице... Я первая с ней... Нет... мы случайно познакомились. А что случилось? Если бы я знала, в чем ее обвиняют, я могла бы ответить. Что она совершила? Что с ней?

Следователь только вздохнул.

— Какие отношения были у Пановой с американцем?

— Рита говорила, что он предлагал ей замуж, а она не хотела. Он ее преследовал.

— Вот как?

— Да... я случайно слышала их разговор... возле театра... Я...

Тереньтев заинтересовался. Катя запнулась, а потом рассказала, как выслеживала мужа и случайно стала свидетелем встречи Эндрю с Ритой.

— Понятно, понятно, — записывал что-то следователь. Возникла пауза. Катя думала о Рите.

— Когда можно будет увидеться с Ритой... с Пановой? — с мольбой спросила Катя.

Тереньтев отрицательно помотал головой.

— Ее посадят? За что? — с опаской спросила она.

Следователь повторил движение.

— Расстреляют? — дрогнул голос.

Тереньтев снисходительно посмотрел и опять помотал головой. Катя обрадовалась, но загадочное мотание головы следователя больше не оставляло никаких вариантов.

— Что тогда? Почему с ней нельзя встретиться? — напряженно всматривалась Катя.

Следователь, не поднимая головы, что-то продолжал писать.

— Странная вы, Катерина Дмитриевна... Будто в облаках живете. Гражданку Панову второго дня задушили.

— Врете, — улыбнулась Катя, посчитав это полной глупостью, неудачной отговоркой, чтоб только уйти от прямого ответа. Да и сказано было буднично, между прочим, как о чем-то несущественном.

Она продолжала смотреть на следователя, пытаясь на его лице разгадать причину обмана, но тот безразлично щурился от дымящейся в углу рта папиросы и продолжал писать. Внезапно, с истошным воплем полоумного, в голову ворвалась мысль: «Задушили!» Катя вздрогнула, побледнела. Миллиарды иголок впились в тело, в глазах потемнело, подступила тошнота. Она только беззвучно раскрыла рот, и тут же грохот ее

падающего тела оторвал следователя от протокола. Катя свалилась в обморок. Терентьев подскочил, растерянно засуетился, а затем позвал врача.

Сколько прошло времени, пока Катя находилась без чувств, она не знала. Очнувшись она в том же кабинете на продавленном дерматиновом диване. Рядом на стуле сидел Терентьев и тряс ногой. Как только она его увидела, опять вернулась тошнота и опять в ушах надсадным криком заорало — «задушили!». Катя больно ударила себя по ушам, сжала руками голову и сильно зажмурилась. Крик прекратился. Она медленно ослабила руки, открыла глаза, прислушиваясь и опасаясь, что он повторится снова. Глаза наполнились слезами, и через секунду с ней случилась истерика. Она рыдала безутешно и истово, не стесняясь Терентьева и не заботясь о своем виде. Немного затихая, вздрагивая от рыданий, Катя пыталась осознать, спросить, но опять раздавался этот противный вопль, и ее снова накрывала волна отчаяния, беспомощности и несправедливости. Терентьев налил стакан воды, сел рядом и обнял Катю за плечи.

— Ну, ну, все... Воды вот выпей...

Катя взяла дрожащими руками стакан и еле смогла поднести его ко рту. Затем жадно стала пить воду. Немного успокоилась, но продолжала трястись. Болела голова, и тошнило. Она немного отдышалась и невидящим взглядом уставилась в одну точку.

— Кто это сделал? За что? — она опять разрыдалась, но уже беззвучно, вздрагивая всем телом.

— Разберемся, — задумчиво ответил следователь, — Ну а вы пока свободны.

Она не помнила, как вернулась домой. Опустошенная, без сил, не раздеваясь, пробрела в свою комнату, села на кровать и оцепевшим от страданий взглядом смотрела в темноту. Вспыхнул свет.

— Случилось что? — участливо спросила вошедшая Акулина. — На тебе лица нет.

Катя закрылась руками от яркого света, вскочила и выключила его. Акулина немного постояла и, не дождавшись ответа, тихо вышла.

«Неужели это правда? Да нет! Врет он! Я же видела ее! Она сидела за столом. — Катя пыталась отогнать мысли о смерти Риты, бесплодно убеждая себя и самой же себе не веря. — Ее арестовали. А про смерть сказали, потому что так надо... Я же видела ее...»

Но сколько она себя ни убеждала, ни пыталась отогнать дурные мысли, отмахнуться от трагической действительности, тягостное ощущение чего-то неотвратимо страшного больно сжимало сердце. Слышался ее беззаботный смех, ее голос, а потом противный вопль «задушили!» заглушал все, и возникала гнетущая тишина, еще больше рвущая душу, чем сам вопль. Безысходная и безнадежная тоска сковала тело. Катя, боясь шевельнуться, обняла руками колени и смотрела в темноту, где перед глазами, как на экране, возникал образ Риты, еще более красивой, грациозной и восхитительной, чем в жизни. Катя тихо заплакала.

Резко включили свет. Катя вздрогнула и хотела вскочить и снова выключить, злясь на Акулину, что та досаждала ей в такую минуту. На пороге стоял Галеев. Расставив руки, упершись в дверной проем, смотрел диким взглядом. Катя испугалась и попятилась.

— Вот ты где? Нагулялась...

Вид у Ивана Никитича был расхристанным и зловещим. Катя замерла, предчувствуя неладное. Он был изрядно пьян. Она только собралась сказать, чтобы он оставил ее в покое, как генерал подскочил к ней и саданул в скулу. Катя ахнула, в глазах потемнело, замерцали тысячи искорок, комната закачалась, расплываясь вместе с Галеевым. Она грохнулась на пол.

— Ты б не лютовал так, Иван Никитич, ведь она твоего ребеночка носит, — робко попросила Акулина, заглядывая в комнату.

— Пшла отсюда, дура! — гаркнул генерал.

Он стоял над Катей, сжав кулаки, тяжело дыша, и смотрел, когда она откроет глаза. Веко дернулось, и она едва приоткрыла глаз. Галеев схватил ее за лацканы пальто и поставил на ноги, удерживая перед собой.

— Какая же ты тварь... Как ты могла... Я же тебе доверял... доверял больше, чем себе. Старался оградить тебя от всего... чтоб в достатке жила... как королева... А ты... — лицо Галеева исказила боль, — последняя тварь! Кривилась от меня, как от рыбьего жира! Пряталась... А сама... с актриской своей по кабакам да хазам ноги раздвигали?! Думал, яблочко сорвал, чистое, румяное... Радость будет, деток мне нарожает... А там... все нутро червивое да гнилое!

Сознание постепенно возвращалось, а вместе с ним ужас от нависшего над ней перекошенного лица Галеева. Она замахала руками.

— Не смейте! Отпустите! Отпустите! — задыхаясь, закричала она.

— Отпустить?! Ах ты ж, тварь... К жиденьшу твоему?! Паскуда... Думаешь, не знаю, перед кем ты хвостом крутишь?! Задушу-у... — прошипел Галеев и сильно сдавил ей горло воротом пальто, — и жиденка твоего... раздавлю, как таракана...

Катя вцепилась в руки генерала и попыталась оторвать их, но сопротивление только больше разозлило Галеева. Он с размаху ударил кулаком в лицо и швырнул ее на пол. Рот наполнился соленой кровью. Сознание она не потеряла, только приподнялась на руках, но Галеев больно ударил ногой в спину. Она опять рухнула на пол. Подол платья задрался, оголив ноги. Генерал на секунду замер, а затем одной рукой крепко схватил за шиворот, а другой стал расстегивать ширинку.

Катя в ужасе подняла глаза. В проеме стояла Акулина и со страданием на лице смотрела на нее.

— Иван Никитич! — с опаской подала голос Акулина. — Не делай этого... Иван Никитич! Христом-Богом молю, не паскудничай...

«С подштаниками долго возился... чай, не на курорт...» — вырвались из памяти слова Риты, и вспомнился весь ужас того ее страшного рассказа, ее полные боли и страдания глаза. — Это был он! — жуткая догадка пронзила мозг. — И задушил — он!»

Катя заорала и из последних сил начала отбиваться, беспорядочно и бесполезно размахивая руками. В этот момент Галеев больно вонзился в нее. Катя простонала, и из глаз брызнули слезы.

— Ну что, тварь?! Надо бы тебя, как «машку» лагерную... — задыхался от злобы Галеев, — да мараться неохота...

— Иван! Прекрати! — крикнула Акулина и, подскочив к Галееву, отшвырнула генерала в сторону. — Опомнись! Очумел совсем! Нешто так можно паскудничать над законной женой-то?!

Галеев оторопел, вскочил, хотел было кинуться на Акулину, да брюки соскочили и упали на пол.

— Ах ты, ведьма! Да я тебя... — он подхватил брюки, застегнул и налетел на Акулину.

— Хошь вдарить — вдарь! — подставила лицо Акулина. — Сам-то кобель... хорош! Бабу заимел! Я все знаю! Да и за что крут-то так?

Галеев безумно вращал глазами. Последние слова немного отрезвили его.

— Заступница нашлась?! Не смей мне перечить! Ведьма! Не тваво ума это! За дело получила!

— Что ж она такого-то натворила, что ты ее как собаку бездомную?!

— Пугается она с каким-то... музыкантишкой... С...а! Строила из себя...

— Да бог с тобой, Иван Никитич! — Акулина приложила руку к груди.

— Николай видел их! Да и эта... дрянь... отпираться даже не стала! Потаскуха!

Катерина, воспользовавшись замешательством, выскочила из комнаты. Входная дверь оказалась заперта. Она в ужасе начала метаться, опасаясь, что за ней гонится генерал. Вбежав в спальню, она вскочила на подоконник и начала судорожно дергать за ручку. Внутренняя створка окна поддалась быстро, а наружная была плотно закрыта на шпингалеты и добросовестно оклеена бумагой на зиму.

До Акулины донеслись звуки открывающегося окна, не оставалось сомнений, что Катерина задумала что-то лихое. Когда кухарка вбежала в спальню, Катя уже распахнула окно и готова была выпрыгнуть, на мгновение задержавшись, словно готовясь к прыжку.

Она уже представляла, как летит в темном морозном воздухе, обгоняя медленные снежинки, вдыхая свежесть и свободу полета. Внезапно кто-то схватил ее за подол и с силой потянул назад. Катя в ужасе закричала, хватаясь за оконный проем. Сил удержаться не было. Пальцы соскальзывали, и та пропасть, которая была сзади, казалась в тысячи раз страшней и ужасней той, куда она стремилась. Акулина крепко держала Катерину.

— Иван! Иван! — заорала она.

Пальцы соскользнули. Катя успела ухватиться за штору, край карниза оторвался, и она вместе со шторой рухнула на Акулину. Обе свалились на пол.

— Ты что задумала, дочка?! Не дури! Иван! Иван! Что же это такое?! — она в отчаянии вскинула руки и зарыдала грудным голосом.

С Катей случился приступ. Она выла от бессилия и ужаса, каталась по полу и билась затылком об пол. Вбежал Галеев. Схватил ее за волосы, замахнулся ударить, но, почувствовав под рукой что-то липкое и мокрое, замер. Он отпустил ее и взглянул на руку. Это была кровь. Катя продолжала биться в истерике и старалась разбить себе голову. Акулина подхватила ее и, удерживая на коленях, закричала:

— В лечебницу звони! Вон, видишь, не в уме она! Что ж ты наделал... окаянный!

Галеев растерялся. Он то смотрел на свою окровавленную руку, то на Катерину, удивленный и обескураженный, будто очнувшись от бесовского наваждения.

— Звони быстрее! — взмолилась Акулина.

* * *

На следующий день Борис, как всегда, ждал Катю на «Курской», у перехода с Кольцевой. Ждал долго, тревожно блуждая глазами по залу, выхватывая лица девушек в похожих пальто и шляпках. Но Катя так и не пришла. Не пришла она и на другой день. И на третий. Он продолжал ходить, ждал, высматривал, но все напрасно. Ходил вокруг ее дома, надеясь увидеть или что-нибудь узнать о ней. Дважды пытался попасть к Рите домой, но Рита так и не открыла.

А теперь настал черед достать папочку с донесениями, в которых убористым и ровным почерком Николай Доценко сигнализировал начальству об амурных похождениях своего шефа с некоторыми собственными выводами.

Утром Иван Никитич, как обычно, собрался на службу, гладко побрился. Акулина состряпала завтрак. Оба молчали, словно на поминках, понимая, что слова только повод для жалости и сомнений. А Галеев сомневаться в своей правоте не желал. Ну кто мог подумать, что эта девчонка такая впечатлительная. А он прав. И урок справедлив. Вылечат, а впредь будет знать, что замужем — это ЗА мужем, а не сбоку, где и с кем попало.

Машина ждала на углу дома. Генерал не успел подойти к передней дверце, как она распахнулась, и из нее вышел Доценко. Широко улыбнулся.

— Доброе утро, Иван Никитич!

Галеев напряженно взглянул на майора. Из машины вышел крепкий мужчина в штатском и предложил сесть сзади.

— Мы тут немного вашу машину поэксплуатируем, Иван Никитич, не возражаете? Оружие есть? — мужчина бесцеремонно похлопал по карманам и потребовал планшет.

Генерал несколько растерялся, но подчинился. Доценко сел впереди и командовал Скворцову трогать. Ехали молча. Галеев только поглядывал в зеркальце, в котором изредка встречался взглядом со Скворцовым. Тот прятал взгляд, чем еще больше встревожил Ивана Никитича. «Разберутся, — думал Галеев. — А если и переусердствовал с Катериной, пусть накажут. Но только должны они понять, что это за боль, когда узнаешь о собственной жене, что она шлюха».

Приехали не в управление, а во внутренний следственный изолятор МГБ, и это для генерала стало полной неожиданностью. Мысль, что причиной его задержания и доставки сюда была семейная ссора, окончательно рухнула, и он напряженно стал искать ответы на вопросы «почему сюда?» и «за что?». В голове крутился единственный ответ — Рита, актриска... Только она могла так мстить. Наверняка снюхалась с кем-то из начальства.

Галеев вышел из машины. Двое в штатском, которые ехали с ним сзади, внимательно следили за его движениями и ждали, когда придет конвой. Вышли и Доценко со Скворцовым. Водитель отошел чуть в сторону, закурил, соблазнительно выпуская дым.

— Что все это значит, Коля? — обратился Галеев к Доценко. Тот хмыкнул, криво улыбнулся и пожал плечами.

Пришел конвой. Ивану Никитичу приказали сложить руки за спину и повели в здание.

— Скворцов! Хватит дымить! Поехали! — нарочито громко и демонстративно, как показалось генералу, командовал Доценко.

Галеев оглянулся и встретился с майором взглядом. Тот все так же ухмылялся.

— Вперед! Не оборачиваться! — толкнул конвойный в спину.

«Ах, Коля, Коля... видать, мало тебе тогда рожу-то разукрасил, — думал Галеев, идя вслед за конвойным коридорами тюрьмы, по ковровым дорожкам, вдоль серых металлических дверей камер. — А может, и присочинил чего с Катериной? Может, специально стравил?»

В кабинете у Терентьева Галеев сразу заявил, что готов во всем помочь, но должен знать, в чем его обвиняют. Первый же вопрос обезоружил генерала.

— Хорошо, хорошо, Иван Никитич. Скажите, как давно вы общаетесь с Эндрю Вудсом?

Галеев непонимающе посмотрел на следователя.

— Кем?

— Эндрю Вудсом, — бесстрастно повторил Терентьев.

— Я не знаю, кто это.

— Хорошо... Ну а гражданка Панова вам известна?

Генерал кивнул.

— Прекрасно! Какие отношения были у вас с гражданкой Пановой?

— Послушайте, я двадцать с лишним лет на службе. Не нужно со мной издалека. Это Панова, что ли, наступала? Скажите, в чем меня подозревают, и я отвечу на любой вопрос.

— Вас подозревают в государственной измене. Ответьте пока на тот вопрос, который задал вам я.

Галеев выпрямился и смотрел на следователя остекленевшими глазами.

— Что? — еле выдавил он.

«Закурю-ка, что ли, папироску...» — промелькнуло в голове Ивана Никитича. Он встал и растерянно стал водить глазами по кабинету.

— Сесть! — рявкнул Терентьев, но Галеев словно оглох и ничего не слышал, продолжал переминаться с ноги на ногу и судорожно шарить по карманам, ища папиросы. Затем Иван Никитич поднял взгляд, полный презрения и ненависти.

— Да ты что... крыса канцелярская... Я — генерал Галеев! Ты мне про измену триндеть будешь?!

— Дымарчук! — крикнул Терентьев.

В кабинет ворвался здоровенный парень, чуть ли не на голову выше генерала, и с размаху сбил его одним ударом. Генерал, не ожидая такого поворота, вскочил, сжал кулаки и со злостью сжал зубы, готовый кинуться на верзилу. Но силы были явно не равны. Удары прекратились, когда Галеев перестал реагировать на них. Когда он разлепил глаза, над ним висело лицо Дымарчука, внимательно разглядывающего генерала.

— Хватит! — донесся голос Терентьева. Галеев встал не сразу. Голова гудела. Он поднялся и, с опаской глядя на верзилу, опустился на стул. — Ну так что, Иван Никитич? — продолжил следователь. — Из каких соображений вы убили гражданку Панову?

Генерал вздрогнул и удивленно посмотрел на следователя.

— Это какое-то недоразумение... Я... признаю... увлекся... этой... Пановой... но...

— Дай генералу полотенце, — попросил Терентьев.

— Можно воды? — перевел дух Иван Никитич.

Следователь налил воды и подал стакан.

Галеев подробно рассказал, как познакомился с Пановой. Не утаил и случай в Явасе. Все рассказал, вплоть до последней встречи.

— Как странно получается, Иван Никитич, прямо совпадение за совпадением... Только Панову хотели допросить — ее задушили. Хотели вызвать вашу супругу... Она в психлечебнице. Следы замечаете?

— Да как вы... — Галеев с опаской взглянул на Дымарчука, стоящего невдалеке и сгрызающего куски лопнувшей кожи с костяшек. — Катерина скоро оклемается, перегнул немного... за дело получила... Спуталась с каким-то музыкантишкой... Вот и выграло... Но чтобы измену... Не марайте меня... Надо будет, под пули пойду. Никогда даже думать не смел... С актриской — да... Но чтоб Родину...

— Не знаю, не знаю... оклемается ли. Врачи говорят, положение тяжелое. Может, так дурочкой и останется.

В глазах генерала мелькнула скорбь.

— Что? — спросил он, будто не расслышал.

— Припадки у нее, буйная делается. Ее привязанной так и держат.

Галеев скривился и опустил голову. Внезапно плечи затряслись, он уткнулся лицом в окровавленное полотенце и разрыдался.

16. Сталин умер

Прошло более трех недель, прежде чем Катерину перевели из острого отделения в общую палату. Большую часть дня она лежала, свернувшись калачиком, и смотрела в одну точку. Она смутно помнила все происходившее с ней раньше. Как скоблили после выкидыша, как орала «задушили!» до остервенения и хрипоты тем же страшным голосом, который кричал внутри нее, как пыталась разбить себе голову, едва зажившую после попытки выброситься из окна. Будто не было ничего. Сейчас она была тиха и смиренна, больше в обиде на персонал, что принимают ее за умалишенную.

Она часто садилась у окна и играла на широком подоконнике, словно на рояле, любимого Шопена. У нее была и своя преданная поклонница — Галя. Ей было не больше семнадцати, говорили, что она родила в уборной ремесленного училища и пыталась избавиться от плода, протолкнув его в унитаз. Ребенок оказался крупнее, а крик услышали ученики. Ребенок умер, а Галю отправили сюда. Когда Катя заканчивала играть, Галя хлопала в ладоши и кричала «браво». Галина история не вызывала у нее ужаса, да и сама Галя казалась вполне тихой помешанной и совсем не была похожа на злодейку или убийцу. Катя почему-то для себя решила относиться к ней как к товарищу по несчастью. Так было легче. Хотя Галя почти ничего не говорила, только улыбалась и кивала.

Акулина осталась единственной ниточкой, связывающей ее нынешнюю с прежней жизнью. Зачем она ходит, Катя не спрашивала, как не интересовалась и судьбой Ивана Никитича. Да и Акулина говорила мало, сухо. Только взгляд был с жалостью, скорбный, словно на обреченную смотрит.

Однажды Акулина пришла сама не своя, серая, словно постарела сразу на несколько лет. Катя не стала спрашивать, только поздоровалась и поблагодарила, что пришла. Акулина долго молчала, будто подыскивала слова.

— Сталин умер, — сказала она упавшим голосом, — что теперь будет...

Она качала головой, а Катя смотрела на нее непонимающим взглядом и не знала, что ответить.

— Как? — только вымолвила.

— Пятого марта скончался... Осиротели мы, Катя, осиротели...

Лицо Акулины скривилось, и она беззвучно заплакала, прикрывшись концом платка. Катя, не мигая, уставилась в одну точку. Вдруг она вспомнила портрет Сталина с лукавым взглядом на «Национале». Потом вспомнились Рита, Борис. Слезы наполнили глаза и потекли по щекам, хотя лицо по-прежнему не выразило ни единой эмоции.

— Ты поплачь, дочка, поплачь. Такое горе... Что теперь будет... Пovyлазит сейчас нечисть недобитая, стервятники... локотками друг дружку пихать станут да к креслу, еще не остывшему, вваться. Вот попомни мое слово, самый первый мерзавец, что в любви клялся да угодничал, и сядет.

Акулина обняла ее. Катя не стала объяснять, что плачет она вовсе не о Сталине, а потому, что вспомнила свою прежнюю жизнь, и что-то произошло внутри, будто расколдовали ее.

— Пятого марта? — вдруг спохватилась Катя. — Пятого марта...

— Да, — кивнула Акулина, — а вчерась схоронили. Народищу было, говорят, задавили там не одну сотню. Сама-то я не пошла, Иван... — Акулина осеклась и взглянула на Катерину, — Никитич не велел.

— Выходит... я тут уже больше трех месяцев? — подняла она удивленные глаза.

Акулина нехотя кивнула и отвела взгляд.

— Я чё сказать хотела... Иван Никитич-то... — Акулина запнулась, подбирая слова, — со мною теперь живет... у меня, в Тетеренском. Выгнали его со службы, и звания лишили, да чуть не посадили. Он, бедолага, в тюрьме-то месяца два просидел, пока разобрались. Николай это все... помощничек евоный. А Иван-то все продвигал его, стервеца... А оно вона как... Так вот и Сталин... доверился подлецу, а тот его и уморил.

Катя почти не слушала, сидела с отрешенным видом и думала о своем. Акулина заметила, что слова про Ивана Никитича не произвели на Катерину никакого впечатления, и решила еще раз выяснить, насколько безразлична она к Галееву.

— Слышь, ты на развод-то согласна? Говорю, он со мной нонче живет.

— На развод? — очнулась Катя.

— Ну, а как? — Акулина глубоко вздохнула и стала теревить пуговицу на пальто. — Люблю я его... Давно... Еще с Мордовии. Жили вместе там, только не расписаны... Да... ему детей подавай... А как позвал в Москву, так я с радостью... Хоть рядом буду, думаю... Вот и дождалась... Так что? Согласна на развод-то?

Катя встала, обняла себя за плечи, растерянно блуждая взглядом.

— Зябко мне... Пойду я... Спасибо...

— Так а... с разводом-то что? — Акулина с тревогой смотрела на Катину лицо, боясь получить отказ.

— Развод? Я его видеть не могу... Делайте что хотите...

Акулина заметно воодушевилась, встала и посмотрела на Катерину.

— Ну... пойду я, пойду...

Москву снова она увидела только в конце апреля. Город встретил в ожидании Первовая, празднично нарядившись в красное. Воздух пьянил весной, свободой и щемящим ожиданием перемен. Ноги сами несли ее вперед под музыку «Марша энтузиастов».

Чем ближе она подходила к дому, тем сильнее ее одолевала тревога. А когда она увидела дом, ее охватил страх. «Куда же я иду? Кто меня ждет? Акулина? Нет. Галеев?» — от одной фамилии Катю словно окатило ледяной водой. Она замедлила шаг, остановилась и с тревогой посмотрела на дом. Она вспомнила разговор с Акулиной, в смысл которого тогда не вникала и не понимала, о чем вообще она говорит.

«Она сказала, что он живет у нее. Кто же тогда живет в моей квартире? — подумала Катя и поймала себя на мысли, что несколько самонадеянно подумала о „своей квартире“. — Скорее всего, в нее могли поселить какого-то нового генерала, и его жена с такой же радостью наводит порядок, с каким я после Сомовых. А где же мои вещи? И где мне теперь жить?»

Только теперь Катя поняла весь ужас своего положения. Она осталась без дома, средств, людей, которые могли дать ей хотя бы временный кров и поделиться куском хлеба. Она робко вошла в знакомый подъезд. Ковровая дорожка была убрана. Вахтерши не было. Даже место, где она сидела, исчезло, как будто и не было его вовсе. Катя поднялась пешком на седьмой этаж. На «ее» двери появились два новых звонка. Она долго не решалась позвонить, мучая себя сомнениями. Наконец решила и робко коснулась кнопки. Прислушалась. За дверью послышались голоса, сердце тревожно забилось. Щелкнул замок, и на пороге появился Доценко, в майке и бриджах, по-домашнему. Он сначала настороженно взглянул, не ожидая увидеть ее, потом на лице появилась знакомая ухмылка, и тело несколько обмякло.

— А... генеральша...

Катя испуганно отшатнулась и уже хотела сорваться по лестнице вниз, когда ее окликнул Доценко.

— Э! Вещички-то заведи! Мне дома чужой хлам ни к чему!

— Коля, кто там? — послышался женский голос из квартиры.

— Да... — Доценко запнулся, пренебрежительно разглядывая Катерину, — тут за вещами пришли! Жиличка прежняя! Жди здесь, — бросил он Кате и скрылся за дверью.

В голове пронеслись слова Акулины про Сталина и «преемников». В душу прокрадось чувство гадливости и тошноты. Она повернулась и медленно пошла вниз, когда услышала голос Доценко:

— Эй! Ты где?! Генеральша?! — он швырнул на кафельный пол чемодан и заглянул в лестничный проем. — Ну, ты куда?! Забирать будешь?

Катя, превозмогая отвращение, поднялась за вещами. Доценко бросил узел из простыни рядом с ее фанерным чемоданом.

— Ну что, генеральша, жизнь-то она... видишь, как... Все недотрогу из себя корчила, а сама... ха! Не тому дала, генеральша!

Катя подняла такой ненавистный взгляд, за который бы Рита ее похвалила.

— Ой-ой... видно, мало тебе... Ну ничего, жизнь поваляет, куда вся спесь денется... — Доценко на прощание хмыкнул и закрыл дверь.

Катя вышла из подъезда и, только зайдя за угол дома, дала волю обиде. Она села на чемодан и безутешно разрыдалась, почувствовав себя жалким, брошенным щенком в толпе беспорядочно снующих ног.

«Куда идти? Что делать? К матери в Саранск? Где взять денег на дорогу?» — сыпались вопросы, приводя ее в отчаяние. Теперь предпраздничная мишура, от которой совсем недавно радостью и гордостью наполнялась грудь, превратилась в символ ее поражения и позора. «Доценки» взяли верх. Хотелось выть. Город, в который она влюбилась с первых шагов по его улицам и площадям, казался чужим, а ее положение невыносимым.

Казанский вокзал гудел, как растревоженный улей, на секунду смолкая, чтобы услышать объявления неразборчиво бубнящего репродуктора. Она выбилась из сил, пытается протолкаться с узлом и чемоданом в вокзал, то и дело задевая узлом или чемоданом кого-то из снующих пассажиров и не понимая, зачем вообще сюда пришла.

— Куда ехать, красавица? — раздался игривый голос сзади. — Мухой домчу!

Невысокий, полноватый мужчина крутил на пальце ключи и добродушно улыбался.

— Мне далеко, — метнула настороженный взгляд Катя, отвернувшись, крепче подхватив поклажу, и пошла дальше.

— Да с тобой хоть на край света! Поехали?! Шхуна уже подняла паруса!

— У меня денег нет... — бросила она через плечо.

— Обокрали, что ль? Вот же растяпа... Это Москва, куколка, тут ухо остро держать нужно. А за деньги не переживай, договоримся... Можно и натурой... — как бы между прочим тихо добавил мужчина.

Она оглянулась. Таксист многозначительно расплылся в улыбке. Катя поставила чемодан, и в голову со звоном упавшего пятак упала дурная мысль: «Вот где взять деньги». Она вспомнила слова Риты про нужду и отчаяние: когда нечего жрать, не до морали и принципов. Вспомнила и последние слова Доценко: «Поваляет жизнь».

«Вот и пусть уже изваляет. Насильно или за деньги. Галеев или таксист. Приеду к матери, а там и помереть легче...»

— Ну, так что? Снимаемся с якоря? — заметил таксист Катины терзания.

— А сколько дашь? — неожиданно для самой себя, не смущаясь, спросила Катя.

Таксист явно не ожидал такого поворота, растерялся, глазки забежали, начал крутить головой по сторонам.

— За что? — переспросил он, сделав вид, что не понял.

— За натуру?

Он задумался, подергал плечом.

— За «катеньку»...

«Катеньку за „катеньку“», — горько пошутила про себя Катерина.

— За полторы!

Глазки у таксиста заблестели, рот вытянулся в доценковскую ухмылку. Секунды две думал, верить или нет в удачу. Нет ли подвоха?

— Идем... Через перрон...

Он подошел и взял у нее чемодан. Они шли по перрону. Таксист первым, Катя сзади, как тогда, с Галеевым, когда первый раз приехала в Москву. Она смотрела на бритый, со складкой, затылок таксиста и представляла Ивана Никитича. Перед глазами промелькнула вся ее московская жизнь. Будто там, куда ее ведут, расстреляют. Все

там и закончится. Она не попытается сбежать, передумать. Она так решила. Пусть так и будет.

— Катя? — раздался удивленный голос сзади.

Она не услышала, погруженная в свои мысли. Голос окликнул снова, но уже громче и уверенней.

— Катя!

Она нехотя оглянулась. Просто бросила взгляд, уверенная, что зовут не ее.

— Катя! — повторил голос, до боли знакомый и взволнованный.

«Борис?» — мелькнуло в голове, в глазах потемнело, и силы оставили ее. Она выпустила из рук узел и едва не упала. Теперь она внимательно присмотрелась. Это был Борис. Он подбежал к ней, такой нелепый, родной и счастливый.

— Катя! Куда же ты пропала?!

Она молчала, трогала его руками, не веря в его существование, а из глаз текли слезы.

— Э! Куда швартуешься!? — обернулся таксист, не понимая, что происходит. — Тут я «яшку» бросил!

— Какого Яшку? — не понял Борис и добродушно улыбнулся. — А кто это?

Катя будто очнулась от наваждения, схватила чемодан и рванула к себе.

— А ну отдай! — с яростью прикрикнула на таксиста.

Таксист выпустил чемодан и отпрянул.

— Чокнутая, — повертел пальцем у виска, — малахольная...

Он ушел, а Катя и Борис остались стоять на перроне и смотреть друг на друга. Они долго молчали, боясь спугнуть мгновение счастья.

— Вы... ты куда-то уезжаешь? — робко спросил молодой человек.

— Нет... А ты?

— Нет. Мы встречаем папу... Его выпустили. Я искал тебя, но... Хотел спросить у Риты...

У Кати выступили слезы, она закрыла лицо руками и разрыдалась. Борис стоял в недоумении, боясь коснуться ее, чтобы успокоить, водя руками по воздуху поверх ее плеч. Наконец он дотронулся до нее, и Катя, почувствовав прикосновение, упала ему на грудь и зарыдала еще громче.

— Что случилось? Почему ты плачешь? Не плачь...

Но Катя не могла и не хотела останавливаться. Он бережно прижал ее голову к груди и боялся пошевелиться, чтобы не побеспокоить и дать ей выплакаться.

Потом был май — новая и чистая страница ее жизни. Она начала писать в ней бережно, будто школьник в новой тетрадке, тщательно и аккуратно выводя буквы, боясь сделать пометку или поставить кляксу. Все, что с ней произошло, она без утайки рассказала Борису. И про смерть Риты, и про Галеева, который вовсе не был ее отцом, и про то, как хотела выброситься из окна, и про лечебницу. Он понял, простил, пожалел.

Эпилог

Был солнечный сентябрьский день. Борис ждал у метро. Занятия в консерватории закончились немного позже, и Катя торопилась, быстро шагая по тротуару. Она заметила его издали. Это был Галеев. В гражданском пиджаке и штанах, заправленных в начищенные до зеркального блеска сапоги. Те же затылок и походка, та же закинутая за спину левая рука. Катерина в одно мгновение вспомнила все. И вокзал, и приезд в Москву, и как шла за ним с трепетом и надеждой на новую, необыкновенную жизнь.

И чистку сапог, и запах ваксы, и порванное платье, и тот самый день, когда жизнь для нее перевернулась. словно холодом обдало, только охнула.

Катя резко остановилась. Животный ужас, возникший внизу живота, стремительно распространялся по телу, перехватывая дыхание и сковывая ноги. Она тяжело задыхалась и опрометью бросилась через дорогу на противоположную сторону, оглядываясь и прижимая к груди нотную папку. Вдруг раздались резкий визг тормозов и противный, с треском, звук клаксона. Катя оглянулась и увидела несущийся на нее грузовик. Она выронила папку и зажмурила глаза. Грузовик замер в полуметре.

— Жить надоело?! Дура! — заорал выскочивший из кабины на подножку шофер.

Иван Никитич оглянулся. Он смотрел из-под козырька глубоко надвинутой на глаза восьмиклинки, как Катя растерянно озиралась по сторонам, собирала рассыпавшиеся листы партитуры. Она бросила на него испуганный взгляд и отвернулась. Вокруг начали собираться зеваки. Через дорогу перебежал вихрастый молодой человек. Расталкивая зевак, протиснулся к Кате.

— Ну как же ты, Катенька, — Борис подхватил ее под руки и прижал к себе. — Ну что же ты так неосторожна... Испугалась?! Ты цела?! Нигде не болит?!

Катя помотала головой и схватилась за живот.

Галеев достал папиросу, смял гильзу, не сводя с Катерины глаз, и закурил. Через минуту толпа рассеялась. Он еще постоял немного, пока Катя с Борисом не скрылись за углом.

Домой он попал за полдень, пьяный, перепачканный побелкой. В дверях оттолкнул Акулину, споткнулся о какую-то соседскую рухлядь в коридоре и ввалился в комнату. Акулина только тяжело вздохнула.

— Что ж ты, Иван Никитич, опять на бровях? Обещал же, работу съешь. Мне тебя одной не прокормить.

— Не зудит... Без тебя тошно. Не то устрою тебе... профилактику. Или старое уже зажило? Лучше пожрать что-нибудь дай, — пробурчал Галеев, снял пиджак с кепкой и швырнул в угол.

— Это мне благодарность такая? За то, что терплю да угождаю во всем? Что ж ты, Ваня, ко мне, как к скотине? Думала, нужна буду, поддержать... в такой-то час, а ты вон как. Совсем зверем стал.

— Заткнись, дура! — Галеев замахнулся.

Акулина не испугалась, не стала закрываться, продолжала напряженно смотреть, тяжело, не мигая.

— Вдарь... Ну... Ты мне не в морду бьешь — в душу. А там рана кровавая, не заживает, Ваня. Раньше терпела, думала, угомонишься, как-то жить будем. А оно еще хуже...

— Хватит уже языком трепать! Пожрать дай!

Он лег на кровать, повернулся на бок и укрылся шинелью.

Акулина опустилась на табурет и долго смотрела на затылок Галеева, словно пытаясь разыскать на нем ответ на вопрос, который ее долго мучил.

— Счас... драничков состряпаю... твоих любимых, — с мрачной задумчивостью произнесла Акулина, будто решила для себя что-то, — счас, Ваня, счас...

Она тихо поднялась, осмотрелась. Галеев вздрогнул и ровно засопел. Уснул. Акулина порылась в тумбочке, вытащила моток фитиля для керосинки, попробовала его на прочность, аккуратно смотала назад. Подняла глаза вверх. Через комнату была протянута бельевая веревка. Она подставила табурет и отвязала один конец.

— Ты поспи покуда, поспи, я быстро...

Она попробовала прочность крепления второго конца, сплела петлю, протянула веревку через никелированную спинку кровати, намотав на нее для верности, и остановилась перед Галеевым, оперевшись взглядом в его затылок. Постояв так несколько се-

кунд, ловко накинула петлю на голову Ивана Никитича и спихнула его с кровати. Он захрипел, схватился вначале за горло, потом судорожно потянулся вверх, пытаясь отвязать или ослабить веревку. Поймав рукой спинку, попытался приподняться, но Акулина навалилась всем своим весом, обняла его, крепко сцепив пальцы. Галеев недолго побрыкался, издал последний хрип и затих.

— Поспи, Ваня, поспи, — приговаривала Акулина, удерживая Галеева, пока не кончились конвульсии.

Потом встала и вышла на кухню. Чистила картошку, делясь с соседкой секретом квашения капусты.

— Ну, Трофимовна, ты и мастерица! Где ж ты так стряпать научилась? — с восхищением заметила соседка.

— Да и не училась вовсе, само как-то. Чувствую я, особенно тесто, — улыбнулась Акулина, — а вот сейчас Ивану Никитичу драничков сделаю, он проснется, а они с пылу с жару. Он, как в Витебске служил, так пристрастился...

Акулина быстро нажарила драников, сложила их горочкой на тарелку и понесла в комнату. Через секунду в кухню донеслись жуткий вопль и грохот разбитой тарелки. Соседка метнулась к комнате Акулины. Вышли и другие соседи, заглядывая в дверной проем. В комнате, у кровати, полувисел-полусидел Галеев, безвольно склонив голову на грудь. Перед ним, протянув дрожащие руки, на коленях стояла Акулина и причитала: «Ваня, Ваня». Посреди комнаты валялись разбросанные драники и осколки тарелки.

Ожило радио. Заиграли позывные.

— Передаем сигналы точного времени, — сказал диктор, — московское время... пятнадцать часов.